

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК
ВОЛГА
№ 4 2023
Литературно-художественный журнал

16+

Траскина О. В. «Чернышевский-мальчик за книгой»

А. П. Малютин. Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского 1978 г.

16+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 4 2023

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов
Союза писателей России (Москва)
С.А. Хомутов – член Союза писателей России (Рыбинск)

САРАТОВ
2023

№ 4 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Валентин НЕРВИН. Времена жизни	3
СТАТЬИ	
Андрей РАСТОРГУЕВ. Тезисы Лютого	6
ОТРАЖЕНИЯ	
Михаил КАЛАШНИКОВ. На чердаке забытой дачи	17
ПОЭТОГРАД	
Галина ТАЛАНОВА. Этот свет не ушёл, не растаял...	37
ОТРАЖЕНИЯ	
Валерий АРШАНСКИЙ. Глухендря	42
ПОЭТОГРАД	
Геннадий ПЕТРЕНКО. Простые истины	55
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Валерий РЫЖЕНКО. Тихое счастье	60
ПОЭТОГРАД	
Александр ДИВЕЕВ. Я вернусь к тебе памятью...	63
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Владимир ГУСЕВ. Великая утрата (Начало)	67
ПОЭТОГРАД	
Татьяна ЯРЫШКИНА. Путь души	114
СОВЕТ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ	
Александр РЫЖКОВ. Начало пути	118
ФЕСТИВАЛЬ ИМЕНИ Л. И. ОШАНИНА	
Облаков Священное Писание...	120
Мария ТУХВАТУЛИНА, Екатерина ГОДВЕР, Мария ЛЕОНТЬЕВА, Елена ПАЛЬВАНОВА, Екатерина СПИРИДОНОВА, Екатерина ГРОМОВА, Зинаида ЕРШОВА, Любовь ЧУБОВА, Елизавета МИХНЕВИЧ	
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Дмитрий ЕРМАКОВ. Саратовские дни	133
ОТРАЖЕНИЯ	
Анатолий АРЕСТОВ. Золотое поле	142
К 195-ЛЕТИЮ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО	
Александр ВАРФОЛОМЕЕВ, Елена РИЗАЕВА «Это праздник для маленького домика над Волгой»	150
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ	
Любовь ЧИРКОВА. «Я вспоминаю Родину свою...»	155
ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС	
Геннадий СТУПИН. Спутница моя — печаль...	162
СОБЫТИЕ	
Юбилей Михаила Алексеева на его родине	166
СТАТЬИ	
Сергей ФОЛИМОНОВ. Настолько русский писатель, насколько это вообще возможно...	167
РЕЦЕНЗИИ	
Елизавета МАРТЫНОВА. Формула жизни	170
В МИРЕ ИСКУССТВА	
«Чтобы мой родной город процветал...»	173
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ	
«Русская лирика» и «Первые вспышки»	179

**Валентин
НЕРВИН**

ВРЕМЕНА ЖИЗНИ

Мы стали рассудительней и старше,
а в зону, подконтрольную уму,
протуберанцы молодости нашей
не долетают, судя по всему.
Не стану понапрасну упираться,
не буду рвать рубаху на груди:
до юности отсюда не добраться,
а в детство впасть

Господь не приведи!..

РОМАНС

О чём красавица поёт,
когда, наедине с гитарой,
она себя не узнаёт
ни в зеркалах,
ни в песне старой?
Через открытое окно
струится время эфемерно,
а в комнате уже темно,
томительно и парфюмерно.
Кто угадает наперёд,
узоры струн перебирая,
какую песню запоёт,
слова любви перевирая?

-
- Валентин Михайлович Нервин родился в 1955 году. Член Союза российских писателей, автор 12 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. Н. Лескова (Россия) и им. В. Сосюры (Украина), специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии-2013), Международной Лермонтовской премии (2014). Стихи переводились на английский, немецкий, румынский, украинский языки. Живёт в Воронеже.

Она не молода, но моложава.
Чем далее по жизни, тем верней
Вертинский, Северянин, Окуджава
по вечерам заходят к ней.
Как водится, виниловые диски,
шампанское с ликёром пополам,
и прошлое гуляет без прописки
по хрусталям, коврам и зеркалам.
Какие тени кружат горделиво,
какие тайны время сторожит –
и молодость зеркального разлива
на амальгаме памяти дрожит.

МОЛОДОСТЬ

Молодость – она права,
что подолгу не грустит,
и зелёная листва
о зиме не шелестит.
Поседеет голова,
заклубится листопад...
Молодость – она жива,
просто годы облетят.

ПОТОП

Потоп начинается по-деловому:
похоже, у них выполняется план –
вселенская слякоть, а по окоёму
шумит мировой океан.
Дожди по периметру ходят кругами,
круги разбегаются по тишине.
Вода в небесах и вода под ногами,
а солнце я вижу во сне.

КОСМИЧЕСКОЕ

...А Земля – планета неброская
среди прочих ярких планет.
Круглая она или плоская –
до сих пор понятия нет.
Вопреки вселенской традиции,
тут идёт брожение, но
у Земли такие амбиции,
что любой комете смешно.
Даже собственная галактика
ухмыляется невпопад.
Начинается профилактика:
кто не спрятался – виноват.

НА ПЕРРОНЕ

Когда на перроне сухая листва шелестит,
а наши слова и надежды растрочены попусту,
Земля одиноко
 в осеннее небо глядит,
как женщина
 смотрит вослед уходящему поезду.
За далью своих световых и беспамятных лет
звезда фонаря на последнем вагоне качается.
Составы уходят,
 а женщины машут вослед,
и время надежд
 на Земле никогда не кончается.

Может, и не рад стараться,
но судьба захомутала –
чтобы с нею разобраться,
человеку жизни мало.

Поневоле беспокоя,
сердце отдано дорогам;
а душа как поле боя
между Дьяволом и Богом.

Случается изредка, что в октябре,
по благости или капризу природы,
такие погоды стоят на дворе,
что прямо не знаю, какие погоды!
Куда подевалась осенняя хмарь?
Амуры кучкуются на перекрёстке,
и даже совсем одичалый фонарь
подмигивает симпатичной берёзке.
...Стою посреди пасторальной земли,
а по направлению к Старому Крыму
уже полетели мои журавли,
заранее чувствуя близкую зиму.

**Андрей
РАСТОРГУЕВ**

ТЕЗИСЫ ЛЮТОГО

**Лютый В. Д. Предназначение.
О литературе и современности / Вячеслав Лютый. —
Воронеж: АО «Воронежская областная типография»,
2022. — 704 с.**

Книга известного критика, вышедшая в 2022 году, представляет собой манифест современной русской литературы.

Жил в своё время такой человек — Мартин Лютер. Нет, не Мартин Лютер Кинг. Тот был тоже протестантским священником, но в середине XX века боролся за права американских чернокожих. А я — про бывшего немецкого монаха, что за четыре с лишним столетия до него породил весь европейский протестантизм. Точкой отсчёта, напомним, стали 95 тезисов с критикой католической церкви, бумагу с которыми Лютер прибил 31 октября 1517 года к дверям своего храма в Виттенберге.

Ещё он, говорят, запустил в дьявола чернильницей. Но это уже к делу не относится. И вообще, на этом экскурс в историю, Европу и за океан можно завершить. Ибо основой для него стало простое звукоподобие. Очень уж созвучна фамилия Вячеслава Лютого, которого приверженцы традиционного течения отечественной литературы считают ведущим критиком своего направления, с именами этих двух исторических персонажей.

Впрочем, только ли это? Протест против сегодняшнего состояния дел в литературном процессе и отношения государства к настоящей, по оценке Лютого, русской литературе в его статьях опять же налицо. Правда, выступает он всё-таки за сохранение и продолжение традиции. Однако назвать его консерватором язык тоже не повернётся: он за традицию постоянно обновляемую.

-
- Андрей Петрович Расторгуев родился в 1964 году в Магнитогорске Челябинской области. Окончил Уральский государственный университет в Свердловске (1986) и Российскую Академию государственной службы при Президенте Российской Федерации в Москве (1999). Кандидат исторических наук. После окончания университета жил и работал на Севере, потом вернулся на Урал. Поэт, переводчик, публицист. Публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная учёба», «Урал», «Север» и др., участник ряда антологий. Автор 8 книг стихов, переводов и литературно-критических статей. Лауреат государственной премии Республики Коми, премии журнала «Урал», литературной премии Уральского федерального округа, премий имени Бажова, Рождественского. Член Союза писателей России. Живёт в Екатеринбурге.

И ещё одно сходство, на мой взгляд, имеется. Вышедшая в прошлом, 2022 году, в Воронеже тиражом всего 300 экземпляров объёмная книга этих статей, рецензий и интервью «Предназначение» содержит россыпь и вполне позитивных высказываний о том самом течении русской литературы, сторонником которого является автор. Будучи выделены в качестве тезисов и собраны вместе, эти утверждения вполне могут составить своеобразный манифест, систему координат этого течения. Тем более в контексте нынешних активных попыток сформулировать критерии настоящей литературы.

Сделать это – выделить и собрать, не мудрствуя лукаво – я и попытался в этом тексте. Возможно, не бесполезно. Согласятся в этих тезисах, уверен, далеко не со всем и отнюдь не все. Однако вряд ли имеет смысл встречать их спешными раздражёнными комментариями типа тех, что мы оставляем под теми или иными постами в социальных сетях. Такого рода тезисы, на мой взгляд, требуют спокойного прочтения и системного же отклика.

НА ТЯЖКОМ РУБЕЖЕ

Выказывая себя современным православным человеком, Лютый считает, что на невероятно тяжком для неё рубеже тысячелетий Россия держится святыми молитвами старцев и волевыми поступками тех, кто принимает на свои плечи всю тяжесть глухого времени. В ряд «самоотверженных матерей и жён, монастырских послушников и истинных художников», что защищают красоту от пошлости и низости, он включает и русских писателей.

Одна из составляющих этой тяжести и глухоты – в том, что правилом «хорошего» тона стала грязноватая ирония по отношению к первостепенным вещам: детству, материнству, Родине, родной истории. «А слова правды и любви, слёзы боли и горечи, радостный смех и прозрачный утренний свет над русским простором оказались в изгнании, были удалены из зоны прямого доступа...» В последние десятилетия, когда «горлопаны» и газетные обозреватели «демонстративно не замечали всего действительно значимого и серьёзного», реализм как основное традиционное течение русской литературы оказался в неравных условиях с иными литературными течениями.

Изменилось и восприятие самого слова «писатель». Почти два столетия всем было ясно, что это человек, «который умеет складывать слова в понятную и благородную по звучанию речь, закреплять их на бумаге и затем уже в виде книги передавать свой труд всякому, кто будет заинтересован в новом взгляде на жизнь и судьбу, в достоинстве и нравственном чувстве, в красоте и глубоком смысле жизни, в её высоком и скрытом от постороннего глаза предназначении...» Никто не сомневался и в том, что «писатель любит родную землю и готов постоять за неё не только словом, но и кровью своей».

Однако сегодня, по мнению критика, писательство можно представить как «некое ветвистое дерево», где наряду с родными ветвями появились искусственно привитые. А некоторые ветки переродились в изогнутые хворостины.

При этом автор отделяет русское писательство от мировой литературы. Да, прежде «множество ярких имён и произведений» в ней, по его ощущению, стало для русских авторов строгой школой. Но сегодня мировая литература, считает он, зашла в тупик, где «происходит обработка достаточно прогнозируемых и порой навязанных желаний, мечтаний, часто рассудочных размышлений нынешнего западного частного человека, который утратил ощущение необъятного бытия и погрузился с головой в физическую реальность».

Тогда как русские писатели всегда «искали самобытную форму, которая адекватна историческому содержанию, не желающему укладываться в прокрустово ложе привычной литературы». И по-прежнему, наследуя Шолохова, стремились создавать собственный оригинальный художественный мир.

РАСКОЛ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература, убеждён Вячеслав Лютый, является смыслообразующей частью культуры и призвана противостоять духовной смерти человека, который способен утратить первоначальный космизм своего «я», становясь едва тёплой шахматной фигурой – рациональной, послушной внешним предписаниям. К примеру, в русской поэтической почве более чем достаточно прекрасных и целебных цветов и трав, необходимых для такого противостояния. И не только в почве.

Современную поэзию критик вообще видит богатой и цветущей: «её интонационное богатство, умение по-новому взглянуть на большое и малое достойны не только изучения, но и читательской влюблённости». Однако эта поэзия «обеднела талантами, к которым приложим образ родового древа, объединяющего прошлое, настоящее и будущее». И потому травяная и цветочная поросль распускается лишь на сезон, «она не связывает живыми жилами разные земные слои и не устремлена в наступающий день».

Не связанная воедино россыпь лирических зарисовок скрывает «неспособность автора к переживанию глубокому, соединяющемуся множеством тончайших нитей с мирозданием». Приглашение читателю погрузиться в быт сочинителя при этом обосновывается правом художника на самовыражение, к которому предлагается приравнять творчество. Чуть ли не единственным признаком настоящей литературы объявляется стиль, созвучие с читателем – необязательным.

Между тем главным смыслом творческого акта, напоминает Лютый, является одухотворение. И когда литература вместе со всем остальным искусством этот смысл утрачивает, она мертва, наступает апокалипсис. А современное искусство оказывается художественной дверью в метафизическое ничто.

Со сломом советского государства, отмечает автор, появилось чувство свободной речи. Но одновременно была сломлена и внутренняя идея, без которой не может жить даже просто мыслящий человек, а тем более художник. Все «соскользнули с поверхности бытия» в некую мировоззренческую котловину. «В обществе возникла психология рыночного хама и во весь голос стало озвучиваться циничное отношение к русской культуре и русскому человеку как таковому... Современное общество с любопытством умалишённого стало поверять высокие истины низкими понятиями и предметами...»

Общественное сознание советской эпохи, напоминает критик, было пронизано необходимостью постоянно делать нравственный выбор. Однако после перелома начала 90-х «в литературе... образовалась некая территория, на которой названный лейтмотив негласно признавался совершенно необязательным или даже порой предосудительным...»

На рубеже нового тысячелетия совершился «мировоззренческий поворот автора от внешнего мира – к внутреннему». Ранее было принято говорить о сверхзадаче писателя. После – ставить во главу угла фигуру автора, придавая ей большее значение, чем созданному произведению.

Опять же в центре внимания оказались «самовыражение литератора и свобода его личности, уставшей от невнимания публики». А то, «что наполняло культуру в прежние десятилетия и эпохи, стало пониматься буржуазным бомондом как отжившее свой век морализаторство и диалог с вымышленными инстанциями и персонажами: с богом... или с великими именами...» В то же время «русская литература традиционного звучания... осталась в своих духовных берегах», и нравственные акценты в диалоге литературного героя с окружающим миром «только обрели дополнительные нюансы и оттенки».

Так, продолжает автор, «прежде относительно целостная отечественная литература разделилась на две части: либеральную, коей сам чёрт не брат и море по колено, и русскую, в духовном отношении глубоко традиционную...» Обратим внимание: альтернативу либеральному направлению он называет не антонимом и не более расхожим термином «почвенническая», а по национально-культурному признаку – русская.

Антитеза формального авангарда и консерватизма тут тоже ни при чём. По его оценке, «сухая ветка сегодняшней либеральной литературы обходится без нравственных координат в изображении своих героев...» Во второй «вполне могут быть какие-либо новации в интонационном строе и повадках персонажей, однако связь со старыми временами в самых главных определениях здесь по-прежнему незыблема...»

По существу, убеждён критик, всё-таки возвращаясь к прежнему обозначению антитезы, «настоящий читатель вынужден выбирать между литературой почвенной и литературой «мертвенной»... Литература почвы пытается проникнуть в тайну возникновения родовой памяти и природы, в народную традицию и сложнейшую проблему её соприкосновения с цивилизацией. Здесь художник озабочен уже упомянутой сверхзадачей, а всё, что позволяет ему двигаться к назначенной цели, имеет служебный, инструментальный характер...»

Именно такая литература, убеждён критик, – инструмент идентификации русского человека. А пока есть русский человек – существует и Россия.

ОБНОВЛЕНИЕ СМЫСЛОВ

Художественная литература, считает Вячеслав Лютый, «всегда позволяла читателю понять время и события, узнать в них знакомые черты и открыть неизвестные прежде стороны происходящего. А уже потом соотносить себя с литературным изображением и исторической реальностью, взятой из нехудожественных источников...»

Такая русская литература «всегда объясняла читателю жизнь на художественных примерах». И, вопреки всем позднее возникшим бойким «теоретикам», которые осмеяли её «учительство», и «большим на голову» сочинителям, которые стали «хихикать надо всем серьёзным, что от века поддерживало русскую жизнь», бытие в ней непременно подразумевает жизнь человеческого духа.

Такая литература, по мнению критика, является по определению традиционной. Она «есть воспроизведение уже сказанного на новом материале, то есть постоянное возобновление традиции на фоне многообразия тех вызовов, которые предлагает нам реальность...» И для этой традиции «характерны кристальные смыслы и понятия: детство, мать, честность, справедливость, чистота, любовь, верность, Родина, память...» Ими насыщены «все главные произведения русской литературы вне зависимости от века...»

Всё это отнюдь не означает остановки, поскольку «традиция понимается не как воспроизведение старых образцов – но как развитие принципа...» И начало XXI века, отмечает Лютый, требует русскую литературную традицию активно обновлять. Однако на первое место он ставит подпитку тех самых базовых смыслов новыми, современными.

Как та или иная литературная идея воплощается стилистически и формально – тут, по мнению критика, возможна полная свобода. Правда, при одном условии: читатель знакомится прежде всего с отображающим реальность произведением, а не с автором... Кроме того, автору стоит помнить, что «авангард только называет явления и их грани, тогда как реализм проникает в само существо события, человека, времени».

Ещё один из главных признаков собственно художественной литературы – наличие художественного мира, который создал писатель. А «писателя-профессионала характеризует сверхзадача, которая складывается в его сознании, когда он подступает к своему новому произведению...»

В то же время, по мнению критика, интеллектуализм является не самой лучшей стороной художественного произведения. Требовать его от современной литературы и попрекать её «неизобретательным изображением распространённых типажей» вообще не стоит.

Постмодернистская литература и СМИ, заявляет Лютый, в предыдущие годы «вывернулись наизнанку в своём животном старании дегероизировать наше бытие». Так что «исстрадавшийся в постмодернистской пустыне русский человек тянется к теплоте, к конкретному герою, к узнаваемой ситуации...»

«Литература живёт образами и только в связи с ними – смыслами и суждениями. Именно поэтому легковесные любовные романы имеют большее отношение к литературному повествованию, нежели интеллигентские опусы рефлексивного характера, в которых человеческого мало, но относительно «умного» – через край...»

И с откровенной публицистикой надо быть поосторожнее. Фраза «я не поэт – я гражданин», замечает Лютый, сегодня популярна у плохих поэтов, а писать о Родине плохие стихи нельзя. Хотя и оговаривается: «Публицистические стихи вчерашнего дня могут поразить глубиной нового дыхания, будучи вписаны в неожиданный образный и предметный контекст...»

ПРАВДА И МУЖЕСТВО

Для современной русской прозы, убеждён Лютый, очень важно создать характер литературного героя, в котором житейские недостатки сочетались бы с некоей идеей, которой подчинена его жизнь. Он может ошибаться и быть порой несправедливым, но одновременно не может отказаться от себя самого, от того, что любит всем сердцем.

Говоря о смещении многих понятий в современной России, автор резко заявляет: «Неизвестно, какой уклад... считается властью доминирующим и перспективным: социальное государство или вертикаль воров и лжецов...» В такой ситуации, в частности, для молодого поколения чрезвычайно важно, чтобы приоритетными понятиями в литературе оказались правда и мужество. «Чтобы новый герой обладал мужскими качествами, а героиня – женскими, в противоположность нынешним образам самца и самки, действительно внедряемым в сознание молодёжи...»

Исключительно важно «показать в литературном произведении действительных героев современной жизни, которые держат стены нашего дома-государства – несмотря на ложь пропаганды и воровские ухватки ничтожной «элиты»... Только тогда современная русская литература станет сильным союзником надежды на завтрашний день и «духовно верного воспитания нового поколения... И тогда заново начнёт выстраиваться общественное мнение уже иного образца – в отсутствие корысти и пошлости, пронизанное искренностью и верой в справедливость».

Какой бы ни была эпоха и насколько бы ни развратили юное сознание безудержной пропагандой наживы и беспринципности, отмечает критик, молодому сердцу всегда важна правда. Сегодня же особенно актуален «вопрос взаимного триединого согласия: молодого человека – государства – Родины... Нужна воля к действию, нужны сильные мужские характеры, определённые решения, за которые герой может отвечать...» А что касается формы, то «в эти смутные годы требуются... осознанная скупость и точность литературного письма...»

Сама отечественная словесность, утверждает критик, немислима без проекта о человеке и его мире: такова форма её существования... «Подлинную литературу, которая есть бытийное зеркало нашей реальности, земной и духовной... важно отличать от текстов, которые присутствуют в «реальности книжного рынка», и то лишь благодаря неким специальным подпоркам в виде хорошо подготовленного пиара и пошлого «креативного» горлопанства...»

ЛИТЕРАТУРА И ВЛАСТЬ

Главным, наиболее востребованным писателем страны между тем до последнего времени считался Борис Акунин – по словам Лютого, «бойкий беллетрист с отточенной способностью лукавить там, где это необходимо лично ему и его либеральному лобби...» В том же ряду он упоминает Сорокина, Дмитрия Быкова, Минаева, Рубину, Улицкую...

Именно из этого ряда до последнего формировались писательские делегации, представляющие российскую литературу на книжных выставках за рубежом. Именно этим авторам, чья «внутренняя ложь и нравственная вседозволенность на поверхности», раз за разом оказываются адресованы «властные улыбки и участливые взгляды». И именно их томами, а не книгами, скажем, Валентина Распутина, Петра Краснова и Владимира Крупина, завалены книжные магазины.

Пачку именно акунинских книг, напоминает Лютый, «юркие чиновники» преподнесли как-то Президенту. Хотя тот, «видимо, хочет, чтобы защищали родину молодые ребята, читавшие, скажем, прозу Константина Воробьёва».

Высказал это критик в 2015 году, а через семь лет его предположение, похоже, подтвердилось. Во всяком случае, выступивших против СВО Акунина и Быкова в Донбассе вроде бы не поминают – как минимум добрым словом. А военную лейтенантскую прозу Воробьёва наверняка и впрямь читали многие из тех, кто на передовой.

Поддержки подлинно отечественной литературы, утверждает Лютый, в России нет. Государственную политику в литературном поле он именует «слепоглухонемой», что вполне соответствует «странной иллюзорности» нынешнего российского государства, «в котором постоянно происходят перемены совершенно нелепого и безжалостного по отношению к народу свойства, неочевидные только слепому или сердечно глухому человеку...»

Политика же издательская в двух российских столицах ориентирована на столичных же авторов и «отличается странной герметичностью», а в провинции практически отсутствует. Между тем литературу в сегодняшней России по существу представляют именно региональные, а не столичные писатели. «...Столица поставляет в традиционно здоровую в духовном отношении провинцию всякую модернистскую чушь – таково следствие информационной эпохи... Сегодня издательский процесс, главным образом сосредоточенный и финансируемый в столице, практически враждебен собственно литературному процессу как отображению сегодняшней жизни во всей её художественной и реальной полноте...»

Поэтому вопрос читателя, где найти хорошую книгу, обречён остаться без ответа. Инструментов, позволяющих его дать, практически нет. Главные современные литературные премии, например, превратились в коммерцию, «лохотрон» и вообще авгиевы конюшни. Хотя, предполагает автор, лучше повторить один из подвигов Геракла: вычистить, а не развалить до основания. Чтобы они «обрели творческую содержательность и фиксировали важнейшие достижения в русской словесности наших дней...»

«О самом драгоценном для нас, – вновь резко замечает Лютый, – мы говорим под вой и проклятье «писателей» поддельных...» Их, по его оценке, не очень много, зато в их распоряжении – все СМИ, издательские и финансовые ресурсы. Бытие же «прозаиков и стихотворцев, которые назвались «русскими» и выбрали для себя иной житейский и творческий удел в этом гнилом соседстве, в ситуации недоброжелательного или, в лучшем случае, осторожного присутствия государства» проходит «в мучительном преодолении враждебности окружающей социальной среды».

Что государство поддерживало и Союз писателей России, который стремится быть центром притяжения патриотических сил, критик признаёт – однако называет эту поддержку часто лукавой и вынужденной. В том числе потому, что, по его мнению, если бы русские литераторы заняли «непримиримо враждебную позицию по отношению ко всем ступеням... административного устройства», на пользу это бы не пошло никому.

Властная элита, считает Лютый, «должна знать, что писатели её не любят и после некоей «точки невозврата» могут такую свою нелюбовь любыми средствами транслировать российскому читателю». Но уточняет: «не с позиций либеральных любителей осетрины и публичных соитий перед объективом камеры, не с позиций «баррикадного» решения всех идеологических и социальных вопросов...» А вместе с нарастанием глухого народного ропота, приобретая «оттенки бури в тисках терпения...»

Хотя, продолжает критик, уже в СМИ произносятся широко прежде немыслимые слова «патриотизм», «Родина» и «русский народ», на деле «либеральный шабаш продолжается, только без всемерной огласки. Государство пока ещё не подтвердило в полной мере свою приверженность национальным ценностям, героической и многострадальной русской истории...» Да и патриотизм «озвучен в качестве национальной идеи», не исключено, только потому, что «этот вектор развития необходим российскому истеблишменту для сохранения сложившейся властной вертикали...»

Что же касается высокого русского языка, «которым владели Пушкин и Чехов, Достоевский и Толстой», он той самой элите, уверен Лютый, практически не нужен. Для достижения её собственных экономических целей «вполне достаточно обеднённого английского». Который, заметим по ходу, последствиями своего использования вполне сравним с обеднённым ураном.

Так что, подытоживает критик, «...истинные литературные достижения сегодня существуют в нашей стране наперекор издательской политике, которая выуживает из тьмы неизвестности и бумагомарания опусы подчас совершенно бездарные. А также превозносит в СМИ и поощряет тиражами произведения весьма средние, главным образом – либеральные или буржуазно-коммерческие...» Но всё-таки Лютый надеется на будущее, когда «государственная власть придёт к пониманию того, что с русскими важно выстраивать особые отношения, а считать огромный народ аморфной «массой» есть самоубийственное заблуждение...»

Всё либеральное творчество, по оценке критика, утверждается под девизом «здесь и сейчас» или «после нас хоть потоп». Почвенная же литература, как правило, многомерна, устремлена и в будущее, и в прошлое... Чутко улавливая медлительность и неуверенность власти в традиционных приоритетах, издательские круги вновь и вновь дают импульс порочному развитию современной литературы. А подлинная русская словесность вновь остаётся на голодном пайке, в положении просящего.

В этой, считает Лютый, духовной войне проведённый в 2015 году Год литературы стал обманчивым перемирием. Эрозия либерального уклада происходит, однако «отечественная словесность должна понимать необходимую строгость своего внутреннего состояния, а также ответственность за художественную и интеллектуальную строку, обращённую, конечно же, к Богу – но и к читателю...» Важны также «самодисциплина и понимание, что русский язык – это твой язык, и от тебя зависят его чистота и содержательность...»

ВДАЛЕКЕ ОТ БЫТИЯ

Основной принцип либеральной литературы, отмечает Лютый: всё, кроме эго, – избыточно. Главная тема её представителей – проблемы человеческой личности, однако «огромное большинство произведений таких авторов подают «личность» как нечто неприятное и часто низкое...» Самозабвенное копание в бытовом и сексуальном существовании героев низводит их до уровня особей...

Лучшие авторы-либералы обходятся без этого. Однако и они отрицают связь человека с родной землёй, её историей. Духовных обязательств перед своим родом их герои не ощущают.

Отчасти именно это стало основой для разделения писательских объединений, когда Союз российских писателей отделился от Союза писателей России. Для первых, категорично заявляет критик, писательство – только умение, вторые – впитали «соки здешней почвы». Хотя и в СРП «есть много честных художников» и появляются «совсем иные люди с правильно поставленной душой и верным нравственным чувством...»

Но дело не в организационной принадлежности. На рубеже 1960-х годов появилась, по словам Лютого, и «целая когорта авторов, которые не переносят всё русское и которых доводят до изнурения собственные припадки ненависти к самобытности русского начала». Лучшие из них писательским мастерством вполне владеют, «однако вся бытийная глубина, присущая органическому русскому творцу, категорически обходит их сочинения. Буржуазные пошловатые графоманы, фигуры приятные во всех отношениях, они любят посидеть сразу на двух стульях... Опытные версификаторы... они не способны вдохнуть живую искру в слова, чтобы возникли стихи, равноценные строкам Сергея Есенина или Николая Рубцова...»

Мир во всей его сложности, который существовал до появления поэта на свет и будет существовать после его ухода, творцу экспериментальной, авангардистской лирики, стремящемуся выразить, в первую очередь, собственное внутреннее «я», принципиально неинтересен. Такие произведения и такие авторы, считает Лютый – «явление сугубо литературное, в основе своей искусственное...»

Только, считает критик, «искусственная удалённость лучших русских поэтов от читателя позволяет иным аналитикам от литературы говорить с придыханием о чём-то совершенно ином и достаточно мелком: о Вере Павловой, Сергее Гандлевском, Дмитрие Быкове, Лье Рубинштейне, Вере Полозковой и им подобным...»

По мнению критика, «новая лирика, насыщенная предметами и личными переживаниями автора до предела, оказывается только дневниковой записью в соответствующей литературной форме – и больше ничем... Читать это можно только в малых объёмах, поскольку в целом подобные стихотворцы представляются литературной толпой, в которой каждый жаждет рассказать тебе только свою историю и поделиться исключительно собственными обычаями и привычками...»

Либеральная литературная практика, констатирует Лютый, «понимает поэта как одиночку, который говорит о мире только в связи с собственными переживаниями и бедами – но категорически не воспринимает себя в качестве части мира, истории, рода...»

Такой в самом тривиальном виде субъективный идеализм прежде не вклинивался в литературу. Но сегодня он стал оружием, «которым уничтожают русскую поэзию, лишая её великих смыслов, низводя их до частных построений творчески не состоявшихся школяров, которые не уяснили себе сложные законы соединения большого и малого, частного и общего, уходящего и нарождающегося...»

В общем, сурово заключает Лютый, это – «либеральная короста на потаённом теле русской поэзии...» Различия между «либеральными» и «почвенными» произведениями он видит прежде всего в авторских ценностных установках.

«У либералов во главу угла поставлена частная жизнь, свобода волеизъявления и сочинительства и всё подобное, имеющее отношение в основном к фигуре городского человека, как правило, интеллигента. То, что касается взаимных отношений человека и его Родины, здесь почти всегда считается темой пустой и затёртой, более того – государство однозначно совмещается с Родиной, и уже потому либеральный человек отчуждён от почвы. Да и само название «почва» для него находится в одном ряду с сапогами, портянками, грязью, захолустьем и непросвещённостью...»

МАТЕРИК РУССКОЙ ЖИЗНИ

Почвенная литература «государство от Родины отделяет принципиально: она внимательна к родовым знакам, нравственному чувству, которое способно объединить человека с его предками. Государство приходит и уходит, возникает и изменяется, а Родина – остаётся неизменной. Поэтому литература «почвенная» и «либеральная» так по-разному изображают исторические события, семейные коллизии, любовь...»

Эта современная русская литература начала проявляться также на рубеже 1960-х, когда благодаря образованию Союза писателей РСФСР «начался

процесс неуклонного... ментального объединения художников, которые почувствовали под ногами родную землю и осознали уже конституционально свой долг перед ней...» Возникла «атмосфера русского художественного поиска, в котором цена традиции высока, а прозрение грядущего невозможно без оглядки на старину... Образ Родины стал являться перед читателем всё более объёмно, а тяжкие времена её летописи начали получать осмысление, порой далеко выходящее за границы собственно писательской творческой практики...»

Примерами такого осмысления Лютый называет роман Леонида Леонова «Русский лес», произведения Василия Белова и Валентина Распутина, которых «литературные говоруны называли «деревенщиками». С ними «возник огромный материк традиционной русской народной жизни, воплощённой в слове, в образах и живых примерах, в деталях, именах, умениях и распорядке...» Эти авторы «сражались за свою страну, спасая уже самые её основы от поругания и уничтожения. Однако государство... было уже обречено – и собственной вненациональной доктриной, и людьми, вскормленными западной «манной» и находящимися на ключевых постах державы...»

Одновременно и параллельно с укреплением течения литературы, посвящённой русской почве, «на узловых точках литературного ландшафта... напитывалась соками нашей земли иная словесность, национально выхолощенная, словно обладавшая какой-то дистиллированной кровью. Она отодвигала наследников отечественной художественной традиции на обочину литературного процесса...»

Однако русская литература, считает критик, «жива без всяких оговорок и сегодня очень разнообразна». Мировоззренческую особенность патриотов он видит в проявлении родовых и почвенных связей: «не тобой всё началось, и с твоим уходом всё не закончится...» Одно время их упрекали в примитивизме формы. Однако лучшие из них освоили всё её богатство. Просто искреннее стремление говорить с читателем всегда ограничивает формальные изыски. «Тогда как формализм без берегов есть свидетельство отсутствия твёрдой писательской руки».

Сам Лютый уверен, что формалистические искания отнюдь не бесполезны для литературы. «Исчерпав себя, они передают драгоценный опыт и умения реалистическому направлению, обогащают его оттенками, придают стилистике необходимую гибкость и способность отразить в искусстве слова новую реальность...»

В частности, современная поэзия, по мнению критика, «вобрала в себя интонации самые разные, формы порой причудливые и гротескные, антураж мистический – и предметно документальный, духовные устремления как экзистенциально невыразимые, так и публицистически наглядные. Кажется, всё вошло в нынешнюю русскую поэзию, взбаламутило её содержание, сбilo привычную иерархию прекрасного и безобразного – и оставило в растерянности читателя, доверчивого и сердечно неиспорченного...»

Однако практически все бытийные достижения русской поэзии, считает Лютый, «связаны со стихами традиционными по форме». В середине второго десятилетия такая поэзия, по его мнению, достигла расцвета. Он видит в ней «новое мощное поколение... спектр его интересов и размышлений весьма широк и независим от идеологических разрядок...» Эта поэзия представлена именами Светланы Супруновой, Светланы Сырневой, Дианы Кан, Геннадия Ёмкина, Натальи Кожевниковой, Евгения Эрастова, Владимира Скифа, Евгения Семичева, Николая Зиновьева, Анатолия Аврутина, Марины Струковой, Юрия Перминова, Виктора Брюховецкого, Николая Беседина, Александра Нестругина...

Книги этих авторов и ещё целого ряда других поэтов «составляют фундамент современного здания русской лирики – многообразной, широкой по интонации, иногда лёгкой по речи и не забывающей о литературной игре, но всегда помнящей о собственном высоком призвании...» Называя их продолжателями лучших традиций отечественной поэзии, чьи стихи отмечены «неодолимым притяжением ясности слога», Лютый видит в них «массу коллизий, чрезвычайно богатый оттенками язык, интонационную широту и способность совместить большое и малое...»

В преддверии своего расцвета в то же самое время оказалась русская проза. «Пройдя очерковую фазу, «черноту», подражание злободневному в 1990 и 2000-е годы, – пишет критик, – она выходит на новый уровень своего развития, когда глубокое эпическое дыхание руководит авторским слогом, а герои начинают жить собственной жизнью, а не отражать композиционные и стилиевые схемы сочинителя...»

К числу лучших современных русских прозаиков Лютый относит Владимира Крупина, Виктора Никитина, Дмитрия Ермакова, Петра Краснова, Любовь Ковшову, Анну и Константина Смородиных, Василия Килякова, Лидию Сычёву, Наталью Моловцеву, Татьяну Грибанову, Веру Галактионову, Михаила Тарковского. Среди новых имён называет Андрея Антипина, Юрия Лунина, Андрея Тимофеева, Михаила Калашникова, Елену Тулушеву. Среди коллег-критиков – Михаила Лобанова, Юрия Павлова, Капитолину Кокшенёву, Валентина Курбатова, Владимира Бондаренко, Александра Казинцева, Сергея Куняева...

Из числа прозаиков Лютый выделяет тех, «которые художественными средствами выясняют: в каком времени мы живём, что вокруг происходит, как действовать, чтобы стало меньше искушений и зла, а также – как не потерять собственную духовную и национальную идентификацию и сообщить ей импульс дальнейшего развития...»

В последние годы, отмечает критик, «появились рассказы, повести и романы, в центре которых – самоидентификация русского человека как фигуры родовой и православной одновременно». Наиболее выразительными каждый в своём роде в одной из статей он называет большой роман Петра Краснова «Заполье», повесть Андрея Тимофеева «Навстречу» и повесть Михаила Тарковского «Полёт совы».

«Заполье» он, в частности, считает одной из «самых серьёзных книг о переходе русского человека от сна к бодрствованию, от социального обморока – к пытливому поиску главного содержания – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем...» Позволю себе и тут собственное замечание: оба мы совпали в оценках, назвав эту книгу, повествующую о 1990-х годах, романом поражения. Правда, лично я, в отличие от Лютого, не дерзнул провести параллель с шолоховским «Тихим Доном» – а ведь так и есть... В целом же, по его мнению, художественная панорама всех трёх упомянутых современных произведений «пусть и выборочно, характеризует движение русской души сквозь три десятилетия испытаний и даёт нам надежду на постепенное восстановление государства, для которого слова «человек» и «смысл» являются понятиями неразделимыми...»

Открывая новые книги уже знакомых ему или ещё неизвестных писателей, Лютый, по его словам, жаждет полноты, поскольку «горестными штрихами и радостными порывами нас уже перекормили». Ему «хочется прочесть книгу, в которой всё было бы названо своим должным именем, сложное нарисовано с сочувствием и вниманием, а жизнь явилась бы... во всей своей непредсказуемости...» Но, к сожалению, «в обществе, лишённом творческого эха, подобные вехи мимолётны...»

**Михаил
КАЛАШНИКОВ**

НА ЧЕРДАКЕ ЗАБЫТОЙ ДАЧИ

В рассказе две эпохи всматриваются друг в друга: на излёте советская эра, ещё всё спокойно и нет предвестников бурной перестроечной пятилетки, но в этом спокойствии дремлет затаившийся «ветер перемен». Со страниц случайно найденного дневника на эту эпоху взирают строчки других переломных времён. Там всё понятно: война гонит человека, а вместе с ним и всю страну на испытания, на муки и перерождение. Нашедшему старую дедовскую тетрадь предстоит разобраться в сокрытых семейных тайнах, а значит, и в себе самом.

Двор и вправду зарос. Отец нудно твердил каждый день: «Колючки небось уже до самой крыши торчат», – и день ото дня надоедал Руслану, требуя от него поездки в старый дедовский дом. Последние годы отец ездил сюда на всё лето, но в эту весну сильно сдал, потому и посылал Руслана.

Любовь к «отчине» проснулась у отца после похорон, а пока дед был жив, отец тоже был нечастым гостем в его доме. Теперь же постоянно зазывал с собой Руслана, просил отпустить с ним внуков, Руслан отговаривался массой причин, но детей своих не удерживал. Дети не ехали сами – чего они не видели в этой деревне? Один раз, когда отец в очередной раз возмутился, Руслан ответил давней заготовкой: «Что ж сам-то не ездил, когда дед жив был?». Отец помрачнел, осунулся: «Я, может, тебя и зову затем, чтоб ошибки ты моей не повторил».

Руслан не был здесь лет десять, со времён дедовых поминок. Дом поблёк, больше врос в землю, или высокая трава так его укоротила. Рогач антенны повис, сорванный ветром, на веранде не хватало стекла. Краска с дощатых стен облезла, шелушилась и топорщилась. Водосточные трубы и карниз забило палой

-
- Михаил Александрович Калашников родился в 1985 году в селе Белогорье Подгоренского района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета. Участник поискового движения Богучарского поискового клуба «Память». Прозаик. Публиковался в журналах «Подъём», «Звонница», «Роман-газета», «Наш современник», «Сибирские огни», в газете «Литературная Россия», в региональных периодических изданиях. Автор трёх книг прозы: «От Купалы до Крещения», «Город на трёх мостах», «Красный демон». Лауреат Исаевской премии (2020), премий «Кольцовский край», «Щит и меч Отечества», «Хрустальный родник», «В поисках правды и справедливости», дипломант фестиваля «Во славу Бориса и Глеба». Участник Воронежского областного совещания молодых литераторов (2016), Российского совещания молодых литераторов (Воронеж, 2019). Член Союза писателей России с 2019 года. Живёт в Воронеже.

листвой, во многих местах жестянка проржавела. Бушевала июньская зелень, а в ней – мириады жителей.

С трудом продравшись через бурьян к сараю, Руслан открутил проволоку, освобождая дверную щеколду. Отыскав косу, топор, садовый секатор и серп, он переоделся в то, что захватил с собой. Работа началась с дорожек: к колодцу, к летнему душу, к туалету, к хозяйственным постройкам. Часа через два со стороны танцплощадки послышались звуки электрогитар и глухой треск ударных. Местный ВИА настраивал инструменты, подключал аппаратуру, готовясь к танцам. Улицей потянулась молодёжь, в воздухе полыхнуло женскими духами и болгарскими сигаретами. Руслан с косой в руках дошёл до калитки, очистил от травы небольшой пятачок у ворот и услышал у себя за спиной:

– Ну вот, теперь хоть белый свет в соседском дворе проявился.

Руслан обернулся: за стеблями ещё не скошенной травы стояла соседка Валентина. Её родители жили забор в забор с покойным дедом. Валентина с Русланом дружили с детства.

– Привет, Валюха!

– Какими судьбами? Надолго ли? – не скрывала радости соседка.

– Да вот, отцовское наставление выполняю. На пятничесовом приехал.

– Поди не ужинал ещё?

– Думал, закончу, приготовлю что-нибудь.

– Перелезай ко мне, салат с обеда остался, сейчас яшеники быстро пожарю.

– Ну, спасибо, соседка, – не противился Руслан и, раздвинув высокую траву, перешагнул покосившийся штакетник.

– Как живёшь, рассказывай! – говорила Валентина на ходу.

– Да потихоньку. На заводе, как и раньше. Отпуск через неделю. Детвору по лагерям распишал.

– Во-во, и я своих на две смены отправила.

Они прошли между вишен в палисаднике, свернули к времянке. Пёс, почуяв пришлого, с тихим рычанием побежал от будки и, когда цепь натянулась, захлебнулся лаем. Валентина плеснула в него водой из кружки. Тот увернулся, рявкнул пару раз и скрылся в будке. Напротив времянки торчала старая яблоня с могучими ветвями. Под её кроной поместились овальный стол, деревянная лавка с резной спинкой и пара табуретов.

– А благоверный твой где? – спросил Руслан, присаживаясь.

– На кладбище. Ты не знал, что ли? – отвечала Валентина из времянки, где уже шипело на сковороде растительное масло.

– Да, отец говорил... я только теперь вспомнил.

– Четвёртый год уж пошёл. Током в «Сельхозтехнике» убило.

– Платят за него что-нибудь?

– Пацанам на одежку хватает.

Валентина вынесла из времянки сковороду, глубокую миску овощного салата, тарелку с хлебом и пирожками, молоко в цветастом кувшине.

– А что ж отец не приехал? Приболел, не иначе?

– Так и есть, в кардиологии лежит.

– То-то я в мае ещё говорю: обычно на Пасху приезжал, а тут его нет. Да и так, среди лета, гляжу – опять на кладбище подался. Сидит у деда Георгия возле могилки, на гробничку смотрит, будто разговаривает даже.

– Да, полюбил он дедов дом.

Руслан хотел ещё что-то добавить, потом подумал, что не нужно это Валентине, замялся на полуслове. Она заметила, вырчила:

– Чайник ставить?

– Не нужно. Я в жару чай не особо.

– А я, знаешь, всё вспоминаю, какой чай необыкновенный у твоего деда получался! Самовар возле беседки ставил, мои старики к твоим приходили... Веденеёвы, Поликарповы. Всей улицей дружили. Праздники все вместе. Сейчас не так как-то, да? У нас уже не то. Нет той спайки, что у них. А наши дети, как думаешь?

– А? – отвлёкся Руслан на какие-то свои мысли. – Да бог его знает, как дети... тут про себя и то не разберёшь.

Помолчали. Руслан замер с застывшим взглядом и недожёванной пищей во рту.

– О чём задумался?

Руслан секунду медлил, потом выдавил:

– Думаю самовар дедов поискать. На чердаке, наверное.

– Доел уже?

– Ага. Схожу гляну, может, валяется где. Заварим «чайковского» по-старинному.

Руслан забрался на чердак. Слуховое окошко, затянутое пылью, едва пропускало блёклый свет начавшихся сумерек. Рамы детских велосипедов здесь валялись вперемешку со стопами макулатуры и ворохами каких-то высохших (а может, и целебных) трав. На стропилах висели истлевшие осинные гнёзда в бахrome потемневшей паутины. Руслан заглянул в плетёную корзину – в ней хранились пустые банки для солений, открыл сундук, забытый старой обувью, раздвинул полы своей армейской шинели, подвешенной к потолку. Самовар нашёлся за кучей иссохшей дерезы, приготовленной покойным дедом для мётел. Руслан потянул самовар к себе, с трубы его слетел сапог, а из голенища (или всё-таки из самоварной трубы) выпала тетрадь. Руслан опустил самовар и придвинулся ближе к окошку. На обложке крупным почерком с ятями и твёрдыми знаками значилось:

Записки в солдатский сапог.

Начаты в лето 1915 года.

Открыв первую страницу, Руслан увидел исписанные ровным почерком строки. В полутьме с трудом читалось:

Приветствую человека, умеющего читать на кифиллице! Я не знаю, молод ты или стар, беден или богат, мужчина ты или женщина, к какому сословию принадлежишь, но первое, что ты спросишь, будет: зачем я, автор, завёл эту фронтовую тетрадь? Как писал в своё время А. П. Чехов, если в человеке поселяется «писательский зуд», то его не выбить розгами и не убрать добрым словом. У меня же этот «зуд» зародился с первых дней пребывания на фронте. Появилась странная тяга записаться всё, что мне приходилось видеть. И вот, когда в февральском номере «Биржевых ведомостей» мне попались «Записки кавалериста» Н. Гумилёва, я решил начать свои «Записки в солдатский сапог».

Руслан захлопнул ветхую тетрадь и глянул через окошко, вздрогнувшее от резкого гитарного риффа, взятого кем-то на сцене танцплощадки. На улице почти стемнело, и сама она обезлюдела. Руслан снова попытался рассмотреть записи, но тусклые буквы совсем исчезли.

Руслан отнёс тетрадь в дальнюю комнату. Последние дни дед доживал здесь, на дужке кровати до сих пор висел траурный черный лоскут. Руслан сунул тетрадь под подушку.

– Куда пропал? – встретила Валентина запоздавшего соседа. – Думала, уже не придёшь. Успела и в душ сходить, и в продуктовый за мармеладом.

– Насилу нашёл, – ответил Руслан, показывая на самовар. – На чердаке чёрт ногу сломит. Такое старьё, что выбросить не жалко. Пора мне там порядок навести.

Он набросал в трубу самовара газетных неплотно сжатых комков, сверху насыпал немного щепы и кинул зажжённую спичку. Воздух над трубой задрожал, щепки весело затрещали. Валентина вынесла вазу со сладостями и чашки с блюдцами, села рядом. Руслан изредка подбрасывал в трубу по одной щепке.

Бледно-розовый закат выглядывал из-за ветвей могучего вяза, стоявшего напротив дома Валентины. В полдень он накрывал тенистой шапкой весь двор, наполовину перекрывая даже двор Руслана. С танцплощадки плыл нетропильный романтичный шлягер, у нагретого самовара ползал майский жук, а рыжие его сотоварищи гудели где-то меж ветвей. В жуках тоже бурлила кровь (или что там течёт у насекомых по их жилам?). Молодая, весенняя.

Не глядя на Руслана, Валентина спросила:

– Может, вместо чая чего покрепче желаешь, с устатку?

– Нет, Валюш, не надо.

Что-то тяготило Руслана, не давало вдохнуть ароматный воздух полной грудью. Рюмки не хотелось, и чай уже был не в радость. Он часто открывал крышку самовара, светил фонариком и, как только со дна поползли первые пузырьки, скомандовал:

– Давай заварник.

Он поставил залитый чайничек на деревянную подставку, накрыл байковым снеговиком, шитым Валентиной из старого одеяла.

– Ну, чего сидим как на похоронах? – не выдержала Валентина. – Раскажешь бы что-нибудь.

– Знаешь, Валь, что-то так в сон кинуло, – искусственно зевнул Руслан, – уже и чаю не хочется. Пойду, наверное, завалюсь...

– Что ж, давай. Завтра уезжаешь-то?

– Погляжу, может, где гвоздь вобью. Антенна вон почти оторвалась.

Руслан зажжёт настольную лампу, откинув шторку, отворил форточку. Оттуда залетели прохладная свежесть, старательный треск сверчка и, совсем приглушённо, новый шлягер с танцплощадки. Из-под подушки была вынута помешавшая чаепитию тетрадь. Руслан нашёл место, где закончил. Буквы местами сильно выцвели.

Начну с того, что я, Георгий Михайлович Б-ский, учитель земской школы, оказался в армии после объявления мобилизации. Согласно моему образованию, я был направлен в специальную школу, где мною были получены погоны прапорщика.

По прибытии на Карпатский фронт мне дали роту. Солдаты в ней оказались обстрелянными и закалёнными в августовских боях. Про таких, как я, здесь бытует поговорка: прежде рылся в огороде, нынче – ваше благородие.

От фельдфебеля Сиротяги узнал, что участок этот весьма спокоен, лишь изредка «наши трёхдюймовые болтают с ихними». В первый же вечер

австрияки не заставили себя ждать и, как настоящие хозяева, угостили нового гостя, то бишь меня, батарейным залпом из трёх дюймов.

Этим же вечером ко мне в землянку завалились ближайшие соседи: справа – командир 4-й роты прапорщик Тарасевич, слева – командир 2-й роты подпоручик Грановский, с тылу – командир артбатарей подпоручик Сторублев. Грановский и Тарасевич из таких же, как и я, один Сторублев кадровый. Они прихватили с собой местного вина урожая девятьсот тринадцатого года, а у меня была чуть надпитая манерка с коньяком. Её мне наполнил один еврей, торговавший на станции в Шепетовке. Он клялся, что такого коньяка я не встречу, проехав всю Черту оседлости от края до края. Честно говоря, коньяк оказался дрянным, но в дни «сухого закона» и это быстро исчезло со стола.

После выпитого знакомство наше стало протекать гораздо непринуждённое. Приятно удивил меня Сторублев, бегло набросавший карандашом на листе дружеский шарж, на котором наша скромная попойка превратилась в шумную пирушку. После этого мы поклялись осуществить эту карикатурную буффонаду на деле, как только закончится война, где-нибудь в Будапеште или, как минимум, в Кракове.

Не обошлось без скабрёзных разговоров – вечных спутников пьяной офицерской среды. Грановский хвалился впечатлениями от любви в едущей по городу наглухо задёрнутой пролётке, при этом давая разного рода рекомендации. Сторублев с Тарасевичем тоже не отставали. Пришлось и мне выкручиваться, выдумывать похождения. Не мог же я рассказать им, как все четыре месяца обучения ходил в увольнение с двумя товарищами в один приличный дом, где мы сколотили мини-оркестр из моего кларнета, флейты прапорщика Вучетича и фортепиано хозяйской дочери. Не мог же откровенничать на тему нашей с Вучетичем одновременной влюблённости. Мы не знали с ним, кому из нас она отдаст предпочтение, а поэтому не ссорились, лишь ревновали друг к другу, ждали, когда она сама выберет. Но Бордвое Жабо (так мы её прозвали) оставалась одинаково любезна к нам обоим и третьему нашему спутнику, музыкальными талантами не обладавшему, но готовившему себя в роли конферансье. Месяцы музицирования не прошли даром, и хозяйка дома назначила день и час для благотворительного концерта, разослала приглашения своим друзьям и родственникам. Злая судьба распорядилась по-иному. Нас подняли в казармах по тревоге и спешно посадили в эшелон. Мы не успели попрощаться с радушными хозяевами, не успели даже забрать свои инструменты из приютившего нас дома. Мы увезли только тёплые воспоминания и безмерную благодарность в своих сердцах... Не об этом же я должен был рассказывать в тот вечер? Не об этом...

Способности Сторублева оказались гораздо выше, нежели продемонстрировал легкомысленный, дурашливый шарж. Через несколько дней я заглянул к нему в палатку, и он продемонстрировал мне несколько холстов, измазанных художественным маслом. Здесь была пара батальных сцен, полдюжины недурных пейзажей с осенними мотивами. Сторублев сказал, что уже несколько раз покрывал холсты грунтовкой, навсегда погребая под ней предыдущие летние пейзажи, и рисовал новые.

На следующий день после попойки я устроил смотр своей роте. Впечатление моё осталось хорошим. Солдаты упитанны, бодры, приветливы, на вопросы отвечали с готовностью. В тот же вечер, когда я осматривал вражеские позиции, в панораму моего бинокля попали развалины средневекового замка. Захотелось тут же броситься на их исследование, но, увы, они находились на стороне противника.

Прошла неделя, наш батальон был сменён. Радовала мысль, что Рождество удастся встретить не на передовой. Нас отвели в тыл, где располагался постоянный двор, состоявший из двухэтажного дома (таверны и гостиницы), конюшни, каретника, скотного двора, складов, погребов и флигелей. Мне досталась угловая комната на втором этаже, немного холодная, но всё же не перестающая от этого быть уютной.

Дни стояли один краше другого, безделье полностью овладело нами. Когда случались снегопады, я с удовольствием выбегал на улицу в нижней рубахе и отбирал лопату у попавшегося солдата, а затем разгорячённый работой растирался снегом и бежал к себе в комнату. В другие дни я становился за двуручную пилу, колот топором чурки.

Перед Рождеством пришли посылки. Многим солдатам удалось получить «привет из дома», так что скоро можно было увидеть щеголявшего в новом шарфе унтер-офицера или хрустящего монпансье стрелка. Я старался не обращать внимания на вольности, вроде меховых варежек или вышитого пояса.

В Сочельник из хутора прибежали ряженые. По двору пронеслось клокочущее, яркое облако мальчишек. Длинная шерсть на их накидках моталась из стороны в сторону, гудели сопелки, звенела карпатская дрымба. Сверкая, плыла под потолком гостинкой Вифлеемская звезда на шесте. Детские голоса выводили праздничные колядки, а потом всё стихло, и зазвучал псалом, славящий Младенца. Мы одаривали детей, делись с ними сладостями из наших посылок.

С наступлением темноты в гости пожаловала делегация из двух десятков нарядных девушек. Их колядки были ещё зазорнее и краше. Красавец Грановский, щербеча на суржике, обнимал девушек и норовил расцеловать. Не всегда это у него получалось. Резвые девушки вырывались из его объятий, скрывали румяные щёки за разноцветными шальями и скакали как молодые козы.

Вечером мы сели за праздничный стол. По привычке все называли сие действо разговорием, но на деле никто из нас Рождественский пост не соблюдал – это сложно в походе. Стол ломился от мясных и капустных пирогов, свежей оленины (спасибо казакам-охотникам), квашеной капусты, местных вин и креплёных наливок. Однако засидеться допоздна нам не удалось, наутро нужно было идти в ближнюю деревню к заутрене.

Туда мы добрались ещё затемно. За версту были видны горящие окна храма. Служба уже шла, и церковь, конечно, была переполнена. Мы построили роты на паперти перед распахнутыми дверьми, а сами протиснулись внутрь. Здесь мы узнали некоторых из колядовавших девушек, и Грановский изредка перемигивался с ними. На Богослужении было незначительное количество мужчин, по каким-то причинам не попавших под австрийскую мобилизацию. С поясами шириной в полторы ладони, они сжимали в свободной руке войлочные шляпы с перьями и диковинные «рогатые» шапки. Кажется, цивилизация так и не заглядывала в эти дремучие края.

Служба закончилась, на дворе рассвело, и наши солдаты отстояли длинную очередь на исповедь. Батюшка хорошо говорил по-русски, и исповедь моя прошла гладко.

Руслан закрыл тетрадь и, глянув на наручные часы, отложил её в сторону. Он потушил настольную лампу, натянул покрывало до подбородка. Наплавшая было дрема, испугавшись пронзительного девичьего крика, влетевшего через открытую форточку, сбежала, растворилась в тёмных углах дедовско-

го дома. Перед окнами что-то происходило: чей-то топот, возня, потом опять крик. Руслан торопливо выскочил на улицу, разглядел в темноте две сплетённые борьбой фигуры и третью, девичью, мешавшую или помогавшую им. Руслан вклинился меж ними, рассчитывая, что постороннего не тронут.

– Ты-то чего сюда лезешь? – спросил один из парней.

– Кулаками, что ль, собрались девушку делить? – ответил вопросом Руслан.

– Твоё какое дело? Тебя звали? – кипятился всё тот же парень.

Ко второму подошла девушка и, заглядывая в его лицо, что-то спрашивала.

– Если по морде ему надаёшь, так она с тобой гулять будет? – спросил Руслан у одинокого парня.

– Да тебе-то что? – всё так же односложно твердил парень.

– Расходитесь, пока обоим не навешал! – пригрозил Руслан.

– Как бы тебе не навесили! – злился одинокий парень, видя, как девушка уводит его соперника.

Руслан постоял немного, твёрдо уверившись, что одиночка опять не погонится за парочкой и не затеет драку. Он вернулся в дом и, поняв, что теперь точно не заснёт какое-то время, снова развернул старую тетрадь.

...После Нового года мы вернулись в окопы. За наше отсутствие здесь ничего не произошло. Только выросли снежные шапки на склонах Карпат. Но через неделю обстановка изменилась. Началось с массированного обстрела. В некоторых местах он вызвал снежные обвалы и лавины. Наши стрелки, а в особенности пулемётные команды, встретили австрийцев дружным огнём. К тому же наступление неприятеля затруднял глубокий снег. Солдаты противника утонули в нём по пояс и, конечно, превращались в прекрасные мишени. Много увязших в снегу мы потом взяли в плен. Здесь были румыны и чехи, словаки и евреи, хорваты и словенцы, итальянцы и даже местные галичане. Один из них лопотал с нашими малороссами, говорил, что недалеко отсюда его деревня, и надеялся, что его тут же отпустят домой к жене и детям.

В безумных атаках прошло ещё два дня. Сторублев жаловался, что снарядов на его батарее становится всё меньше, новых не подвозят. При этом он вспоминал начальные дни сентября, когда артиллерийские парки, застревая в глубоких осенних потоках, разгружали до половины зарядные ящики и почти порожними прибывали на позиции. Должно быть, снаряды с тех располовиненных обозов до сих пор лежат замётёнными снегами где-то в галицийских лесах.

Сегодня 11 марта. Я закончил излагать всё, что удалось видеть от первого моего дня до нынешнего. Теперь постараюсь записывать события по горячему следу, насколько мне это позволит походная жизнь. На днях получил насхальную посылку от родителей. Помимо сладостей там была настольная «писанка» в бронзовой подставке. Стеклоянное яйцо яркими красками радует глаз в моей серой походной землянке. Когда тихо и стреляют нечасто – вспоминаю Бордовое Жабо. Быть может, очередной выпуск прапорщиков сейчас покидает её город. Или кто-то иной осваивает игру на моём забытом кларнете.

28 марта 1915 г.

Пасху эту я запомню на всю жизнь. Конец затишью наступил 20-го числа. Бои шли два дня, но даже с приходом Светлого Воскресения они

не закончились. Пасха нынче совпала у нас и у католиков. Господь ещё не видел такого поругания. Две христианские державы не смогли прекратить войны даже на Светлый праздник. Наш участок удалось удерживать, а вот у соседей произошла катастрофа. Г-ский полк на три четверти попал в плен, оставшиеся 400 человек в панике отступили. Против них действовали несокрушимые прусаки, ими с зимы стали разбавлять австрийцев на нашем фронте. Ходят слухи, что на этом участке накануне было заключено негласное Пасхальное перемирие, которое германцы вероломно нарушили.

15 апреля 1915 г.

Весна в долине, кажется, уже началась, но здесь погода стоит ещё зимняя. Снежный покров весьма толстый, чуть менее аршина. На завтра назначена атака неприятельской высоты. На всякий случай делаю эту крайнюю запись.

26 апреля 1915 г.

«Корреспонденцию» свою продолжаю в вагоне санитарного поезда. Умудрился принять сидячее положение и даже раздобыть у сестры милосердия карандаш. Уже второй день трясусь в вагоне. Хорошо, что денщик передал мои личные вещи из блиндажа, а с ними и эту тетрадь. Но обо всём по порядку.

Атака наша началась в ночь с 16-го на 17-е. Батальон подобрался незаметно по склону, занял первую линию. Однако у неприятеля появилось подкрепление, и продвижение наше остановилось. Но позиций мы не покинули, сохранили за собой. Ещё день мы просидели в неприятельских окопах, забрасывая друг друга ручными бомбами. 18-го числа атака возобновилась. Как страшен рукопашный бой! Австрияки снова подтянули подкрепление. Мне удалось увидеть пресловутых сечевых стрелцов, о которых ходили слухи. Воины действительно стоящие. В кепи у них вставлены жёлто-голубые бумажные цветы, они сплошь добровольцы, бесстрашны, в плен почти не попадают, воюют отчаянно. Во время боя над окопами стояла отборная ругань, мало чем различная с нашей русской руганью. А порою, схватившись в смертельной схватке, наш солдат, призванный из Винницы или Полтавы, называл противника, вонзившего в него штык, «братко» и просил не убивать.

Вынужденно прекращаю письмо. Вагон временами сильно качает, всё ещё дурно себя чувствую, мысли скачут, да к тому же появился врач и велел отложить писанину.

30 апреля 1915 г.

Тем же днём (26 апр.) прибыли в Киев. Здесь раненых нашего поезда разместили по различным госпиталям. Я занимаю койку в приличной палате бывшей городской больницы, ныне переделанной под военный госпиталь. Впрочем, продолжу излагать судьбу своего попадания сюда.

После того, как удалось отбить контратаку сечевых стрелцов, мы сами возобновили штурм высоты. Не прошло и получаса, как на наши головы обрушилась лавина, пущенная тяжёлой артиллерией. Нам пришлось бежать. Во время отступления я получил пулю в левую ногу, чуть выше коленного сустава. Солдаты, бывшие рядом, тут же подхватили меня под руки. Отправили с санитарями в тыл. Пуля хоть и оказалась разрывной, однако не задела кости и, что самое главное, коленного сустава. Ткани

на ноге сильно разворочены, но должны в скорости зарасти. Рана чистая и не гноится.

2 мая 1915 г.

Ежедневно знакомлюсь со свежей прессой. Узнал, что под Горлицей неприятелем совершён губительный прорыв. Весь Юго-Западный фронт отступает, и, скорее всего, оставлена та самая высота, за которую я расплатился раной, а многие мои товарищи жизнью.

Сегодня отправил письмо домой. Хотел написать в уездный город, где проходил подготовку, адрес Бордового Жабо я помнил как молитву. Но потом засомневался, подумал, что она станет жалеть меня, само собой появится преимущество над Вучетичем. Хотя где он, Вучетич? Может, тоже на госпитальной койке или того хуже. В городе Бордовое Жабо окружают сотни, если не тысячи молодых, свободных, невоеннообязанных. Она наверняка забыла и меня, и Вучетича. И только мой молчаливый кларнет, быть может, ей изредка напоминает обо мне. Что ж, придётся и мне забыть.

10 мая 1915 г.

Рана моя опасения у врачей не вызывает. Передвигаясь с помощью костылей по коридору, заметил в окне дивную картину: Киев утопает в майской первозданной зелени. Повсюду колокольни и купола. Ах, как скуден мой язык! Видимо, не суждено мне передать этой красоты, как не удалось описать и Карпаты.

18 мая 1915 г.

Ровно месяц, как я получил свою рану. Товарищи по палате говорят, что, скорее всего, по выздоровлении получу отпуск. Мысль эта греет. Дерзновенно и тщеславно задумываюсь о награде. Перед глазами пример соседей по палате. Некоторых награждали прямо в госпитале, собирая весь персонал и ходячих больных. Что ж, может, и мои тайные молитвы Господь не оставит.

25 мая 1915 г.

Новости с фронта одна горше другой. О том, какие города нами оставлены, узнаём от новых раненых скорее, чем из газет. Сегодня драгунский ротмистр, прибывший в госпиталь накануне вечером, сказал, что 21-го числа мы оставили Перемышль.

29 мая 1915 г.

Сегодня из нашей палаты выписали поручика Гудкова. Сразу после врачебной комиссии он получил предписание возвращаться на фронт. В катастрофической обстановке не хватает не только офицеров, но и нижних чинов. О каком уж отпуске может идти речь? Чувствую, мне уготована та же судьба, что и Гудкову.

4 июня 1915 г.

Завтра врачебная комиссия. Может, последний раз ночью под сенью госпиталя.

7 июня 1915 г.

Оставляю подробности и сантименты: я в поезде по дороге на фронт. Возвращаюсь в свой полк. Получу ли снова свою роту или буду на новом месте – вопрос.

12 июня 1915 г.

Прибыл на позиции близ города Холм, на границе Польши и Волыни. Повсюду еврейские местечки, а в городах их три четверти населения. Остальная четверть поделена меж русскими и поляками, малороссы живут лишь в деревнях. Иудеи сорваны войною с насиженных мест. Отступая вместе с нашей армией на восток, они ломают вековой устой черты оседлости.

Оставлен величественный Львов – столица Галиции. Выходит, пришлось потерять всё, что славно было завоёвано в августе-сентябре прошлого года.

14 июня 1915 г.

Стал знакомиться с личным составом. Вахмистр Чертович на месте, к моей радости. В строю пока ещё остались кавалеры Терехов, Бородович, Галлиулин, Пятаков. У некоторых уже по два «Егория». В рядах присутствовала масса новобранцев, чуть не половина роты. Подготовлены они в краткий срок и обучены мало, к тому же вовсе не обстреляны.

20 июня 1915 г.

На фронте затишье. Мы укрепляем позиции, усиливаем маскировку. Старые фронтовики тренируют молодняк, ни дня без занятий. В небе много аэропланов противника, наших значительно меньше. Часто появляется цеппелин. Солдаты называют это: «немец колбасу повесил».

2 июля 1915 г.

Жестокий артобстрел. Бои по всему фронту. Позиции значительно разрушены. Потерь много.

8 июля 1915 г.

Отступаем. Германцы применяют газы.

13 июля 1915 г.

Я заметил, как меняются мои солдаты. Мы покидаем владения Империи, но часто оставляем за собой выжженную землю. Эта вакханалия огня и беспхозяйственности портит солдат. Дома наверняка каждый из них был рачительным хозяином. Но здесь, когда им отдают приказы о сжигании хуторов и помещичьих усадеб, вся их природная бережливость и экономия, воспитанная с материнским молоком, исчезает без следа. Вчера мы покидали хутор. Солдаты резали птицу и бросали безголовые тушки в охваченные огнём халупы, потому как армейский котёл был уже полон, а хранить птицу по такой жаре абсолютно негде. Без сожалений разламывалось и крушилось всё, что осталось в хатах. Мародёры обросли всякого рода скарбом. Господи, что будет с нами?

17 августа 1915 г.

Всё-таки решился написать о недавних событиях. С подачи вахмистра Чертовича, не раз приносившего мне разного рода «сувениры», изъятые в пустующих домах, я не удержался и ограбил целое поместье. Посоветовавшись с Грановским, мы решили не предавать всё огню, а вынести часть ценностей из барского дома и спрятать поблизости. «Жирный шматок» нам попался, как выразился Чертович. Солдаты вынимали из подрамников холсты и, свернув трубкой, мастерски упаковывали в дорогие фарфоровые

вазы, а те в свою очередь обёртывали промасленным полотном и связывали шпагатом. Консервировались ковры и гобелены, бронзовые канделябры. Коллекцию старинного оружия и рыцарские доспехи окунали в топлёный жир. В «схрон» пошли даже каминные часы и часть итальянского гарнитура. Яму вырыли на краю помещицкого сада. Солдаты сверху навалили кучу досок и прочего строительного хлама, всё это подожгли, в надежде, что пепел скроет следы недавно потревоженной земли. Удастся ли кому-нибудь из нас вернуться к былому поместью после войны?

20 августа 1915 г.

Не покидает тревожное чувство. Душу терзают всякого рода суеверия. На передовой давно не служили молебн, а так хочется покаяться батюшке на исповеди. Может, отпустил бы священник мои грехи, стало бы легче.

29 августа 1915 г.

Опасения мои разрешились. Снова ранение. Правая рука цела, поэтому способен продолжать запись. Досталось в левый бок, вскользь прошло по груди, оттяпало верхнюю четверть уха.

2 октября 1915 г.

Положение на фронте, кажется, стабильное. Прусак более не напирает. За ним остались Курляндия, Литва и всё Царство Польское. Из земель, захваченных нами в прошлом году, мы сохранили только Тарнополь с уездом, а потеряли своей земли во сто крат больше. Жестокое поражение.

Руслан оторвался от записей. Взглянув на циферблат, он удивлённо присвистнул и погасил свет. Под сомкнутые веки его ещё долго не мог пробраться сон, проплывали детские воспоминания: дедово лицо, его корноухая голова и обнажённый в летнем зное торс с застарелыми шрамами. Мелькали в голове фотографии на плотном картоне, с чёткими, невыцветшими линиями, глянцевого грампластинки с отпечатками чьих-то пальцев, мёртвые бабочки в рамках за потускневшим пыльным стеклом, парная сосновая иглка с кусочком розовой рождественской мишуры, найденная за плинтусом...

Где-то на веранде до самого утра мышь противно грызла сухую половицу.

Проснулся Руслан в начале девятого, но так и не выспался. Наскоро умывшись и проглотив захваченный из дому бутерброд, он отправился во двор. Обкосил траву вокруг дома – теперь можно было пройти к палисаднику и кустам малины. Прибив новый крепкий брусок к фронтому вместо сгнившего, Руслан перевесил на него антенну. Хотел было приняться за расколотое на веранде стекло, но из-за забора раздался голос соседки:

– Долго спишь, лежебока. В восемь приходила, стучала тебе, хотела к завтраку позвать. Спал, наверное, не слышал. Иди поешь-то у меня.

– Да я бутерброд перехватил, – говорил Руслан на ходу, уже пролезая к Валентине во двор.

Стол она накрыла, как и вчера, на свежем воздухе. Пёс угадал недавнего гостя, но всё же рявкнул «для порядку» два раза. Руслан неторопливо ел, Валентина, ухаживая за ним, продолжала свои расспросы:

– Чего ж в прошлом году на встречу выпускников не приехал?

– В отпуске был. Когда Славка мне позвонил, я уже чемоданы упаковал. Путёвку с супругой в санаторий получили. Не хотелось её огорчать, и путёвку было жаль, не каждый год к морю-то выбираемся... Народу много на встрече было или я один не приехал?

- Да нет, ты не единственный, но больше половины класса собралось.
- Расскажи, кто где. Ну, про Славку знаю, про Ленку Орехову, про Стаца, про Генку ещё. А остальные?
- Веденеев в Москве. Недавно из Африки вернулся, пищекомбинат там строил. Борщёва тут недалеко, в соседнем селе, замуж вышла, второй раз уже. Одинцова – домохозяйка, в райцентре живёт, за мужем как за стеной. Кто ещё?.. Аникеев в ГДР прапорщиком.
- Ну, сейчас-то, наверное, старшим прапорщиком?
- Этих подробностей не знаю.
- А Власов служит ещё? Небось майор уже?
- Ты что, не слышал?
- Руслан понял по её голосу недоброе и молча помотал головой.
- В прошлом году ещё. Борщёва даже на похороны ездила. Говорит, в закрытом гробу хоронили.
- А где погиб-то?
- Кто ж знает? Сказали: «при исполнении служебных обязанностей».
- Руслан справился с едой. Немного посидели в тишине. Валентина перевела взгляд на опустевшую тарелку и спросила:
- Вечером уезжаешь?
- Ещё ночьку переночую. Чувствую, до вечера не управлюсь. Намечал много, да что-то всё не успеваю.
- Ты бы поменьше ночью свет палил да пораньше ложился, глядишь и успевал бы.
- Вон оно что, – изумился Руслан, про себя складывая рассыпанный пазл со вчерашним приглашением на ужин, и невзначай предложенный поздний чай, и попытка с алкоголем, и трёхлетнее положение вдовы, и ночное заглядыванье в окна.
- А ты как думал? Отвык от деревенской жизни! – подтрунивала Валентина, не догадываясь о его мыслях. – Обед во сколько накрывать?
- Ох, Валь, такой завтрак поздний, что теперь до вечера ничего не захочу. Без меня подлунничай, а к ужину, не обессудь, заявлюсь.
- Руслан вернулся в дом и по старой привычке прилёг после еды. Открыв тетрадь, он бегло подумал, как бы снова не потерять счёт времени.

5 октября 1915 г.

Кажется, меланхолия моя осенняя потихоньку улетучилась. Прекратились дожди, теперь погоды солнечные, с лёгким утренним морозцем. Раны почти затянулись, и не за горами выписка. Приказ о награждении Анной 4-й степени! Кажется, даже письмо из дома не так обрадовало меня. Грешен, признаю. Теперь наверняка жалуют отпуском.

16 октября 1915 г.

Завтра убываю домой. Вещи собраны, обходной лист подписан. Новый китель, увенчанный наградой, приготовлен и примерен, ждёт часа, когда я обменяю больничный халат на него. Пребиваю в волнении необыкновенном.

28 октября 1915 г.

Наконец дома. Более года не видел родных. Как радушно меня встретили! Почти ничего не изменилось. Тратить драгоценные минуты на письмо не намерен. Вернусь к запискам на фронте. Думать об этом не хочется. Как и о Бордовом Жабо... Но она настойчиво лезет в голо-

ву, особенно теперь, когда окружают меня не сырые окопные стенки, а мирные стены.

4 декабря 1915 г.

Я вновь на позициях. Охоты писать нет.

14 февраля 1916 г.

Газеты сообщают о немецком наступлении на Верден. У стен этой крепости в прошлую войну пруссаки одержали значительную победу и наверняка надеются, что история повторится. Самое время ударить и нашей стороне. Может, удастся обескровить германского зверя двойным ударом.

1 марта 1916 г.

Кажется, наступлению быть. Начались скрытые приготовления. У Вердена огромные жертвы с той и другой стороны. Газеты называют гигантские количества израсходованных снарядов. Если они не преувеличены, то как же выглядит земля, поглотившая всю эту массу взрывчатки? Обладай мы таким количеством артиллерийского припаса, не видать немцу ни Польши, ни Литвы.

31 мая 1916 г.

Фронт пылает, и мы идём вперёд. Но писать про это не хочется. Надоели победные репортажи в газетах. Что толку в нескольких отвоёванных километрах земли и сотнях взятого в плен противника? В начале войны я думал, что именно из этого складывается победа.

7 июля 1916 г.

Дело не только во фронтах, расплосовавших всю Европу. Границы фронтов пролегли и в наших душах. Мир никогда не станет прежним, немец не пожмёт руку француза. Европа окончательно раскололась. В этом году не устраивались Олимпийские игры, людям не до этого. А ведь по древним греческим законам всякая война прекращалась на время проведения Игр. Нынешняя война не прекратится, случись даже Всемирный потоп.

1 августа 1916 г.

Сегодня обнаружил в «Северных записках» отрывки из писем некоего Н. Лигуна. Вполне недурно, даже, я бы сказал, замечательно. Жаль, но у меня так не выйдет. Кажется, многие стали писать на этой войне. Что ж, не буду исключением и продолжу.

9 ноября 1916 г.

Сказано в Священном Писании: «...поднимется народ на народ». Но нынче люди одного народа колотят друг друга. Французы, призванные в германскую армию из Эльзаса и одетые в серую немецкую форму, стреляют во французов, одетых в синюю форму. Австрийские и немецкие поляки родом из Кракова и Познани стреляют в русских поляков родом из Люблина и Ченстоховы. Сербь-босняки из Сараева уничтожают белградских сербов, трансильванские румыны стреляют по валашским и молдавским румынам, поволжские и остзейские немцы поневоле убивают вестфальских и голиштинских немцев. О евреях и говорить не приходится: рассеян-

ный по земле народ есть в каждой армии. Наверняка те, кто начинал эту войну, уже трижды пожалели об этом.

16 ноября 1916 г.

Очередной отпуск – здравствуй дом!

21 ноября 1916 г.

Когда ты вдали от фронта, то в сознание наконец просачивается всё то, что пережил. Там ты существуешь с этим, а здесь... Нет, и здесь ты не до конца понимаешь, слишком мало времени утекло, война ещё ходит след в след за тобой, ещё наступает на пятки. Быть может, должны пройти годы, чтобы с холодным сердцем я сел за правдивые записи.

Не отпускает один эпизод из минувшего лета. Мы заняли небольшую деревеньку в отрогах Карпат. Местные крестьянки радовались, как и осенью четырнадцатого. Мои солдаты шутили, мол, вернись завтра сюда венгры, вы и к ним будете столь же любезны. Стали на постой к семье, где пожилые родители и куча детворы. Но старшая дочь не походила лицом ни на отца, ни на мать. Что-то тонкое было в её чертах, может быть, даже благородное. Мало того во внешности, но и походка, и все движения были иными. Не было деревенской угловатости или излишней стремительности, присущей всем крестьянам. Всё у неё было плавно, ровно, будто манерно. Чувствовалась порода. Я подумал, что это сирота, усыновлённая стариками. Кто-то из наших по своему природному неразумению ляпнул старому гуцулу: «Отчего, папаша, Христя твоя такая ладная? В соседа что ли?». Старик изменился в лице, а у меня мелькнула догадка, что дочь наверняка нагуляна от какого-то местного паньча.

Я как-то сразу и невольно сравнил её с Бордовым Жабо. Нет, они, конечно, абсолютно разные, но было в этой селянке то, из-за чего я вдруг представил её своей спутницей, тем паче, что будущее с ней казалось гораздо правдивее, чем с Бордовым Жабо.

Если и было что-то прекрасное, виденное мною на этой войне, так это лицо Христи.

12 декабря 1916 г.

Умер Джек Лондон, один из лучших писателей нашей современности. В начале русско-японской войны он в одиночку переплыл на утлой джонке Жёлтое море и сошёл на корейский берег. Торопился к морскому сражению, но трубы «Варяга» уже омертвело торчали из морской пучины к его приезду. Настоящий искатель приключений и храбрец. Писал о том, чем всегда жил. Но в эту войну как-то умолк и на фронт ни разу не попал, видать, поостыл перед смертью.

Война, война, всё тебе подвластно.

За период этой войны смерть гуляла не только на фронтах: Сергей Витте, Александр Скрябин, Пётр Дурново, Константин Маковский. Только за этот год умерли: Василий Суриков, Иван Франко, Илья Мечников, Генрик Сенкевич и вышеозначенный Лондон. Смерть не щадит даже императорскую кровь. Франц Иосиф увидит, чем закончится эта война с небес. Или из Преисподней. Прощай, старик, ты прожил долгую, но, увы, несчастную жизнь. Своим примером ты доказал человечеству, что счастье людское не в богатстве и власти.

Вскорости убываю на позиции. После некоторых колебаний решил оставить свою тетрадь с записками. Что-то подсказывает: это моя последняя

поездка на фронт. Спрячу тетрадь в укромное место. Может, кому-то она попадётся на глаза. Я, быть может, буду счастлив, если перед тем, как пустить её на сигарки или на растопку печи, её хотя бы бегло просмотрят. Но, скорее всего, мне будет всё равно.

30 июля 1917 г.

Вновь дома. То, что я видел за последние три недели, покрывает два с половиной года войны. От времён Петра Российская армия не опускалась до таких низостей, и хочется верить – более не опустится. Если только устоит на ногах.

Мне пришлось скрытно бежать из полка ночью. Я раздобыл солдатскую форму и пристал к одной ватаге, где меня никто не знал. Оставаться на фронте я уже не мог и не видел в этом сколько-нибудь нужной необходимости. Солдаты распоясались. Имея оружие, они реквизировали продукты в тех хуторах, через которые нам приходилось идти.

В тылу стали создавать заслоны против таких шаек, как наша. Близ одного селения я отстал от своей группы. Ночью, постучав в окно приличного дома, я битый час переговаривался с хозяином через запертую дверь, убеждая его, что я вовсе не солдат, а бывший офицер, дезертировавший поневоле. Мне удалось купить у хозяина его мещанский костюм, для этого пришлось отдать свою «Анну» и ещё кое-что из личных вещей. Так, распродав в дороге всё что имел (карманные часы, перстень, серебряный портсигар), я добрался до дома. Хочется верить, что война для меня закончилась и это последняя запись в тетради.

4 ноября 1917 г.

Кажется, конец. Благодаря царящим в нём слухам и расклеенным на столбах листовкам узнал, что власть захватили большевики и провозгласили Декрет о мире. Из нового правительства будет толк. Решён самый насущный вопрос! Скоро заключат перемирие, и солдаты вернутся домой. Конечно, мирный договор будет для нас тяжёлым и унижительным, но и вести войну с тем воинством, что я видел в июньские дни, совершенно невозможно. Славься новое правительство!

9 марта 1918 г.

С войной покончено. В Брест-Литовске подписали мир. Говоря о тяжести мирного договора, я и предположить не мог масштабы потерь. Огромные контрибуции! Территория, население, посевные площади! Катастрофа, кошмар, унижение. Не так плохо мы вели эту войну. Воистину звериные аппетиты у Германии! Потомки не простят нам этой неудачи. Но самое главное, с подписанием мира страна наша не увидела мирной жизни. На Дону, Кубани и Кавказе стреляют.

16 мая 1918 г.

Месяц назад перебрался в уездный городок. Пройдя пролетарские курсы, устроился в школу рабочей молодёжи. Жалованием назначен скудный паёк. Большевики решили ускоренить товарно-денежные отношения. Обо всех преобразованиях писать не стану – не хватит тетради.

Западные губернии вплоть до Смоленска, Брянска и Курска оккупированы немцем. Финляндии дана вольная, и там тоже хозяйничает пруссак. Немцы в Пскове и Нарве. Столицу в марте перенесли из Петрограда в Москву. Немудрено. Кто захочет держать столичный аппарат побли-

*зости с границей? В Закавказье хлынули турецкие орды, и теперь армян-
нам конец. Страна скукожилась до размеров Московского княжества эпохи
Василия Тёмного. И времена наступают тёмные, средневековые.*

*22 апреля правительство объявило о вводе обязательного всеобщего
военного обучения, таким образом, вернулась царская воинская повинность.
Поторопился я проститься с армией и войной.*

9 июня 1918 г.

*Мобилизация объявлена. Набирают пока нижние чины. Многие вступа-
ют добровольно.*

28 июля 1918 г.

*В «Известиях» за 23-е число вышла статья Троцкого, в ней он наста-
ивает на принудительной мобилизации бывших царских офицеров, так
как они получили своё образование благодаря трудовому народу, а значит,
теперь должны послужить этому самому народу. Чувствую неизбежность.
Задумывался о побеге, но куда?*

31 июля 1918 г.

*Мобилизовали как «военного специалиста». Завтра выступаем в сосед-
ний город, где формируется полк. Тетрадь снова не беру. Вернусь и опишу
всё, что видел, а если нет... что ж, тогда – точка.*

3 мая 1923 г.

*Сию целый час и не знаю, с чего начать. Во-первых, я жив. Во-вторых,
жива моя тетрадь, и не продолжить записи я не могу.*

Руслан посмотрел на оставшиеся страницы – часа на полтора, не больше.

Вечером после ужина его, конечно, тянуло к тетради, но Руслан проявил выдержку и организовал самовар. Снова гудели жуки в листве и гремели вдали барабаны, молодёжь снова шагала к площадке. Туда же, подняв уличную пыль, протарахтело несколько мотоциклов. Валентина то ли в шутку, то ли всерьёз предложила сходить на танцы – тряхнуть стариной.

Сумерки открыли свои скачущие объятия. Калитка танцплощадки ещё была заперта изнутри, музыканты настраивали инструменты, кругом клубился народ вперемешку с техникой. Девушки в лёгких платьях и сарафанах, парни в цветастых рубашках с острыми воротниками, одинокая «Jawa» в кольце «Восходов» и «Минсков». На «ГАЗоне» прямо с поля прикатила толпа пыльной и разгорячённой молодёжи. Следом за ними – всадник, места в кузове не хватило, а может, привычной для него верхом. Спрыгнул с лошади, примотал узду к фонарному столбу. Залихватские усы, загар бронзовый, красная майка и зелёные армейские штаны, кудри под широкополой тропической панамой. На шнурке капроновом наконечник стрелы болтается – любимая дарила (на свёкле в поле нашла), когда в армию провожала. Дождалась ли?

Здесь же старушки мирно сгрудились, любят, молодость поминают. Приезжих среди молодёжи немало. Тут тебе и дачники, и детвора, что к бабкам-дедкам на каникулы прикатила. А в нынешний год стройотряд студенческий приехал. Местный дед Шукарь побасенками их развлекает:

– Лет за пять до того, как царя скинули, случай был. А зима в тот год выдалась! Морозы такие, аж колорадский жук в земле помёрз!

– Дед, так ведь не было тогда колорадского жука ещё, – посмеивались студенты.

– Как не было? Был! – упирался дед. – Он тогда только через пять годов опять появился.

– Откуда ж он взялся?

– От соседей прилетел!

– Так он же не летает!

– Не летает? А крылья ему на что?

Чуть в стороне бывалый студент в штормовке с нашивками за несколько стройотрядовских сезонов на дорогой импортной гитаре исполнял Высоцкого. Перед ним на корточках такие же стройотрядовцы и пара местных аборигенов, бывших каторжан. Едва песня стихает, один хлопает татуированной рукой певца по плечу:

– Ты на гитаре что доктор по-латыни.

С танцплощадки ударил первый аккорд. Медленный блюз покатился над округой. Под потолком эстрады висели лампочки, самодельно выкрашенные в разные цвета. Перекрестье из таких же гирлянд было протянуто и над площадкой. Пожилая билетёрша, что сидела на своём месте ещё во времена молодости Валентины и Руслана, с улыбкой пропустила их без билета.

Отыгранные ноты сыпались из-под пальцев гитариста, заливали площадку. Девичьи «лодочки» пошаркивали в дуэтах с тупоносими ботинками на высоком каблуке. Валентина предложила потанцевать. Руслан скромно взял её за запястье как когда-то во времена школьных вечеров. Рядом партнёршу тесно прижал к себе усач в выцветшей армейской панаме. Девушка одной рукой охватила его шею, на которой болтался наконечник стрелы на шнурке, другой держала за голое покатое плечо. Бретелька сарафана у неё сползла, и Руслан заметил за краем ткани полянку белой, не тронутой солнцем кожи. «Не поздновато ли по танцам шляться?» – подумал Руслан и после песни уговорил Валентину идти домой.

Вечер выдался ещё теплее, чем накануне. Майские жуки скоро пропали, и вместо них всё чаще мелькали летучие мыши. Над крышами незапертых курятников отцветали последние петушинные салюты. Цепные собаки, продремевшие весь день в тени заборов, завели долгую вечернюю переключку. Ну как тут откажешься от вновь предложенной рюмочки «с устатку»?

Часа в три ночи Руслан внезапно проснулся. Из вишнёвых зарослей соловей разматывал неторопливую трель. Тетрадь покоя не давала. Тревогу не заглушил даже алкоголь. Руслан зажжёт в комнате свет, с жадностью раскрыв тетрадь.

Предыдущая война нас многому научила: жестокости, грабежу, мародёрству, обесцениванию человеческой жизни. С фронтов Мировой войны мы вернулись по домам и здесь продолжили делать всё то, к чему привыкли там.

Половину зимы и почти всю весну девятнадцатого года я провалялся в госпиталях, страдая от «испанки» и сыпняка. Затем долго околачивался в запасном полку. Весной двадцатого года, когда с запада напирала воскресшая Польша, наш полк перебросили на Украину. Там судьба меня свела с Грановским. Иногда мы вспоминали отдых на постоялом дворе в Карпатах или другие случаи, и нам казалось, что это было в другой жизни или вовсе не с нами.

Мы в третий раз проходили по Галиции. Местность была незнакомая, но всё же всколыхнула во мне неприятные воспоминания, что пережил я летом семнадцатого, когда бежал с фронта переодетым солдатом. Тогда, по горячему следу, я не записал той трагедии, не записал и зимой двадцать первого года, когда вернулся с войны. Теперь, чувствую, следует.

Я хотел бы не вспоминать о ней, но то, что сидит в моей голове, должно осесть и на бумагу этой тетради. Мне надо выговориться, как перед священником на исповеди.

До сих пор дрожит перо в моих пальцах. Не могу продолжать. Надо успокоиться.

Затем в тексте шло несколько тщательно вымаранных предложений.
7 мая 1923 г.

И снова абзац, залитый чернилами.

15 мая 1923 г.

Покончить с этим повествованием и больше никогда не возвращаться. Надеюсь, хватит духу дописать до конца.

Мне довелось встретиться с Христей ровно год спустя после того, как наша рота стояла на постое в их деревне. Я сразу узнал её (эту деревню) и хотел обойти, боялся, что Христя или её отец увидят меня в таком неприглядном виде, с толпой трусов-дезертиров. Мои новые «приятели» стали упрекать меня за то, что хочу отделиться от компании.

Над деревней стоял дикий вой: вопли, одинаково похожие на то, когда заживо режут людей и когда коты занимались любовью. Мы зашли в деревню и попытались купить еды, но денег у нас было немного, и никто не соглашался продать нам её. Тогда дезертиры стали брать силой: еду, одежду, вышивку, кое у кого ботинки и часы. Где грабёж там и насилие. В доме у Христи раздался старческий вой, а затем выстрел. Я прибежал во двор и видел, как покорную Христю уводили в клюню, а старик стоял на коленях у порога собственного дома и вымаливал неродную дочь у ошалевшей толпы. Над головой его, в дверной доске, свежей щепой зияла пулевая дыра, и верзила в драной шинели, наставив ствол, ругал старика, клялся, что прибьёт его, если тот не успокоится.

Я пошёл за толпой в клюню. Христя была спокойна, не выбивалась и смерилась с тем, что должно было с ней произойти. Она посмотрела на вход, где появился я, и, возможно, узнала меня... или мне просто так показалось. Я вытащил револьвер не сразу, я ещё колебался. Видел черноволосый затылок под подбородком у Христи и чувствовал свою жалкую беспомощность. Взгляд с меня она так и не сводила. Я не выдержал этого взгляда и, наконец достав револьвер, с первого выстрела погасил его.

Чёрный загревкок встрепенулся, а через секунду уже вымещал на мне злость и пережитый страх – он подумал, что метился я изначально в него, охаживал меня сапогами и кулаками. Я прикрывал голову от ударов и думал: если и сделал я что-то хорошее на этой войне, так только этот единственный выстрел.

1 июня 1923 г.

Война продолжается до тех пор, пока жив её последний солдат. Не помню, кто сказал это, но очень точно. Ощущаю на себе. На Первомай после митинга меня пригласила одна сотрудница к себе в гости. Я остался до ночи и вдруг понял, что абсолютно бессилен. Я не способен продлить свой род, а значит – война продолжает убивать меня. Это ничего, что я выжил под бомбами и пулями. Это ничего не значит.

Постоянно копаюсь в себе. Недавно взбрело в голову съездить в уездный город, в котором не был девять лет, и отыскать там Бордовое Жабо. Глупо, конечно.

Одно время думал поехать в Галицию и отыскать могилу Христи. Но Галиция нынче в Польше, кто меня туда впустит? Да и это, чувствую, не поможет мне. Христина меня давно простила. В тот момент, когда я спускал курок.

Всё чаще вспоминаю свой кларнет. Убеждаю себя, что стоит поехать хотя бы для его возвращения. Но снова ругаю себя. Бордовое Жабо унеслась в неведомые дали, может, даже прочь из России. Ветра революций и грозы войны выдули из страны колоссальные массы. Уютная квартира давно уплотнена, а кларнет мой выменяли на пару селедоч.

28 июня 1923 г.

Годовщина начала Балканского кризиса.

Символично для моего мероприятия. Начало войны и моей болезни.

Получил отпуск. Решился. Еду.

19 августа 1925 г.

Не припомню такого светлого Спаса. Могла бы получиться неплохая заглавная строчка для рассказа. А настроение такое, что хоть стихи пиши, не говоря уж о рассказах. И дальше по тексту шло бы в нём так: даже в царские дни, когда благовест ласково звал к молитве, когда тихие церкви набивались народом и на столах у канона росли груды яблок, груш и прочих райских плодов, не было в воздухе такого торжества и счастья.

На днях просмотрел свою тетрадь из конца в конец. Понял, что если не допишу этих строк, то сильно разочарую того, кто их когда-то, возможно, прочтёт. Скажет мой неведомый читатель: и что же, отыскал Бордовое Жабо? Только для тебя, мой друг, и пишу: отыскал.

Её и вправду уплотнили, но сквозняком из страны не выдуло. Я представлял её совсем иной. С печатью лет, возможно, замужней, неузнаваемой. И глазам не поверил, когда увидел. Она осталась прежней, лишь чуть повзрослевшей, и бордового жабо не было. Годы военного коммунизма, оставившие след на всех нас, её не коснулись, будто она выезжала временно куда-то. Это меня несказанно смутило. Весь план разговора, который я долго выстраивал и думал, что по нему, как по театральному сценарию, пойдёт наша беседа, рухнул.

Меня она не узнала. И это меня ещё больше смутило. Когда сказал про кларнет – вспомнила, обрадовалась, стала радостно галдеть, в общем, окончательно превратилась в ту Бордовую Жабо. Это меня окончательно смутило. Я хотел уже бежать от неё, но она задержала меня, проводила в свою разделённую перегородкой комнату, вынула из комода мой кларнет. Тут же попросила сыграть. За стеной кто-то сильно ругался, из кухни неслись переговоры соседок и пахло жареным луком. Я достал кларнет из футляра, но так и не приложил мундштук к губам. Она заметила моё напряжение, больше не настаивала на игре. Когда я собрался уходить – не задержала.

Я вышел из их уплотнённого дома, пробежал в конец улицы и рассадил вдребезги кларнет об угол какой-то кирпичной конторы. Потом ушёл на вокзал и сел в ожидании поезда. Там она нашла меня. Моя Судьба. Распознала, первой заговорила. Потом, через месяц или два, она призналась мне, что увидела на скамейке несчастного человека. Ей не хотелось тогда

найти потенциального мужа для себя или отца для её двухлетнего мальчика. Говорила, что на секунду забыла свои горечи и разглядела во мне кого-то несчастнее самой себя.

Я прожил у неё неделю, а потом перевёз к себе. Вот уже два года они с мальчиком лечат меня. Они просто живут со мной под одной крышей. Детёныша я считаю своим, и он, кажется, забыл время, когда у него не было отца.

Надеюсь, теперь война навеки позади. Для меня и моих потомков. Мелким конфликтам, конечно, быть, но такой бойни как недавняя, Земля больше не вынесет.

Война отпустила меня, но всё же спустя десяток лет шлёт прощальные приветы. Недавно писали газеты о новостях из Польши. При разборе завалов в Осовце из тёмных глубин каземата раздался глухой голос: «Стой! Кто идёт?». Это оказался русский солдат. Питался он все годы тушёнкой, а пил сгущённое молоко. Солдата поставили часовым к складу, но, когда наша армия покидала осаждённую крепость и взрывала укрепленные капониры, о нём попросту забыли. Он провёл девять лет в каменной темноте, но разума и счёта времени не потерял, службу и Устав помнил твёрдо. Настаивал на том, чтобы вызвали Государя Императора, ведь только он может снять его с поста, да ещё разводящий, но тот, наверное, уже давно погиб. Солдату с трудом объяснили, что страны и императора, за которых он сражался, уже давно нет, а когда вывели на свет, он сразу ослеп. Конечно, слабо верится, чтобы человек после девяти лет заточения, умирающий от одиночества, не бросился к своим освободителям с объятиями, а встретил их по Уставу. С другой стороны, зачем полякам врать и выдумывать красивую легенду про стойкость русского солдата? Ненависти между нашими народами ещё на целый век хватит.

Долго ли будет откликаться та война запоздалым эхом?

Кажется, добавить более нечего.

Руслан перевернул последнюю страницу.

Знает ли отец, что дед ему неродной? Руслану вдруг стала понятна холодность между дедом и отцом в последние год-два перед смертью деда. Но с кем её не случается? Дед, как большинство стариков, стал сварлив, мелочен, придирчив. Хотя он не утратил разума. Даже перед смертью всех узнавал и оставался при памяти. Дед не мог открыть отцу правды, ведь тогда война снова бы вернулась к нему, а её дед боялся больше, чем смерти. Раз дед унёс тайну с собой, то и Руслан не вправе показывать этот дневник отцу.

А если отец уже нашёл тетрадь? Почему не показал её Руслану? Может, просто положил туда, откуда взял сам, в надежде, что если не Руслан, то сама тетрадь со временем найдёт его.

Память Руслана выцарапывала из тайников далёкого детства какие-то укромные кусочки, и он не мог сказать точно: было ли это на самом деле или разум его рождал вымышленные картинки. Большие праздники собирали их всей семьёй за накрытым столом у деда. Священный для отца майский день, звенящий медалями отцовский пиджак, его торжественный, гордый взгляд. И совсем иной взгляд деда, словно виноватый или жалкий даже. Руслан и теперь бы не смог распознать его, этот взгляд.

На улице светало, ходили по полу и стенам корявые тени, рождаемые мебелью. В них чудились фигуры безымянных воинов исчезнувшей империи, солдат неизвестной Великой войны.

**Галина
ТАЛАНОВА**

ЭТОТ СВЕТ НЕ УШЁЛ, НЕ РАСТАЯЛ...

И затянуло лужицы ледком..
Хрустят, как время, звонко под ногами.
И трещина бежит под каблуком.
И ты скользишь, как в юности, в тумане.
Как шапки одуванчиков, огни
Плывут в дожде,
Ворвавшимся зимою..
И кажутся нелепы эти дни,
Когда с тобой разделены стеною..
И на стене –
Гирлянды из огней,
Что дождик увеличивает линзой.
Но только жизнь всё без тебя темней.
Фонарь качает шапкой с укоризной.
Съезжает шапка снега набекрень
И приглушает колдовство от света.
Ведь даже пятипалая сирень
В гербарии желтеет в бабье лето.

-
- Галина Таланова (Галина Борисовна Бочкова) – биофизик, кандидат технических наук, автор восьми книг стихов и пяти – прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде. Работает в ООО НПО «Диагностические системы». Лауреат премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012), им. М. Горького (2016), золотой лауреат международного конкурса «Её Величество Книга!» (Германия, 2016), золотой дипломант VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016), дипломант международных конкурсов им. О. Бешенковской (Германия, 2015), им. де Ришелье (2016, 2017), им. Мацуо Басё (2016), премии-ордена им. Кирилла и Мефодия (2016), «Русский Stil» (Германия, 2017), лонг-листер премии им. И. Бунина (2011, 2012, 2015, 2017), шорт-листер международной премии им. Ф. Достоевского (2017) и других. Имеет более 150 публикаций. Стихи и проза публиковались в журналах «Нева», «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Москва», «Аргмак», «Волга–XXI век», «Наш современник», «Работница», «Новая Немига литературная», «Родная Ладога», «Природа и человек», «Вертикаль. XXI век», «Сура», «Берега», «Подъём», «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый свет» (Канада), «Предлог. Сот», «Велирокосъ», «Нижний Новгород», «Истоки», «Литерга»; газетах «Литературная Россия», «День литературы», «Новая газета», «Общеписательская литературная газета», «Российский писатель», «Земля нижегородская», «Знамя», «Горьковский рабочий»; альманахах и коллективных сборниках «Невский альманах», «Гостиный двор», «Новый континент» (США), «Созвучье муз» (Германия), «Российский колокол», «Новый Енисейский литератор», «Земляки», «Витражи», «Муза» и других.

Зачем в клубок опять
Заматывать все чувства,
Пытаясь расплести запутанную нить?
Закованное льдом
Не видно речки русло,
Но только подо льдом
Ключ продолжает бить.
Я чувствую его,
Как мать ребёнка сердце,
Но только нелегко
Смотреть на белый наст.
И никуда от мыслей
О времени не деться.
И невозможно жизнь
Припрятать про запас.
А значит, надо жить
Без призрачной любви,
Что дышит в глубине,
Но не буравит наст.
Но только снова душу
Израню я до крови,
Пытаясь приподнять
Ледовый пласт.

Пока ещё смотрю
Сквозь дымчатость очков
На воду,
Что прозрачна, словно осень,
И слушаю
На скрипке играющих сверчков.
И всё колюсь о хвою
На тропке между сосен.
Дорожка на реке
Почти до рези глаз
Блестит и манит вдаль,
Где шарик раскалённый,
Как будто бы в печи расплавленная сталь.
С разломанных здесь дач
Запахло вновь палёным.
То жгут не листья – жизнь,
Что где-то здесь прошла,
Как камень серый
Мимо просвистела.
И старая ворона без крыла
По саже скачет:
Быть не хочет белой.

Я всё тянусь к той ниточке из света,
Что прорезает всю ночную мглу.
Как будто хвост от рухнувшей кометы,
Что превратится через миг в золу.
Я всё тянусь...
Лицо ночами вижу,
Как будто бы склонённое ко мне...
И никого-то не было мне ближе.
Качались тени веток на стене,
Заламывали руки,
Будто в танце...
Звенел трамвай волшебный за окном.
И жизнь блестела, словно в глянце.
Светилась так, как ветки подо льдом.
Закованная в панцирь льда рябина,
Что стала недоступной для синиц...
А журавли все улетели клином,
И в памяти остался след зарниц,
Когда на запад медленно тянулись,
Курлыкая печально о зиме.
И ветки подо льдом ещё не гнулись,
Вдруг оказавшись в ледяной тюрьме...
Как этот лёд оттаять между нами,
Что клонит к долу,
Горестно звеня?
Лишь церковь ночь подсветит куполами.
Колеблю свет, как в речке полынья.

Ветшает всё,
Где била жизнь ключом.
Сгребёт бульдозер
Старенький домишко
И сожалеть не будет ни о чём.
Со старым тёмсом вперемешку книжки,
Посуда, ноты, старенький диван
С отломанной и ржавою пружиной.
И наша жизнь вся – розовый обман,
И обещанья счастья были лживы?
Под корень всё:
И яблони в саду,
И клёны, обступившие толпою.
Когда-нибудь и я во тьму уйду,
И дом уйдёт мой той же вслед тропую.
Останутся кувшинки на воде,
Качающие молча головами,
И стрекоза в серебряной слюде,
Зависшая над скромными цветами.

Ты редко снишься.
Может, так и надо.
В раю пришлась, наверно, ко двору.
Откапываю в строчках в день по кладу
И продолжаю тонкую игру.
Я всё пытаюсь спеть,
Что не допела,
И доиграть под властный птичий свист.
Любовь ушла –
И жизнь как отшумела.
И путь вперёд извилист стал и мглист.
Июльский день стоит на мокрых лапах
И, как собака, лижет языком.
И сверху жду понятного мне знака –
Из облаков махания платком.
Я не спешу увидеться среди сада.
Пусть летний ливень все побил цветы,
И веет сладким запахом распада,
Я не хочу всё видеть с высоты.

Как в мае нынче яблони цвели!
Тяжёлыми, пахучими цветами,
Что даже наклонялись до земли,
Как будто бы с созревшими плодами.
Всё пустоцвет.
Опали лепестки.
Всё точит время,
Даже вечный камень.
И почему (ведь были так близки)
Теперь лишь ходим около кругами?
Круги всё шире,
Словно на реке,
Бегут по ряби мелкою волною.
И я стою на лёгком сквозняке,
Как будто бы за каменной стеною.

И возвратились холода,
Когда уже совсем не ждали.
Ручьи под корочкою льда.
Дымок над крышей по спирали.
И горечь от сгоревших лет
В огне,
Что жгли в большом камине.
И жизнь прошла,
Оставив след,
Как реактивный лайнер в сини.
Он шире всё.

И всё бледней..
Уже на облако похожий.
Ты жизнью мне казался всей,
А я была лишь в ней прохожей..

Словно замерло время в округе.
И бугор ливнем летним примят.
И смешны, и наивны потуги
Обратить на округу твой взгляд.
Петухи безголосой породы,
Как кукушка, кричат поутру.
И летят, точно семечки, годы
Шелухой, что пришлась по нутру.
Солнце дышит хоть изредка в плечи
И ладошкой трогает лоб.
А родные давно уж далече.
И своих ты страшишься хвороб.
Сколько лет возвращаться мне в лето?
Ждать, что небо заштопают вновь.
Умываться пригоршнями света
И не ждать, что вернётся любовь.

Остаётся лишь воздух,
Что снова
Обдирает щетиной лицо.
Как же жизнь вся прошла бестолково!
Сердце жмёт, как на пальце кольцо,
Что вращало во плоть незаметно.
Эта музыка горестных строф,
Что приносится северным ветром –
Он подул с неземных островов.
Остаётся лишь небо,
Где звёзды –
Будто рой светлячков на горе.
И любовь, что случилась так поздно.
Снег на солнце искрил в декабре..
Этот свет не ушёл,
Не растаял,
Хоть впитал он всю копоть и дым..
Видишь мир будто в щёлочку ставен,
А не так,
Как дано молодым..

**Валерий
АРШАНСКИЙ**

ГЛУХЕНДРЯ

Двугорбые горы на востоке проступали иссиня-чёрными великанами, пока не забрезжил над ними слабый солнечный свет; едва тронул он оранжевой кистью очертания далёкого «верблюда», как всё стало на свои места – и заросшие лесной красой, но не такие уж исполинские и не такие уж безоглядные возвышенности, и холодные, серые, густые, всё ещё непроглядные после ночной темноты низины на западе. Обозначились в зубчатой чаще и приземистые домишки (или правильно их назвать по-здешнему – сакли?), уступами оседлавшие горы по замысловатой траектории.

Лиловая осень монотонно кропила мелкими дождичками безответную, каменистую почву, а незримые художники, аккуратно прикасаясь к природным мольбертам тонкой кистью, наносили на листву мазки позолоты, охры, багрянца, превращая в клокущий весельем бразильский карнавал строгих, как британские часовые у посольских ворот, дубовых великанов с их непомерными ветвями-ручищами и песенные березняки. Небеса зябко кутались в плотное перкалевое покрывало. И медленно, степенно, величаво в уютное межгорье вливался задумчивый спутник осени – сизый туман. Фантазёры могли легко разглядеть в его причудливой конфигурации что угодно: кто кавказскую бурку, кто прокурорскую мантию, кто полы солдатской шинели. А вот поэт увидел иное: синий туман, похожий на обман. Как бы это себе представить?

Анна Тимофеевна, не изменяя многолетней привычке и здесь, в санаторной палате, стоя у распахнутого окна в просторной майке и спортивных шароварах, заученно разминала кисти рук, стопы, шею, не прислушиваясь к голосу радио, тихо бубнящего в это же самое время наставления по утренней гимнасти-

-
- Валерий Семёнович Аршанский родился в 1945 году в Магнитогорске Челябинской области. После школы-семилетки окончил строительный техникум, три года служил в армии, работал на строительстве магистральных газо- и нефтепроводов по всему бывшему СССР. Без отрыва от производства окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета, работал корреспондентом, главным редактором в городских и областных изданиях, возглавлял первые издательские дома в Мичуринске и в Тамбове. Член союзов писателей и журналистов РФ, автор 19 книг художественной и документальной прозы, лауреат премии Союза журналистов РФ и ряда престижных литературных премий. Публиковался в «Роман-газете», журналах «Великоросс», «Наша молодёжь» (Москва), «Волга-XXI век», «Подъём», «Страстной бульвар, 10», «Александръ» и др. Заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин Тамбовской области. Живёт в Мичуринске.

ке. Она следовала своей методе, которую сама придумала, прочно усвоила и которой привыкла доверять безоглядно, как пилот летательному аппарату. С годами организм выработал настолько точный внутренний калькулятор, что и никакая арифметика не требовалась, тело само безошибочно определяло ритм начала и окончания упражнений.

Руки на затылок, поворот влево, теперь вправо, наклон вперёд, назад. Меняем положение рук, поворот вправо, поворот влево, голову назад, вперёд...

Вновь всплыло перед глазами смуглое личико девушки, облачённой в местный наряд, её умоляюще сложенные на груди руки. (Как, интересно, теперь называются культурные организаторы? Раньше это были воспитатели, пионервожатые.)

– Анна Тимофеевна, миленькая! Может быть, всё же придёте, ой, что я говорю, приедете к нам? Мы хорошую машину организуем, и отвезём, и привезём. Ребята вас так ждут! Как узнали? Только не выдавайте: на ресепшн, в смысле, на регистрации сообщили, что в гостях легендарная Лебедева Анна Тимофеевна. Нашим выпускникам в этом году наверняка тема о войне достанется, вы так им поможете своими воспоминаниями...

Анна Тимофеевна, ссылаясь на осипший голос (хорошо хоть миниатюрные кнопки наушников слухового аппарата успела замаскировать под волосами), скачки давления, общее недомогание, пыталась уклониться, вежливо отказать от настойчивого приглашения большеглазой говоруньи. Но милая собеседница, точно сошедшая со знаменитого портрета «Девочка с персиками», фруктом оказалась не по возрасту решительным, настойчивым, никак не желающим уступить.

– Анечка Тимофеевна, ну, пожалуйста! Вы же прекрасная рассказчица, моя мама плакала на той передаче, в день Победы, когда вам космонавты букет белых роз подарили, а сын и внучка – пуховую шаль... Мы в библиотеке большой стенд соорудили, приедете – увидите, собрали всё-всё о вас, а в центре ваша книга «Мы были добровольцами» и большая фотография – ребята с экрана телевизора сняли...

Вспомнила! Эта девушка, Оля, заведует школьной библиотекой, она же говорила...

«...И множество набежавших татар вступило в смертельную схватку с русскими служилыми людьми...» Господи! Каким пугающим басом прорвало вдруг телевизор за стеной...

– Олечка, а вы знаете, сколько мне лет? Как воспримут ваши школьники, что вместо нарумяненной, накрахмаленной красотки в пилотке к ним пожалует бабушка – седая, сгорбленная, с палочкой и в очках, – всё ещё пыталась слабо сопротивляться Анна Тимофеевна.

Но упрямая «креолка» явно здешних, кавказских кровей оставалась твёрдой, непреклонной, как бывший её комбат Малюков, так и не сдавший в боях под Купянском понтонный мост фрицам.

– У нас прекрасные, воспитанные ребята, – увещевала гостью нарзанного края Олечка. – Представляете, пригласили мы на «Школьную панораму» Пичужкина Якова Осиповича, он в городе пищевым комбинатом заведует. Мужчина, знаете, весь такой импозантный, весь в кольцах и перстнях, но у него что ни слово, то табу для детей и дам... Стал он рассказывать о своём производстве – мы с напарницей скрылись за книжными стеллажами, давимся смехом, угораем. А ребятам какво? Но сидят молча, правда, переглядываются, перемигиваются, губы покусывают...

Всё ещё продолжая наклоны влево-вправо, Анна Тимофеевна вела незримый бой сама с собой: идти – не идти. «Восемьдесят с хвостиком, куда тебе

к детям?» – «А что, лучше, если деточки на бездарных фильмах о санитарках с маникюром представление о войне получат?» – «Твое какое дело? Умнее Лимонадного Джо хочешь быть? Он рот не закрывает, только и лёт патоку о перестройке да гласности в безалкогольном обществе. Обрыдло уже слушать его сладкие напевы. Всё откровенничает, что он бывший тракторист. А физиономия – сытого булочника. Златоуст!»

Анна Тимофеевна, переходя к водным процедурам, всё продолжала спор, думая о том, как не сами встречи – общаться без конспектов она может в любой аудитории – а вот послесловие к ним мучает, то, которое называется самоедством. Почему, пока она выступала, громко перешёптывались две рослые девчонки, сидящие у окна? Элементарная невоспитанность? Свои наряды обсуждали? Или о кавалерах не наговорились? Почему зевал, не прикрывая рот ладошкой, мальчишка с последней парты, «камчатки», всем видом показывая, как ему здесь и сейчас неинтересно? И с какой стати каждый раз отводил глаза в сторону, хотя она обращалась в первую очередь именно к нему, к его разуму, явный отличник из первого ряда, выбранный ею как «мишень» для разговора? Не зацепило? Не понравилось? Скучно? Хотя...

Птичий пух ведь проступает у отрока на щеках! Значит... Ясен пень: гораздо больше моих пустынных фраз волнует, влечёт, будоражит парня соседка, озорная гимназистка с ямочками на щеках и выдающимися формами под фартучком, нет-нет да и тоже стреляющая глазками «в сторону «очарованного странника». Ах, Анечка! Прекрати ты этот допрос, неужели сама в их годы не влюблялась? Влюблялась. Только влюбляться нам суждено было ненадолго. До дверей военкомата. А после «гражданки», с переобуванием в старшинской каптёрке из туфельек-лодочек в кирзовые сапоги да переодеванием-обмундированием из лёгких школьных платиц в колючие гимнастёрки с неподдающимися пуговками на вороте, после саратовской двухмесячной «учебки» – учебного взвода связи, где гаркали на курсантов горластые командиры, как на домашних животных, совсем уж все девичьи сны, томные свидания под цветущими липами и «охи-вздохи» под луной отшибло. Чуть свет – старшинский клич: «Подъём! Пять минут оправиться, строиться выходи!» Два кэмэ утренней рысцой вокруг сквера, жидкий мантый «пудинг» на завтрак, и каждый божий день наряды, караулы, дневальство, дежурство, политзанятия, плац, строевая подготовка, сто раз на день построения, учебные стрельбы, прогорклая оружейная комната, страшные неизвестностью громоздкие аппараты связи... Вот во что приходилось влюбляться.

Как передать юной поросли те ужасы войны? А то ты, Аня, не знаешь, как? Больше рассказывать правды, больше честности, а не глянцевого «ура-ура!», вроде как и не было у нас, особенно в первые месяцы войны, ужасного плена, драп-марша от превосходящих сил противника, бездарных действий тупоголовых командиров и расстрелов перед строем дезертиров, паникёров... Окопную правду нужно показывать, чтобы знали юнцы, каких чудищ, каких людоедов мы победили. И про миллионы пленных не скрывать, и про то, что к войне ни черта не были мы готовы, и про жуткие ранения мальчишек-бойцов, и про нелепые смерти, и про отступление... И про победы, конечно же! Пусть горькая будет микстура, зато истинная правда о тех, кто стоял на передовой. И это куда как полезнее и целительнее, чем правдоподобное враньё тыловиков и обозников. Но у нас тут же начнётся худсовет: «очернение», «искажение», «извращение». А вы бы видели, зналки, то, что я видела...

Как с большой охапкой утром сорванных ромашек бежала по Гомельскому полевому аэродрому на встречу с девчонками-землячками, и вдруг прямо в их капонир жажнул «оттуда» миномётный снаряд. За ним другой, третий. Оглушительный грохот сопровождал каждое попадание боеприпаса, тошнотворно отравлял воздух едкий дым, не давала дышать гарь, ползла широкой волной мутная смесь пороха и пироксилина. Пришлось свалиться в какую-то отвратительную, смрадную канаву на обочине, прикрыть голову руками и молиться: «Господи, помилуй!», просить защиты у мамочки и вновь молиться Боженьке, а проклятый немец вёл и вёл обстрел. Последний, самый сильный минный удар превратил в глубокую воронку всё. Рухнули в никуда блиндаж, две новенькие зенитки, а вместе с ними и пятеро девчоночек, молоденьких зенитчиц из нового набора, от которых... которым... – ой, Боженька, опять эти страшные воспоминания... – которых просто не стало. Некого и нечего было хоронить...

Это потом, потом наши командиры научились в линейных рядах устраивать ячейки для укрытия бойцов при обстрелах, а в начале войны фрицы упивались нашим незнанием простых фортификационных хитростей, недаром и миномёты свои они называли траншейной метлой, выметающей всё на своём пути...

Успокойся, Анечка, а то опять ведь будешь валидол глотать. Больше чем полвека минуло, и то, о чём ты вспоминаешь, осталось в далёком, как этот ускользящий туман, безвозвратном прошлом. Хорошо хоть никто не помешал книгу издать, где сумела сказать всё, что хотела, что видела своими глазами, слышала своими ушами, знала...

Энергичнее, ещё и ещё энергичнее, ещё и ещё старательнее орудя мочалкой, Анна Тимофеевна уголками рта улыбается своему отражению в зеркале. Вот, правда, предмет, с которым приятно поговорить!

– С добрым утром, дорогие деточки! Я ваша прабабушка. Вы, слава Богу, живёте в благоустроенных домах и квартирах с центральным отоплением, горячим водоснабжением, шикарными ванными и санузлами, с пелёнок знаете разные там смартфоны и компьютеры. Папы и мамы катают вас на блестящих немецких лимузинах. То, что для меня и людей моего поколения непреходящая боль – Великая Отечественная война, – для вас уже далёкая Куликовская битва. Может быть, я не права, старая брюзга. Не знаю. Но мне часто кажется, что кто-то всемогущий специально заслоняет правду, подлинную историю, неоткрытые и десятки лет спустя военные архивы плотной, непроницаемой ширмой. Хватит вам, дескать, любопытствовать, предки пострадали, отвоевали, завоевали и – баста. Слушайте теперь песни Басты...

Ага! Вот оно – в поддержку моих слов в голос загомонило курортное радио с развязной ведущей, явно нездоровой на голову. Новоявленная «звезда» с ходу повела нескончаемое «ла-ла-ла» вместо слов. Началось в колхозе утро! И не знающая ни стыда ни совести хамоватая радиодиванщица (не расслышала, с каким она выступает прозвищем – то ли Кока, то ли Мокко?) приступила к музыкально-обозному воспитанию подрастающего поколения. Для затравки сообщила, что «Два кусочка колбаски у меня лежали на столе». Каково? Bravo, пупсики! Дальше? «Рюмка водки на столе». «Реально», «пипец», «по-чесноку», а ещё «как бы», «на самом деле», «это, как его», «ну, значит» – постоянно повторяет кем-то ведь допущенная к всероссийскому эфиру Кока, самый грамотный из ныне живущих эксперт по туалетной бумаге.

Убив туалетную тему, тут же, без всякой связи, переходит на высокие рассуждения о любви. Песней разъясняет, как забрать её, пьяную, домой (сама, наверное, эту пошлятину, сидя на унитазах, сочинила, сама стала рас-

певать), следом гундосит арию про какую-то истеричку и обманутую невесту, а под занавес объясняет, как надо любить по-французски. Истинные парижане Гюго, Мопассан и Флобер вкупе с Бальзаком рты бы открыли от удивления.

Но терзает не столько ушат пошлятины, походя вылитый Кокой, сколько последствия: после Коки подростки-тинейджеры разве будут слушать историю фронтовички про Днепровскую переправу, про первый её орден Красной Звезды, полученный из рук самого Ивана Степановича Конева, тогда ещё не маршала, а генерала? Про зимние ночёвки в чистом поле под ракинтами и, как счастье, ночной сон на неостывшей печке-лежанке, единственной оставшейся посреди пустынного двора на месте сожжённой гитлеровцами хаты.. Сон! Спать! Выспаться вдоволь, без подъёмов, боевых тревог, ночных дозоров и караулов – вот чего хотелось больше всего каждому армейцу, смыкающему глаза в пешем строю на дальних переходах. Спросите – подтвердят!

Солдаты 6-й инженерно-сапёрной бригады, измотанной непрерывными бомбёжками, прицельным обстрелом гитлеровской артиллерии, едва выйдя с «передка» в тыл, повалились как подкошенные на притрушенный старой соломой пол в каком-то сельском клубе под Валуйками. Чёрт с ним, с обедом, всё равно сухомытка! Отстань ты, каптёр, со своей переобувкой и выдачей чистых портянок, потом, потом, всё потом, успеем, поменяем или отдадим в прожарку ношенные кальсоны и рубахи. А сейчас – эй, подвинься, браток, кину я свой «сидор» под голову, и не буди ты нас, командир, дай покомарить влсасть, совсем мы позабыли, что такое нормальный сон, дом и тишина.

Таким запомнился первый январский день сорок третьего. На редкость удачный день. Божественный подарок, когда, протопав накануне маршем не меньше пяти вёрст с полной выкладкой – скатками, вещевыми мешками («сидорами»), ружьём и снаряжением, упали и проспали с утра до вечера, чего не бывало, пожалуй, с мирного времени. Спасибо и низкий поклон незнакомой селянке, прятавшей от солдат лицо под низко надвинутой хусткой (по-русски – платком), где-то раздобывшей дров и поддерживавшей накал в самодельной «буржуйке», не давая ни на час остыть печному жару. Маме помогали таскать и колоть на щепки дровеняки-штaketины, греть воду в большом чайнике двое её сыновей, судя по росту, вроде как школьники. Такие же, как и она, молчаливые, закутанные поверх куцых пальтишек в бабушкины ветхозаветные платки, извлечённые из глубины домашних сундуков – деревянных «скрынь».

В минуты отдыха мальчишки с уважением рассматривали боевое вооружение сапёров: составленные в пирамиду под охраной дневального винтовки с примкнутыми штыками, автоматного вида пистолеты – пулемёты Шпагина, именуемые ППШ, и сами пулемёты на колёсиках, цинковые ящики с патронами... С неподдельным интересом хлопчики, растущие без отца, застывали близ мужиков-храпунов, способных тигриным рыком своим заменить гудок паровоза. Но развлечение длилось недолго. Постояли, потолкались, хмыкая в ладошку, и – бегом на улицу маме помогать. В награду за труды праведные пожилой каптёрщик отчекрыжил семье полковриги ржаного хлебушка и вложил маме в руки чуток отдающий махорочкой кулёк сахарного песка, того, что давали бойцам из расчёта четверть кило на десять дней каждому. Навер-

ное, за счёт погибших сапёров, числящихся ещё живым наличным составом, сэкономил. Вот вам, дорогие, за доброту и заботу вашу, заслужили.

Ближе к ночи, когда бойцы с тихой радостью занимались сугубо штатскими делами – кто стригся, кто брился, кто, как умел, штопал дыры в изношенном «хэбэ» или подшивал подворотничок, – запищала рация с позывным «Серебрянка», и сержант Лебедева позвала к трубке комбата. «Солдатское счастье» приказало долго жить: второй дневальный помчался рысью вызывать ротных командиров.

– Старший лейтенант Терляхин, – хрипел прокуренным голосом майор Малюков, – слушай приказ! Скрытно, без огонька, без шума и грохота разобрать сарай за клубом и к утру оборудовать НП у берега, за гранитными валунами. Маскировка – маскхалатами, каптёр выдаст, лично проверь экипировку каждого, слышишь, каждого бойца!

– Есть!

– Выполняй! Проверю.

– Капитан Алоев! Веди своих с пилами и топорами в лес, бери три волокуши. Оставь одно отделение здесь разбирать коровники и конюшню. Задача – навести переправу через брод. Всем придётся навалиться, подкрепления ждать неоткуда. Торопись! Пока метель, наши танки войдут к фрицам в тыл, оттуда загасят гадам свечи! За работу!

Приказ штаба по старенькой, изношенной радиации Р-105 принимала она, Аня, записала всё дословно, несмотря на страшный рёв, писк, треск и грохот в эфире. Природный слух? Пожалуй. Плюс скрипка и детские уроки музыкального сольфеджио. Очень кстати капитан Алоев недавно подарил ей трофейную губную гармошку с готическими надписями на обороте: «Третий рейх» и «Олимпия»...

Ой, что это? Заливается арией Кармен её телефончик с усиленным звуком. Внушенька? Дашка? Или опять Оля? Хочет не мытьём, так катаньем получить согласие на встречу? За невоспитанность отчитаю! Нет, всё же Даша, внушенька.

– Здравствуй, моё солнышко! Долетели благополучно? Как погода на курорте? Что? Громче, Дашенька, я тебя совсем не слышу...

– Бабушка, родненькая! Громкость подкрути, я тебе показывала колёсико. Нормально мы долетели, я из аэропорта звоню...

– Порту, что, Даш? Какое порту?

– Бабулечка! Глухендря моя родненькая... А-э-ро-порт! Началась регистрация. Клерки в красных фесках и в голубых блузах бегают, все такие деловые, все такие вороватые... Слышишь: «Русские! Кто ко мне за визой, с того 20 баксов, кто хочет два часа в очереди стоять, платите 15». Папуля уже схватился с одним по-прокурорски, мама Тимура Теймуразовича успокаивает. Всё, бабуль, всё, наша очередь. Я перезвоню.

В белгородском селе Хлевище у реки Валуй бригада после удачного сооружения переправы простояла ещё добрые две недели, пополняясь новобранцами, подлечивая легкораненых в полевом госпитале, утепляясь зимним обмундированием, принимая на баланс не очень-то новое, но вполне ещё пригодное для сапёрной работы оснащение. Там-то и отличился капитан Алоев, сын гор, с огромными сливовыми глазами, сверкающими от постоянного недосыпа. До войны борец, чемпион республики, Теймураз обладал такими огромными ручищами-лопатами, что в одной его тонули обе Анины

ладошки. Понятно, как он хлопнул тогда пятернёй по каске немецкого разведчика, ступавшего во главе трёх боязливых сопровождающих. Сбились в непроглядную метель фрицы с курса, заблудились в страшном русском лесу, вот и нарвались на сапёрный наш дозор, где находился в тот момент и ротный командир. Трое рядовых «зольдатен», перепуганные, хнычущие, жалкие, сразу подняли руки: «Гитлер капут!». А старший, бывалый капрал, кинулся напролом в лес. Но далеко ли от жёлтенького пистолетного патрона ППШ убежишь? В левом нагрудном кармане кителя убитого вместе с фотографиями белокурой фройляйн, солдатской книжкой, свёрнутой вдвое пачкой дойчемарок и лежала та губная гармоника, оберег от русской пули. А зачем убегал? Пережил бы плен, живым остался...

Алоевский орден Красной Звезды обмывали уже за бревенчатым перекатом, который лихо «протоптали» наши Т-34. Праздновали в пункте связи, проверив вначале, не заминирован ли отбитый у немцев блиндаж. Новое жильё – командный пункт – устроили для командира батальона майора Малюкова в два счёта. Ещё бы! Предстоял редкостный, а потому такой желанный вечер со старшинским НЗ, патефоном, а ещё – с захваченной у панически бежавших фрицев кухней, где нашлись и салеты, и конфеты, и шоколадки в подарок девочкам. Ей, связистке, трём санитаркам и неохотно согласившейся посидеть за компанию грустной еврейке-снайперше. (Как чувствовала, бедняжка, потерявшая в ровенском гетто обоих родителей, что это и её последняя ночь.)

Там, в завоеванном блиндаже – не чета нашему: с капитальным бревенчатым накатом, нарами в два яруса, переносной железной печуркой, чтобы обсушиться, обогреться, чайничек вскипятить, даже с входными дверьми – выделили для Ани удобный закуток, плотно занавешенный плащ-палаткой от любопытных глаз. Оглядевшись, она попросила ребят, уже соорудивших себе полевую казарму на месте колхозной конторы, которую не успели сжечь всё сжигавшие за собой при отступлении гитлеровские выродки, хоть дымовой шашкой, хоть моршанской махрой, а вытравить из блиндажа приторный фашистский дух – «парфюмерию», как назвал её Алоев, из каких-то едких мыльных жидкостей или приторных до рвоты порошков, которыми прежние обитатели поливали и посыпали всё вокруг против вшей, гнид, чего там ещё... клопов, тараканов, крыс, мышей?

Капитан Алоев. Отдельная песня. Своих солдат ротный командир берёт как родных братьев, мог и по шее, а то и по физии дать тому, кто его приказ нарушал, кто без его команды высовывался. Орал на разгильдяев: «Я не хочу твоей маме похоронку писать, понял?» И ещё добавлял вполголоса нечто непечатное о маме. Наиболее тупым (а кто служил в стройбате, в сапёрах? Кандидаты и доктора философских наук, что ли? Нет. Вчерашние плотники, каменщики, дорожные рабочие...) объяснял доходчивее: «Ваши****, так вашу и растак, нашим бабам после войны пригодятся!»

Счастливым годом прожила она с Алоевым после войны. Он – черноглазый подполковник, офицерская выправка, широкие плечи, короткая стрижка-бокс, вся грудь в орденах. Она – пусть и после контузии, но не утратившая девичьей стати, милovidности боевая подруга с наградами на светлом парадном кители и звёздочками на погонах. Если бы не та эвакуированная из Литвы артистка, Гражина... Но о её «гастролях» с мужем Аня узнала не сразу, а совершенно случайно, от соседки по родильной палате, Татьяны. Тогда, после тяжёлых родов, с невыносимыми болями во всём теле (ничего себе, потерпи, когда кости раздвигаются!), появился на свет сынуля-богатырь Тимур... Утром солнце для неё ярко вспыхнуло, а к вечеру свет померк,

когда разговорились роженицы, и вдруг совершенно неожиданно, к слову, выплыла та горькая правда о регулярных «репетициях» Алоева и литовки в сдаваемой этой парочке внаём Татьяниной квартире. «Если бы я знала, Анечка, кто они и чего они...» После осторожного обзора из окна палаты «счастливого» отца Татьяна печально кивнула головой: «Он».

Алоев передал в палату ещё горячие (Гражина, что ли, напекла?) пирожки с капустой, батончик колбасы, сыр, кефир, конфеты её любимые, «Мишка на Севере». Даже умудрился где-то достать «дефицит» – мандаринки. Она ничего возвращать не стала. Зачем рождать сплетни, устраивать скандалы, выяснять отношения? Нервы ей ещё пригодятся. Только на его поздравительную записку с заботливым вопросом, как ты там, моя золотая, нацарапала огрызком карандаша на обороте: «Мы хорошо. А ты чтоб сдох, кобель!»

Может быть, зря она так сразу, может быть, ещё можно было сохранить семью, привязав любвеобильного папашу к сыну? Не она первая, не она последняя в роли обманутой жены. У той же диспетчера Таньки муж давно живёт на две семьи, и она об этом знает, в отместку загуливает со своим начальником автобазы... Вот и ты, Анечка, с годами нашла бы действенный способ отомстить. Но что теперь об этом? Теперь-то уж нечего. А тогда не было рядом никого мудрого – наставить, успокоить, подсказать. Да и фронтровая кровь всё ещё в полную силу бурлила, бунтовала, бродила, заставляла делить людей только на своих и чужих, на друзей и врагов – без межполосья, без оттенков.

Стоп! Это что, мистика? Придуманно? Так на самом деле не бывает? Да в её долгой жизни чего только мистического, каких только чудесных совпадений не бывало! Нет, но надо же, словно по заказу читают на радио стихи любимого Пастернака:

*Не слушай сплетен о другом,
Чурайся старых своден.
Ни в чём не меряйся с врагом,
Его пример негоден.
Чем громче о тебе галдёж,
Тем умолкай надменной.
Не доверяй чужую ложь
Позором объяснений.*

Борис Леонидович, миленький! Я ведь побывала у вас, в писательском Переделкине, вместе с Тимуром, невесткой и Дашенькой. Постояли мы, побродили у окон вашей обители, послушали здешнюю писательницу, точнее, поэта-экскурсовода, оглушившего личной подробностью... Оказывается, не в сталинских хоробах в Доме на Набережной, где потолки под пять метров, не в Ялте или в Сочи – в курортном коттедже с видом на море, а здесь, в затрапезном подмосковном домике, где всесезонное удобство – деревянный «скворечник» во дворе, жил, изумительные стихи писал лауреат Нобелевской премии, автор знаменитого романа «Доктор Живаго», принёсшего вначале бурю радости, а затем океан горести человеку с мировой известностью.

Анна Тимофеевна задумчиво стоит у окна. Поистине, картинка всех воспоминаний – как цыганское одеяло, сшитое из разномастных лоскутов, как рассыпающийся на причудливые узоры детский калейдоскоп; вот стёклышки слиплись в единый узор, а вот раскатились – и попробуй точно так же их

собери. Никогда не получится. Начала про кого? Про Алоева. Так при чём здесь Пастернак?

Алоев исправно, каждый месяц (в ЗАГСе расписаны они не были, считали, бессмысленно терять время из-за каких-то пустых бумажек), без её просьб и напоминаний присылал хорошие деньги на Тимура, даже когда сын достиг совершеннолетия и поступил в вуз, на юридический. Сын ездил к папаше в гости один раз, после школы. Отец сумел хорошо устроиться в Каунасе; возглавил большое строительное управление, какое-то там СМУ, набрал рабочих, приехали к нему даже несколько толковых ребят из его бывшей роты. Алоев умел привлекать людей. А умер, погиб, точнее, более чем нелепо: сорвался с крыши многоэтажки, проверяя по осенней скользоте качество сделанного покрытия. Остались сын Арвид и безутешная вдова Гражина. Она звонила ей, Анне, просила приехать.

– Тимур тебе сообщил наш адрес, Анна? Запиши, дорогая: улица Урбшо, дом 39, квартира 15, телефон 1-34-79. Свейки атвика! А? Плохо слышишь? Тимочка мне говорил о твоей контузии. Я сейчас ещё раз всё продиктую, ты не спеши, Анна. Громче? Я и так громко. Как я живу? Ой, Анна... Из театра пришлось уйти. Не буду говорить, почему. Да. Ты права. Ох, эти наци... Я теперь в газетном киоске, прессу продаю. Арвид работает на радиёзаводе, это в центре, где «Мурава», на Радониёс Армиёс. (Анна поняла: улица Красной Армии). Автобус 16, остановка «Столовая». Анна, когда будешь ехать – дай телеграмму, мы тебя встретим...

Спасибо. Добрая ты, видать, душа, Гражина, иначе бы и у тебя счастливая жизнь с буяном, строптивым и своенравным Алоевым не сложилась. Но куда я поеду, в какой Каунас? Прочитать – прочитала, что могла: и про ваш старинный город, где сливаются реки Неман и Нерис, даже стихи поэтессы вашей – Саломеи Нерис – почитала. Кстати, понравились. Видно по стихам, всем сердцем и душой любила она свою Литву. Я Тимуру перед отъездом к вам много чего о Каунасе рассказала, пусть приедет подготовленным, культурным мальчиком. Прочитала с ним, что в городе сорок четыре памятника, из них три всесоюзного значения, особенно впечатляет ратуша «Белая Лебедь»; что Каунас «летописный» город; восемнадцать музеев, за неделю все не обойдёшь, но в музее Чюрлёниса побывай, Тимур, обязательно. Про духовную семинарию, где готовят ксёндзов, и про музыкальный орган сыну сообщила, вдруг захочет он послушать да увидеть тот, из семи костёлов самый большой – Воскресения Христа, где орган на 63 регистра. Вспомнилось тогда и мне музыкальное детство, даже подула в хранящуюся под трюмо трофейную губную гармошку.

Для хохмы спрошу нашу председательницу ветеранской организации: можно ли рассказывать о военных трофеях школьникам? Представляю, как она тут же губёнки гузочкой подожмёт, плаксивое выражение на безбровом личике сделает: «Что вы, Анна Тимофеевна! Ни в коем случае!». Научилась по имени-отчеству, а то взяла, было, наша Самгина моду обращаться ко всем по фамилии, пока её не одёрнула. Это, говорю, не твой зауральский ансамбль песни и танца, где ты всю войну проплясала, так что изволь...

Самгина – главный у нас специалист по патриотическому воспитанию молодёжи. А как же, до майора дослужилась на «Калинке-малинке», стала руководителем ансамбля. А я кто? Старший лейтенант. Подумаешь, фрицевскую засаду в Тернополе с перепуга тремя гранатами уложила, подумаешь, под Барановичами в атаку мужиков подняла, что с того, что бесперебойно связь в «логове» держала... Разве это сравнится с «Катюшей» и матросским танцем «Яблочко» на концерте перед командованием округа? Ну, ты

тоже особо не загибай, не ёрничай, Аннушка. Надо было кому-то и боевой дух солдатам поднимать. И наградами ты не обойдена: «Красная Звезда», две «Славы», медали за отвагу и за воинскую доблесть. А Самгина? Ну да, артистка. Но не худший вариант, ей тоже досталось немало пережить: и холод, и голод, и толкание плечом в осенней хляби буксующего грузовика с театральным багажом, и бомбёжки...

Обиднее всего было, когда ребята при наступлении подрывались на фугасах, заложенных самими же красноармейцами при спешном отступлении в сорок первом. Гибли бойцы на своих снарядах, взорвать которые из-за утерянной карты минных полей не успели.

– Осторожнее, братцы! Славяне, внимание! Держим дистанцию! – срывали голос ротные командиры Терляхин и Алоев.

Да разве обойдётся проход по минному полю без парочки тех, которым сам чёрт не брат? В авангарде, обочь лесных посадок двигались рязанцы-односельчане, то смеясь, то вполголоса балагуря, вот и нарвались. От ведущего только и взвихрилось облачко пыли, а приотставшего ведомого – гармониста Юрку Дьяконова – взрывная волна вначале подняла в воздух, а затем отбросила метров на двадцать от места взрыва и уложила наземь целёхонького. Но... без признаков жизни. И об этом школьникам не надо рассказывать?

Лет десять назад она, тогда ещё молодая и крепкая, поддалась на уговоры Тимура и отправилась с его выпускным классом, учительницей и ещё двумя родительницами в путешествие: из родного Заворонежска поездом в столицу, а там – по Волго-Донскому каналу теплоходом «Садко» к Днепру – к плотине Днепрогэса. Туда, где когда-то пролегли её боевые пути-дороженьки. Ох, как бухало сердце, как пульсировала кровь в висках, напоминающая о том, что уж, казалось, навсегда позабыто...

Неподвижная и необъятная открывалась необозримая махина гидроэлектростанции, где и как только не воспетая знаменитая Днепровская ГЭС! Установленный на палубе динамик транслировал во всю мощь знаменитый певческий бас: «Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч, над тобой летят журавли...» Ребята охали, девчонки ахали, все щёлкали фотоаппаратами, указывая друг другу на впечатляющие подробности. А притихшая и поникшая Анна Тимофеевна не столько увидела, сколько почувствовала, что вот-вот сейчас, вон за теми шлюзами плотины, слева, откроется остров Хортица, где в старину собирались казаки-головорезы гетмана из Запорожской Сечи Богдана Хмельницкого воевать против турок.

Тогда, в затянутую пороховой дымкой военную зиму, эстакада, конечно же, не была залита, как сейчас, приятным глазу лимонным светом. Тянулась мрачная, серая громада с зияющими проранами в огромном теле, через которые, как кровь из поверженного тела великана, струйками пульсировала мутная вода. Босховскую картину ужасных разрушений дополняли огромные груды искорёженного металла, изумерски скрученные в узлы металлургические фермы бывшего железнодорожного моста, перекинутого с острова на западный берег, оскалившиеся зазубринами арматуры обезглавленные железобетонные опоры... Остров был совершенно безлюден. Лишь кое-где торчали облизанные языками злого пламени и покрытые саваном сажии развалины прежних невысоких построек, скорее всего, былых жилищ. А чуть подалее простиралось голое поле, испещрённое

воронками – следами от ударов авиабомб. Оно тонуло под припорошённой сиротским снегом серой попоной, и всё было утыкано корневищами дикого бурьяна, жалкими кустиками высохшего ковыля и кострецами степной травы, известной как перекасти-поле.

Мудрый комбат Малюков, просидевший с Алоевым и Терляхиным в блиндаже за картой и расчётами почти до рассвета (она, засыпая и просыпаясь у рации, слышала), придумал создать небольшую штурмовую группу, способную предотвратить взрыв плотины. Об этой угрозе нашим сообщил на допросе пленный немец-штабист. Немцы, по его данным, уже успели заложить в машинный зал плотины и под опоры сотни килограммов динамита, протянули на удерживаемый ими противоположный берег провода к пульта управления и ждали сигнала, но кнопку пока не нажимали. Может быть, надеялись, что с помощью своей авиации ещё отобьют плацдарм, и потому плотины рушить не стоит...

Посвящённый в подробности командир дивизии по прибытии похлопал по плечу Малюкова и ротных. Но отодвинул сапёров («Не вашего ума это дело») и срочно вызвал свой резерв – лучших пластунов-разведчиков, способных бесшумно передвигаться, убивать врага без выстрела, ориентироваться днём и ночью в любой обстановке, умеющих по-обезьяньи лазать по верёвочным лестницам, понимающих друг друга по специальным, понятным только им условным сигналам, в которых ни командир сапёрного батальона, ни его ротные командиры не смыслили ни бельмеса.

Но штурмовая группа получила задачу практически на ходу, не успев как следует подготовиться, продумать план действий, больше полагаясь на удачу, чем на результат, а потому вернулась с первой попытки молчаливой, злой, уязвлённой, притащив с собой на плащ-палатке серьёзно раненного командира. Комдив предпринял ещё две неудачные попытки штурма, теперь уже с боем, но намного сильнее оказался огневой кулак немца, укреплённый соборными со всех точек пулемётами и автоматами.

Плотину всё равно отстояли. Группа отважных героев, прибывшая из соседнего фронта, смогла подземными ходами проникнуть к огневым точкам врага и устроить там полный оmlет, вмиг загасив пулемётные гнёзда. Знают ли в архивах Министерства обороны поимённо тех, кто тогда отличился? Занести бы их имена и фамилии на скрижали Днепрогэса! А тогда... Кто об этом думал? Операция и операция, да, сложная, да, специальная. Но будут операции и сложнее. Нам ещё предстоит долгий и мучительный путь к Берлину...

– Анна Тимофеевна, голубушка! Да что же это вы, да как же это вы сами? Я же просила вас позвонить, мы бы директорскую машину...

– Олечка, не беспокойтесь, сядьте, пожалуйста. Не мельтешите. Ничего страшного не произошло, директор санатория сам предложил мне свою помощь. Прекрасный человек!

– Да, я знаю, это же мой тесть, отец моего мужа Владимир Васильевич...

– Вот-вот, Олечка, он самый. Но вы мне скажите, я вас ни от каких срочных дел не отрываю, есть у вас полчаса? Нам надо спокойно поговорить.

– Ой, да, конечно, конечно, Анна Тимофеевна. Какие у меня могут быть срочные дела... Я только дверь закрою и поставлю чайничек. Или будем пить кофе?

– Да. Если можно, сварите чашечку. Спасибо. Я здесь присяду? Подсаживайтесь только поближе, у меня со слухом...

Понимаете, Оля, за Советский Союз в Великой Отечественной воевал миллион женщин. Были они, как сейчас говорят, в основном фертильного возраста, то есть вполне способные строить семьи, любить, рожать малышей. А им было уготовано идти в ад, в самое пекло, на фронт – санитарками, медицинскими сёстрами, радистками, связистками. Встречались мне женщины – партизанки, лётчицы, было много снайперов, среди них моя подруга Риммуля, Царствие ей небесное... Впрочем, не буду отвлекаться. Я видела женщин – боевых разведчиц, классных шофёров, занятых на подвозке боеприпасов пушкарям и строительных материалов сапёрам. Воевали женщины в пехоте, артиллерии, даже танкистами. Служили, конечно, и при штабах девчонки, были корреспонденты разных газет, ничего плохого ни о ком не скажу, репортёры – такая же боевая профессия, свои статьи они писали не по сводкам, а побывав там, в окопах...

Но всё равно, Оленька, о том, что выпало на нашу женскую долю, ещё очень мало рассказано, мало, да и во многом не так, не по правде, не как было на самом деле показано в кино. Я понимаю, артисткам с маникюрчиком и педикюрчиком ничуть не хочется, как мы, валяться в настоящей грязи, смраде и кровище, когда рядом трупы и обрубки тел. А мы через это прошли, Оля! Мне, воронежской ополченке, восемнадцатилетней, добровольцу, дали ППШ, старшина сказал: не набивай диски полностью – под семьдесят один патрон, возвратная пружина слабая, ставь не больше пятидесяти. И я била из него по немцам, когда грозило нам окружение и полное уничтожение. Их разведка тоже была не промах, сняли наших беспечных дозорных, как птичек. Тогда-то я и оглохла, Олечка, когда немецкая граната в блиндаж влетела... Думала всё, не оклемаюсь... Бог миловал... Спасибо! Вы помните, что я кофе люблю, выпью с удовольствием... Нет-нет, отвечайте на звонок, не извиняйтесь...

– И ещё одну важную вещь я вам хочу сказать: как же нужно было всё испохабить, чтобы женщин на фронте показывать только как ППЖ. Да, походно-полевая жена. Конечно, всё было. Даже у маршалов. Великий Жуков отдавал грозный приказ по войскам, предупреждая о наказаниях за «половую невоздержанность», а сам, это же известный факт, при оставленной в Москве супруге жил с медичкой Лидией Захаровой. Но вправе ли мы его осуждать? Но вот обыватели... Ой, Оля, Оля, это не передать, чего же натерпелись бедные фронтовички, возвратившись победителями домой! Вначале, да – вот вам почётные грамоты, вот вам награды, аплодисменты, цветы, поцелуи, объятия, слёзы радости... А потом?

Как из нужников поползли, потекли гнойной струйкой сплетни, наветы, домыслы, утверждаться стали самые последние гнусности. Как же только солдаток, натерпевшихся столько лиха, столько горя, не обзывали, как их даже самые близкие люди, что уж говорить о подлых сплетницах-соседках, не обижали?! Я знаю случаи, мне писали девчонки после войны, иные отцы и матери родных дочерей из дома выпроваживали, ты, дескать, весь наш род позоришь, поезжай отсюда куда хочешь. И уезжали. В никуда. С узелками и рыданиями в груди. Ну, это как? Скажу вам и о другом. Знаете, Оля, я отчётливо помню, сама подписывала это письмо: жёны военных в 1947-м году обратились в Верховный Совет СССР с требованием защитить их права на законные пенсии и наследство мужей, оставивших семьи в военные годы и нашедших себе... ну, как точнее сказать, кто счастье, кто пристанище у других женщин. А как же их дети, рождённые в законном браке? А закон-

ные супруги, достойно, верой и правдой ждавшие своих мужей с фронта? Видите, как всё непросто? Поди разберись в каждом конкретном случае, сложном и неоднозначном, путаном-перепутаном..

Я не скажу, что озлобление против женщин-фронтовичек было всегда. Где-то, как мне думается, в семидесятые годы отношение к воевавшим женщинам смягчилось. Понятно, почему. У постаревших вдов и у «брошенок» – да и я сама в их числе – по сути-то, стали забываться, затягиваться старые раны. Годы брали своё. А с возрастом на многое смотришь уже совсем иными глазами и воспринимаешь бывшее совсем другим разумом, не тем пылким, юношеским, необдуманным, а холодным, мудрым, взвешенным, вы уж мне поверьте. Бывшие солдатки, фронтовички стали пожилыми мамами, бабушками, а то и прабабушками. Наше сокровенное прошлое, кроме нас самих, ну, может, ещё самых близких и преданных друзей, никого не интересовало...

Притихшая Оля, отставив кофейную чашечку, не сводила глаз с Анны Тимофеевны в ожидании дальнейших её слов. Но что ей было ещё говорить, когда всё сказано. Молчание воцарилось за маленьким журнальным столиком. Благоговейное, как в переполненном театральном зале, молчание.

А с библиотечного стенда смотрела на Анну Тимофеевну увеличенная фотография молоденькой, улыбчивой девочки Анечки Лебедевой, в выглаженной военной форме без нашивок и без наград. А поверху на ватманском листе были выведены школьным библиотекарем Олечкой строки из знаменитой шульженковской песни: «О походах наших, о боях с врагами долго будут люди песни распевать...»

Согласно кивнув зазвучавшим вдруг в душе словам песни, Анна Тимофеевна совсем по-девичьи улыбнулась не столько даже Оле, сколько самой себе, портретной, и, вздохнув, продолжила: «Вспомним, как на Запад шли по Украине. Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать...»

Они – теперь уже вдвоём, молоденькая Оля и пожилая Анна – готовы были допеть душевную песню до конца, да перебил их дуэт вдруг ворвавшийся школьный звонок. Громкий, долгий, залиvistый, зовущий сделать выбор: или идти в школьный класс – или не идти. Анна Тимофеевна привстала. Как когда-то портупею, огладила пояс на платье и, лукаво подмигнув своему двойнику на фото, заправила под волосы наушники.

То ли ей показалось в этот момент, то ли на самом деле та большеглазая девочка с чёрно-белой фотографии точно так же лихо подмигнула ей в ответ: споёмся, Анечка! Иди! Не робей!

**Геннадий
ПЕТРЕНКО**

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

Здесь нет ни светофоров,
ни пешеходных «зебр» –
тут речка, лес, и горы,
и сад, плодами щедр...

Цвирк воробьёв на крыше,
гул ветра в проводах,
да солнышко повыше,
чем в дальних городах.

До ночи не потушен
огонь в родном окне...
Здесь, на земле, – я нужен
в жару, и в дождь, и в стужу.
И люди, встретив: «Друже,
здоров будь!..» – скажут мне.

Ковыль-трава под вольный ветер
на север горбится в поклон
и на серебряном отсвете
колышет линию времён.

И дальние в тумане гоны
стремительных степных коней,
и птиц весенних перезвоны...
То думы Родины моей.

-
- Геннадий Вячеславович Петренко родился в селе Александровка Павловского района Воронежской области. Окончил Павловское педагогическое училище, исторический факультет Воронежского государственного педагогического института. Работал учителем в школе. Публиковался в журнале «Подъём», в районных и областных изданиях. Автор книги «Дом на восьми ветрах».

Да, у сверчка мелодия стара:
туда-сюда тупой пилой в две ноты,
и – с вечера до самого утра –
мотив один, какие там фокстроты!..

Пусть ночью трели лучше соловей
распределит свои на нотном стане...
Ан брат сверчок своё пилить не перестанет:
в природе всё почти как у людей.

Разлилась река не в пору
от ноябрьских дождей.
Ветер к старому забору
гонит листья тополей,

и к земле усталой жмётся
пересохшая трава...
Из-за туч – кусочек солнца
крутит века жернова.

Не сегодня ты призналась:
нелюбовь так нелюбовь.
Два холодных одеяла
не согреют в жилах кровь,

две различных половинки
под единой крышей – врозь.
На окошке – две снежинки...
И один под сердцем гвоздь.

Осерёда – река времён –
тихо тянется ниткой синей,
пополняя могучий Дон
и, частично, моря России.

Разбавляет солёный всплеск
незаметною каплей пресной.
Ослепляющий солнца блеск
самый яркий – лишь в речке местной.

Подойду к её берегам,
окунусь до глубин песочных,
растворяясь под птичий гам
в мыслях чистых и брызгах сочных.

Невпопад сказалось слово,
невпопад.
Рад бы, чтоб назад вернулось,
но – не рад..
Вон оно – бежит-гуляет
вслед за мной,
и смеётся, и качает
шар земной.
Что ж, друзья, вы не грешите –
вам везёт..
Не ведёте «невпопадам»
строгий счёт.

Под чистым небом запах свежих трав,
спокойное подлунное пространство..
Не все мечты сегодняшние – явь,
и завтрашние дни – непостоянство.

Быть может, одолеют комары
и перехватят невесомый воздух..
Не буду ждать плохого до поры,
пока ясны на белом свете звёзды.

Но Бог опять на испытанье
готовит, грешного, меня –
на тридесатое страданье
без сабли, сбруи и коня.

По бездорожному раздолью,
по зову – в темень-стужу-лёд
бреду, в кулак сжимая волю
и всё-то зная наперёд.

Иду туда, где мне не рады,
где полно горюшко обид..
Но от людей не прячу взгляда –
костёр души для всех горит.

Над тихой речкой полная луна
висит у темноты на середине –
колеблет отражение она,
прокладывая путь в зелёной тине.

И лодка отдыхает на мели –
качаясь, убаюкивая душу,
свивая цепью краешек земли
и дикую невызревшую грушу...

Смиренный дух до райского угла
в глубоком сне под шелест очерета
взлетит с луной – она же дальше поплыла,
забрав печали середины лета.

Вот стих летит по Божьей воле
в осенних листьях сентября –
через дорогу... к старой школе...
лёт на страницу букваря.

Через препятствия большие
летел строкой – через судьбу...
Стихи рассыплются в стихии –
а я в них снега нагрёбу.

Из трав сухих копну возвышу,
мечтами к небу поднимусь,
увидев голубя на крыше
и детством сотканную Русь.

И дождь – не разродившийся, вполсилы –
то там, то здесь царапнет по окну,
и дальше тянет тонкие стропила,
и прячется за нежную луну.

И словно не было – но свежестью ночною
взбодрились молодые зелена,
дохнуло наступающей весной
в распахнутую душу, на меня...

И не проспал, и жизнь не торопила
продлить бессонницу до первых петухов.
И напрягалась чувственная жила
для новых, ненаписанных стихов.

Сон прерван вражеской бомбёжкой
с родной когда-то стороны –
живём тревожно и сторожко
на грани мира и войны.

Теперь небезопасна трасса
на белгородской полосе,
и тянет, гонит по Донбассу
беду на тёмном колесе...

За окровавленным закатом
и в маскировочном дыму
мой ученик пошёл солдатом,
и жизнь в бою спасли ему.

Там повзрослев, он стал героем,
едва раненье пережив,
и вновь ушёл на поле боя...
Армеец. Фронтовик. Мужик.

Эх, я б, да я б!.. Сейчас, ребята,
душой и сердцем за своих,
усердней молится за них
учитель русского солдата...

**Валерий
РЫЖЕНКО**

ТИХОЕ СЧАСТЬЕ

Он окинул взглядом лагерь: вышки с автоматчиками, высокий крепкий деревянный забор с колючей проволокой поверху, – перекинул рюкзак за спину и зашагал к железнодорожной станции.

Маленький камушек, попавший под колёса императорской кареты, иногда меняет судьбу всей империи.

А три года назад...

Сказать, что он сошёл с ума, было бы несправедливо. Справедливо то, что окружающее, которое раньше разговаривало с ним, вдруг замолчало, словно онемело. Из него словно вытряхнули всё, чем он раньше жил, наполнив душу пустотой, в которой поселились одиночество и бессмыслица жизни.

Раньше – выходил ли он на овражную улочку, обсаженную струнными тополями; садился ли на порожки под выпаленной акацией; смотрел ли на выскобленные от жары и задыхающиеся в пыльном мареве посадки; скатывался ли на него с полынных бугров лёгкий, завивающийся, вихрастый ветерок; шелестела ли кустистая сирень в затишном палисаднике; доносила ли ему выжженная степь свою грусть и запах полыни, чабреца, мяты – ему не то что казалось, а ощущалось наяву, что он не только чувствует, но и слышит их голоса.

Словом, куда бы он ни выходил, где бы ни шёл и прогуливался, к чему бы ни притрагивались его руки – всё оживало, дышало, разговаривало с ним. Он чувствовал себя не лишним, а причастным к сердцевине жизни, наполненной бесконечностью перемен, но...

Месяц назад заколесила и схлопнулась жизнь. Будто отмахнулась и скрылась за белокаменной, выщербленной, приземистой оградой под гранитным сумрачным памятником и задёрнулась, как думал он, навечно «белой занавеской».

– Вот так... – повторял он, складывая мысли в два слова, которые, вытесняя остальные слова, оставляли в усечённой памяти только: понимаешь, случилось.

Он замолкал, пытаясь гасить щемящее одиночество и удущающую пустоту, и, распадаясь в душе, измельчаясь мыслями, просиживал в свободные дни словно привинченный к истёртым порожкам, с заревого утра до тех пор, пока не затемнялся день.

-
- Валерий Андреевич Рыженко окончил Высшую Краснознамённую школу КГБ при Совете Министров СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Автор около 300 книг различной тематики. Публиковался в журналах «Наш современник», «Новая литература», в «Невском альманахе» и др. Живёт в г. Домодедово Московской области.

А раньше и темнота была светлой.

Так бы и тянулись обмелевшие и сжимающиеся, словно в щель, дни, свинченные немногословием: понимаешь, случилось... И оборвались бы вскоре слепо, если б, придя в очередной раз к белокаменной ограде, он не увидел, как среди камней возле могилки, напряжившись, пробивался зелёный росток, который вырастал на его глазах.

Он долго стоял возле памятника жене, изумлённо, с оживающей душой глядя на зелёный росток, добавляя к словам «понимаешь, случилось» одно слово, которое, как казалось ему, умерло в его памяти: слово «жить».

Вскоре после этого, когда он сидел на лавочке, глядя в сторону кладбища, которое находилось за переездом, возле его дома остановилась женщина, примерно таких же годков, как и он.

– Присесть можно? – спросила она.

Он кивнул. В посёлке все были ему знакомы, а эту женщину, в простеньком ситцевом платице и с тоскливым выражением лица, он видел впервые.

– Устала, – вздохнула она. – Хожу ищу комнатку, чтобы поселиться. Может быть, вы сдадите? Только заплатит сейчас не могу, – заспешила она. – Нет денег. Из-за этого меня и не хотят пускать. Когда устроюсь, заплачу.

– Разве я спрашивал вас о деньгах? – сказал он. – Мест свободных много. Как забрели к нам?

– Не знаю, – она вяло улыбнулась. – Ехала куда глаза глядели. Толкнуло что-то в груди: сходи. Вот и сошла.

– Работы у нас мало, – сказал он, – и вся нелёгкая. Депо, заготзерно.

– Знаю. Что-нибудь найду.

Утром они выехали из дома. Вместе шли до железнодорожного переезда, а потом растекалась дорога на две дорожки. Он направлялся в депо. Она – в заготзерно.

Летними вечерами сидели на лавочке, почти не разговаривая. Мимо проносился скорый поезд с ярко светящимися вагонными окнами. О чём они думали, глядя на свет, который, мелькнув на мгновение, исчезал в темени? Может быть, об одном и том же...

В тот вечер они сидели на кухне за чаем и уже собирались расходиться, как дверь распахнулась, словно от сильного ветра. В проёме показался незнакомый ему мужчина.

– Ага, – злорадно сказал он, – нашёл я тебя, милаха! От меня не скроешься!

Он бухнулся на табурет.

– Собирай шмотки и едем домой. Максимом меня зовут, – бросил он. – Представляешь, – он обратился к нему, – лежу утром, кричу: «Неси похмелья» – а её нет.

– Пил, бил, – вскинулась она, могла и больше сказать, но не хотела уходить в прошлое: жаловаться и плакать. – Да не это выгнало меня. Не люблю я тебя. Вот и уехала куда глаза глядят.

– Баба должна быть в подчинении у мужика. Ты мне хоть и гражданская жена, – Максим стукнул кулаком по столу, – но возвращаться должна! Силой возьму. У меня не кулак, а свинцовая гирия.

– Не отпускай меня, – промолвила она, отвернувшись от Максима и повернувшись к нему.

Он почувствовал, как зачастило сердце от её слов, потому что её слова были точной копией слов его умирающей жены: не отпускай меня.

– Ого! – Лицо Максима растянулось в насмешливой улыбке. – Не отпускай меня. Со мной бодаться – не в речке купаться, – с угрозой бросил он ему. – Навешаю столько, что не унесёшь.

– Заткнись, – сказал он. – Не хочет она ехать с тобой. Что тут неясно? Попей чаю и уходи.

– Так, – процедил Максим, – защитник нашёлся. А ну выйдем во двор! Я тебя малость потрясу.

Через неделю состоялся суд. Прокурор просил семь лет, но адвокат вывернулся: три года. Из обвинительной речи прокурора в его памяти осталось: «Вы человека чуть не убили». Он промолчал, потому что у него было другое представление о человеке.

Она выпросила свидание до отправки его в тюрьму.

– Прости, – сказала она, – из-за меня ты в тюрьму попал. Не появилась бы я в посёлке, жил бы спокойно. На мне вина.

– Ты не виновата, ты должна была появиться. – Он обнял её в первый раз. – Хочешь – уезжай, хочешь – оставайся. Я не хозяин над тобой.

Три года каждое воскресенье посельчане видели её, убирающей могилку его жены. Но никто не догадывался, что она, приходя весной, всегда с изумлением смотрела на новый зелёный росток на месте прежнего.

На четвёртый год их видели вместе.

**Александр
ДИВЕЕВ**

Я ВЕРНУСЬ К ТЕБЕ ПАМЯТЬЮ...

ВЕСЕННЕЕ

Время из снежной кудели
Бабкой прядёт ручейки.
Солнце... сосульки... капли...
Зимушку доят деньки.

Белые шапки сняв, крыши
Почесть весне отдают.
Весело скудную пищу
Птицы на поле клюют.

Им бы на юге логичней
Чутьочку дней подождать.
...Мысли нехитрые птички
Людам легко разгадать.

Тот, кто бывал на чужбине,
Век не забудет о том,
Как из болота кручины
Душу тянул отчий дом.

-
- Александр Алексеевич Дивеев родился в 1951 году в деревне Ундольщино Кистендейского (ныне Ртищевского) района Саратовской области. Окончил Саратовский экономический институт. Составитель и редактор сборников стихов ртищевских авторов «Цветы и пепел» и «Эхо Души» (Саратов). Публиковался в журналах «Волга-XXI век», «Странник» (Саранск), «Новая Немига литературная» (Беларусь), «ДОН новый» (Ростов-на-Дону), «Наш современник» (Москва), «Приокские зори» (Тула), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Сибирь» (Иркутск), «Подъём» (Воронеж), «Александръ» (Тамбов), в альманахах «Стрежень» (Тольятти), «Литературный Саратов», «Песни Серебряного моря» (Симферополь), «Земляки» (Нижний Новгород), на сайте «Российский писатель». Автор поэтических книг «Звезда Антарес», «Планица Души», «На кресте любви», «Журавлиный романс». Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2014», дипломант Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года» (2022) за книгу «Журавлиный романс». Член Союза писателей России. Живёт в г. Ртищево.

ЛЕТО – ОСЕНЬ

Сушат птицы, паря, вёсла крыл.
Даль светла, откровенна, открыта,
Как душа в ожиданье игры
Всей Руси – «Спартака» и «Зенита».

Время как беспристрастный судья
В угасающем мареве света
Показало, ветрами свистя,
Жёлто-красные карточки лету.

ЧИСТИЛЬЩИК

Колодец чистить – это, братцы, вам
Не пиво с рыбкой, не курить, не драться.
И было страшновато мужикам:
Ведь глубина, наверно, метров двадцать.

Зажгли свечу, пристроили в ведро,
К нему верёвку, и – на дно колодца.
«Горит?» – «Горит! Сам убедись, Петро:
Есть кислород, а трос – не оборвётся».

Клюка, протез... подземных вод «пират».
Лопатку, пояс – приготовил на ночь.
«Ты, если что, – сильнее тяни канат, –
Завхоз ему. – Ну, с Богом, Емельяныч».

Махнул рукой: «Да ладно, не впервой...»
Тонул в Днепре. Горел в подбитом танке.
Когда вернулся без ноги домой,
То жил с семьёю в вырытой землянке...

Песок и тина. В мокрой темноте
Журчанье жизни..
Дальше – смена «галса»:
Обмыв работу, потеряв протез,
«Пират» в грязи под дождиком валялся...

Когда судьбы усталый поводырь
Свернул наискосок от брэнной бровки –
В колодец неглубокий, без воды,
Дядь Петю опустили – без страховки...

Пути Господни... Коль среди дорог
Дядь Петю встретить как-нибудь придётся –
Не удивлюсь: его на Землю Бог
Послал почистить душ людских колодцы.

ПАМЯТЬ

Вечер. Нить. Веретено.
Кот. Цветок алоэ.
Клуб. Индийское кино.
Счастливы герои.

Шорох. Тихие шаги.
Ветра тайный шёпот.
Блеск серебряной реки.
Аромат укропа.

Чувств беспечных детский всхлип.
Сердца трепетанье.
Стук в окошко. Двери скрип.
Первое свиданье.

Память. Вид издалека.
На столбе афиша.
Двадцать коп. из кошелька.
Стук в окошко.
Слышишь?

Я ВЕРНУСЬ К ТЕБЕ ПАМЯТЬЮ

Тропка, думы светлые наваяв,
Отпетляв вдоль поля сжатой ржи,
В школу привела меня.
«Дивеев, —
Слышится из класса, — расскажи...»

Неужель ослышался я или
Вновь я школьник? Кровь стучит в виске.
Но всё верно, мой однофамилец,
Из-за парты встав, идёт к доске.

Чётким, содержательным ответом
Он урок нелёгкий изложил..
После выпускного много лет я
Не был в этой школе, но грустил

О её просторных, светлых классах
И об однокашниках своих.
Вот собраться вместе бы хоть раз нам!
Мысли эти мучают ли их?

...Я с тобой надолго, школа, даже
Навсегда, быть может, расстанюсь,
Но к тебе, конечно, не однажды
Памятью своею я вернусь.

ЛЕТО

Всё на свете повторимо:
Стынь сменяется теплом...
На побывку в край родимый
Лето яркое пришло.

Свет и зелень. На картошке
Колорадские жуки.
А грачи галдят истошно,
Как, подвыпив, мужики.

В полдень солнышко – жар-птицей.
И отары облаков
Пьют прогретую водицу
Из пригоршни берегов...

Всё на свете повторимо:
Стынь сменяется теплом...
На побывку в край родимый
Лето яркое пришло.

**Владимир
ГУСЕВ**

ВЕЛИКАЯ УТРАТА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

*Посвящается моему безвременно ушедшему другу,
Горбунову Александру Владимировичу (1963–2022)*

От автора:

Эта повесть о том, как человек может измениться, из злодея превратиться в праведника, из убеждённого грешника – стать если и не безупречным, то вполне благопристойным гражданином, патриотом родной страны, благодаря Промыслу Божьему, прикосновению к Святыне и подлинному, истинному раскаянию.

И хотя в какой-то момент первоначальный чудотворный образ Казанской Божией Матери исчез, мы верим, что он не уничтожен – просто не пришло ещё время его явления.

Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл

22 июля 2016 года

ПРОРОЧЕСТВО

Хорошо летом в Раифском монастыре под Казанью. Птички поют, лёгкий ветер дует с лесного озера, густая чаща приглушённо шумит кронами деревьев. То там, то здесь молодой кустарник потревожит подошедший к монастырю зверь – зайчишка, кабан или волк. Иногда неспешной косолапой походкой пройдёт хозяин здешних лесов – бурый медведь. Одним

-
- Владимир Владимирович Гусев родился в 1968 году в Балашове Саратовской области. С 1986 по 1988 год проходил срочную службу в пограничных войсках. В 1991 году окончил Саратовский экономический институт и поступил в аспирантуру по специальности «Экономика и управление народным хозяйством». Кандидат экономических наук. Работал старшим преподавателем и доцентом Саратовского государственного социально-экономического университета. С 2006 года по настоящее время – доцент кафедры корпоративной экономики Поволжского института управления имени П. А. Столыпина. Публиковался в журнале «Аргмак».

словом, истинно райское место, Благодать Божья. Ранним утром дежурный стучит в монашеские кельи, будит братию и послушников, призывает готовиться к новому трудовому дню. Распорядок в монастыре строгий: молитва, завтрак, опять молитва, труд, трапеза, отдых, труд, молитва, ужин, отдых, отход ко сну. И так каждый день, каждый месяц, каждый год, покуда стоит Земля наша – Матушка. Как в муравейнике или в пчелином улье, каждый следует распорядку, знает свои обязанности, усердно выполняет их, молится или работает, подчиняется монастырскому уставу и отцу-настоятелю. Больших усилий стоит жить так, блюсти себя, воздерживаться от греха, бороться с демонами, страстями и пожеланиями земными, человеческими, всецело подчинять себя Вышнему Богу и Святому Евангелию. Зато того, кто все тяготы преодолевает, нечистые помыслы отгоняет, дух свой в чистоте хранит, со страстями борется, ждёт награда великая на Небесах.

Но не все монахи трудятся физически. Есть особый вид братии – схимонахи или, по-другому, схимники, которые живут в затворе, в тёмной келье или пещере, не видят света белого, размышляют, молятся, читают и пишут при свечах в строгом уединении. Этот труд, труд молитвенный – высшая форма проявления человеческой духовности. И здесь от схимонаха требуются все усилия по сосредоточению в молитве, по моральному напряжению уединённой души. Схимники, как правило, седовласые длиннородые старцы, умудрённые житейским и духовным опытом, которые пришли к затвору добровольно, умерли для этого грешного мира, чтобы через них, через их молитву, спаслись все живущие на Земле. И удостаивает Господь Бог иных старцев даром творить чудеса, исцелять больных людей, укрощать стихию, а иных – даром прозорливости, да так, что знают они, что было, что есть и что будет, и человека, подошедшего к ним, насквозь видят, как лучом света пронизывают, и события грядущие могут узреть, как в ближайшем будущем, так и на много лет, а то, и на много десятилетий вперёд.

И вот, жил в Раифском монастыре под Казанью в начале бурного двадцатого столетия такой старец, и звали его Гавриил.

Отец Гавриил был уже в приличных летах, прожил непростую жизнь и, как и любой праведник, прожил жизнь трудную. Родом он был из Костромы, при рождении его назвали Григорием. Рано лишившись родителей, ушедших в мир вечный от болезни, остался без родственников, братьев и сестёр, одни как перст на белом свете. А куда идти одинокому отроку, сироте, чтобы найти в своей начинающейся, нетвёрдой жизни твёрдую опору? Только в храм или монастырь Божий. Из имущества у отрока Григория при себе была лишь котомка с ношеной одеждой, запасные лапти да небольшая Казанская икона Божией Матери. С большим уважением Григорий относился к Казанской иконе, всем сердцем любил её как величайшую святыню земли русской. Душу эта икона ему согревала, от падений предохраняла, пропитание посылала, в молитве наставляла, была по жизни звездой путеводной. И вот прибился будущий схимонах сперва в Оптиную пустынь¹, к знаменитым Оптиным старцам, а уж потом, по Промыслу Божьему да по благословению духовных наставников, и под Казанью, в Раифском монастыре оказался. Не сразу постриг принял, лет семь в послушниках был, сперва в Оптиной, а потом и в Раифе, исполнял любую

¹ Оптиная пустынь – мужской монастырь близ Козельска Калужской области, Раифский монастырь – мужской монастырь в 30 км севернее Казани.

тяжёлую работу, не гнушался ничем. Священное Писание и весь «Апостол» знал наизусть, мог цитировать целыми главами, за что уже в молодые годы был уважаем братией: и старшими товарищами по монастырскому общежитию, и молодыми послушниками, ровесниками и соратниками.

И случилась в Оптиной пустыни такая история. Понравился молодой стройный послушник Григорий одной богатой барышне, помещице, которая в монастырь на богомолье приезжала. Барышня та была не то чтобы уж очень молода, но в самом расцвете женских сил, лет двадцати восьми-тридцати, хороша собой, стройна, белолица, черноброва, но никак не могла замуж выйти. И так и сяк пыталась, и на картах гадала, и в Святки ворожила, и даже обращалась к знахаркам деревенским за заговорами да приворотами. Случались у барышни и романы, но все её женихи по непонятным причинам исчезали. А тут в монастырь на молитву приехала, понравился паренёк, и всё тут. И давай она в Оптину пустынь заезживать да деньги жертвовать на различные нужды. То на икону новую, то на строительство зданий для общежития, то просто так, в казну монастырскую. Заезжает, молится, а сама всё на послушника Григория поглядывает. Как поравняется с ним, так глазки опустит, вздохнуть да краснеть начинает. Старшие монахи, что в летах да опытом умудрённые, прочитали ту ситуацию. Один из них, отец Макарий, с которым наш герой был дружен, сказал ему:

– Смотри, Григорий, как бы беды не было с барышней этой. А то упадёшь, согрешишь, выгоним мы тебя, опять будешь по белому свету мыкаться.

– Постараюсь не упасть, отче. Слажу, спасусь с Божьей помощью, – таков был ответ послушника.

– Ладно, поживём – увидим. Иди-ка дров поколи, оно всяко лучше будет. Трудись больше. Когда Сатана придёт искушать, главное, чтобы нашёл тебя занятым.

– Хорошо, отче. Я как раз колун наострил.

И вот однажды в погожий весенний день, когда расцветает природа, распускаются листочки на деревьях и соловей волнительно поёт свои трели, подкараулила Григория барышня в укромном уголке да как бросилась ему на шею.

– Гриша, Гриша мой ненаглядный, давай уйдём из монастыря, женишься на мне, разве не видишь, исстрадалась, извелась я вся. У меня земли обширные от папеньки покойного остались, две деревни, пятьсот душ крестьян, парки, аллеи, пруды с лебедями, живи – не хочу. Только суженый мне нужен. Гриша, сиротка мой любимый, давай уйдём из монастыря. Женишься на мне, я тебе детишек нарожаю, будем жить счастливо. Гриша, милый мой, молю тебя – будь со мной!

Григорий весь зарделся, стал красный как варёный рак, мягко отодвинул барышню да и говорит:

– Матушка, прости ты меня Христа ради. Я ведь Богу служить собрался, не нужны мне ни жена, ни дети. Молитва да пост – вот и все желания мои. У каждого ведь свой путь. Братия в Оптиной пустыни меня приютила, согрела, в люди меня вывела. Человеком я здесь сделался, грамоте, Слову Божьему выучился. Неужто мне из-за мирских устремлений суждено потерять всё и быть изгнанным за страсть плотскую?

Барышня не унималась:

– Да дурачок ты, Гриша. Это же радость человеческая, когда люди друг другу нравятся и между ними любовь случается. Я же не в блуд тебя зову, а замуж за тебя хочу. Семью я хочу, рода своего продолжение.

Григорий стоял на своём:

– Не могу, матушка, запрещено нам. В миру, за стенами монастырскими, кого другого поищи. Прости ты меня, не могу я с тобой быть.

Осерчала барышня и говорит Григорию:

– Ну ладно, раз так. Только помани моё слово, послушник, всё равно ты будешь мой! Я такую же обитель, как ваша, выстрою рядом, монастырской братии во вспоможение, но тебя отсюда заберу. У настоятеля тебя выкуплю. Мой будешь.

– Что же я, скот, выкупать-то меня?

– Ничего, крестьян-то мы продаём и покупаем, и тебя куплю. Всё равно не отвертисься.

Сказала так и удалилась.

Вот тогда-то Григорию и приснился первый вещий сон. В глубоком смятении готовился он ко сну, прочитал сорок раз «Отче Наш», Молитву Честному Кресту Господню, «Богородица, Дево, радуйся», «Живый в помощи Вышняго», а душа всё в смятении. Молодость людская спать не даёт, зовёт жить молодой жизнью. Лёг – и заснуть не может, думы греховные в голову лезут. Ворочался, ворочался, перекачивался с боку на бок, к утру и задремал. И снится ему старец, небольшого росточка, худой, седовласый, в чёрной сутане и с посохом, а глаза молодые, с искринкой. От старца в келье монастырской как бы свет неявный. Спрашивает старец:

– Здравствуй, Гриша. Как живёшь ты здесь? В монастыре-то тебе нравится?

– Нравится, отче, только искушения сильные. Бесы нападают и в мыслях, и наяву.

– В мыслях – это знакомо, это я понимаю. А наяву-то как? Неужто бесы к тебе в келью приходят? Приходят они к монахам умудрённым, погружённым в жизнь праведную, а чтобы к послушникам приходили – не слышал я такого. Что, бьют бесы тебя? В драку лезут?

– Нет, не лезут, отче, бесов-то я и не видал ещё толком. А вот барышня молодая, помещица с соседней усадьбы, вот она лезет. Не с дракой, а с ласками. С нежностями всякими. Пахнет от барышни хорошо, да и собой мила. Стройная, глазастая, улыбчивая. У меня после её ухаживаний вся душа в смятении.

– Ну и что же ты теряешься, Гриша? Может, уйдёшь из монастыря на волю вольную, семью заведёшь? Детей с барышней нарожаешь, помещиком станешь важным, сапоги сафьяновые, картуз нарядный, бричка. Будете чаи по утрам гонять с пряниками, с вареньем да хозяйство вести. Пчёл разведёшь, коров, лошадей, по ярмаркам, по столицам будешь ездить...

– Не для того сюда я пришёл, отче. Братия меня, босого да нагого, приняла, обогрела, пищу, кров мне дала, грамоте научила, ремёслам разным, а я так всех подведу, что с барышней сойдуся?! Богу я хочу служить, отче.

Старичок улыбнулся:

– Вот это правильно, Гриша. По душе мне слова твои. Только, выходит, уходить тебе надо. Пока ты здесь, барышня не успокоится. Тайно тебе надо уйти, даже братии ничего не говори, напишешь им потом. У отца-настоятеля благословение возьми да про сон этот расскажи. А иди ты тогда в Казань. Там, под городом, в чаще лесной, на озере, монастырь есть, Раифский называется. Уединённо там, как в скиту таёжном. Даже лягушки там не поют, чтобы монахам не мешать молиться. Сотворили монахи две сотни лет назад молитву, слово сказали заветное – и замолкли лягушки. Вот туда тебе надо.

– Хорошо, отче. А скажи мне, как настоятелю это поведать? Кто ты, отче, что меня научаешь?

– Так и поведай, тайно. Скажи, святой Сергей Радонежский приходил во сне, игумен Земли Русской, покровитель монашества². Пришёл прямо с Лавры своей и благословил в Казань отправиться. Пусть отец-настоятель письмо тебе напишет рекомендательное. Ну, и держись, Гриша, жизнь твоя длинная, сколько ещё искушений впереди...

– Откуда знаешь, что жизнь моя длинная, отец Сергей? Как видишь ты это?

– Поживи, помолись, Гриша, и ты всё увидишь. Как постриг будешь принимать, пусть тебя в Раифе Гавриилом нарекут. Через Архангела Гавриила Благая Весть Матушке нашей Богородице, а потом и всем людям пришла, и через тебя много добрых вестей придёт. Прощай, Гриша. Храни тебя Господь!

Старец осенил юного послушника крестным знаменем и исчез.

Утром послушник Григорий пошёл к отцу-настоятелю, отцу Моисею, и поведал всё как на духу. Настоятель подивился, помолчал и молвил:

– Чудны дела твои, Господи. Но раз так, то так... Два дня тебе на сборы, Григорий, что не окончил здесь – заверши, и поедешь в Казань. Письмо рекомендательное я тебе составлю. Да смотри, братии ни слова, как святой Сергей во сне тебе сказал. Потом с ними свяжешься. А там как Бог управит, может, и не увидишь никого из соратников своих в земной жизни... Потом друзьям своим из Казани напишешь.

Пошёл от настоятеля Григорий, а тот вслед головой покачал и молвил:

– Чудно это всё как-то. Святой Сергей ему во сне является. Вот мне ни разу не являлся, не наставлял, за всю жизнь мою монашескую, а ему показался... Видно, праведник большой из Григория нашего вырастет.

Пошёл напоследок Григорий в Казанский храм Оптиной пустыни, помолился перед Казанской иконой, которую в своё время монастырю помещица Козельского уезда Елена Сабурова пожаловала, и тихо ушёл из монастыря.

Так оказался наш Григорий на великой реке Волге, под Казанью. Постриг в Раифе принял через год с небольшим по прибытии, как и наказано было, с именем Гавриил. Да и жил потом всю жизнь в Раифском монастыре, который стоит в лесной чаще, трудился, молился, устав монастыря соблюдал, всю жизнь от искушений молитвою да постом спасался, с мирянами-посетителями стен монастырских подолгу разговаривал. Жил, в общем, православной верой... Часто вспоминал Оптину пустынь, помещицу красивую, будь она неладна, друзей своих, товарищей по монастырю. Иногда в Оптину письма писал, ответы от братии получал, но с годами всё реже и реже. Всё съездить собирался, но как-то не сложилось. В зрелые лета в схиму облачился. Вот уже на памяти отца Гавриила и крепостное право отменили, и царя-освободителя Александра II на набережной Екатерининского канала в Санкт-Петербурге взорвали, а он всё в монастыре пребывал, в молитвах совершенствовался. Так и прошло добрых пятьдесят лет.

Всеобщим уважением и любовью пользовался отец Гавриил, особенно у мирян и молодых послушников. Подружился он и со многими монахами, и с насельником Ионой, высоким и нескладным русоволосым парнем, который сразу же увидел в старце Гаврииле опытного наставника в духовной жизни. Послушник Иона, выходец из казанских мещан, был юн, но сообразителен, с большим уважением относился к братии монастыря, а уж тем

² Преподобный Сергей Радонежский (1314–1392) – монах, основатель Троице-Сергиевой Лавры под Москвой.

более к старцам-схимникам. Имя «Иона» на иврите означает «голубь», а другое значение имени – «имеющий терпение», и молодой человек, пришедший в монастырь искать себя, полностью своему имени соответствовал. Не спеша, обстоятельно и со знанием дела выполнял Иона самую тяжёлую работу по монастырю, участвовал в монастырских службах, смотрел за лошадьми, отвечал за снабжение монастырской кухни продуктами. Много вопросов задавал старцу Гавриилу о прожитых годах, о духовной жизни, о сочетании мирского и духовного, как прийти к чистоте и спастись через это. Отец Гавриил часто беседовал с послушником, а сам смотрел на Иону и вспоминал себя, молодого, безусого, израненного жизненными невзгодами, ранней потерей родителей, одиночеством и голодом. При этом старец думал:

– Я-то в Оптину пустынь от безысходности пришёл, от голода да сиротства своего спасался, а Иона от живых родителей в наш монастырь пожаловал. Надо же, не перевелись ещё те, кто вступает на путь Божий по заветам восточных отцов-пустынников да великих русских святых. Выдержал бы только, путь-то ведь этот сложный. Самый сложный в мире земном.

И вот под самый закат жизни одарил Господь отца Гавриила даром прозорливости. Стал видеть он людей насквозь, как лучом солнечным просвечивать. Разный народ к нему шёл за советом – и купцы, и мещане, и крестьяне, и даже преподаватели Казанской духовной академии. Придёт к нему человек, заведёт беседу, в грехах решит покаяться, а отец Гавриил уже всё про него знает. Видит все добрые и злые дела его... Спросит человек:

– Что делать, батюшка, дети мои болеют. И у сынка, и у дочки кашель, температура высокая, того и гляди помрут.

А старец ему:

– А ты не блуди с соседкой своей, купчихой такой-то, живи жизнью семейной, шельмец, вот детки твои и поправятся.

Или иной придёт, торговых дел мастер, купчина первой гильдии, спросит:

– Батюшка, у меня груз шёл баржей по Волге, в шторм баржа та попала и потонула. Убытки, кредиторы одолели, грозятся судебным приставам отдать и в долговую яму посадить. Что делать-то, что посоветуешь мне, святой человек?

А Отец Гавриил ему отвечает:

– Год назад, когда у тебя торговля хорошая была, ты обет брал – деньги дать на церковь в Казани, а сам не дал, жадность глаза застлала, вот и получил от Господа. Господь Бог – он долго терпит, но больно бьёт. Вот и ты терпи теперь. Иди к отцу-настоятелю, селись к нам в монастырь на два месяца, работу проси, не бегай от тяжёлых да черновых дел, молись больше, пост держи. А через два месяца вернёшься к делам своим, и всё наладится.

Сколько раз настоятель Раифского монастыря приходил к старцу с увещеваниями:

– Жалуются на тебя, святой отче. Ты бы правду не рубил так сплеча, не отвечал людям грубо, про грехи их молчал бы, не «умывал» просителей. А то к нам люди с благотворительностью едут, а с тобой поговорив, бегут из нашей обители как чёрт от ладана, прости Господи.

А старец ему:

– Никто не свят, только Бог. Отец-настоятель, а ты Евангелие помнишь? Как Господь наш Иисус Христос в Иерусалиме торгующих из храма изгонял, первосвященников и фарисеев обличал, лицемеров стыдил... Ему бы тоже промолчать, а он, видишь, сплеча рубил, на грехи народу, и знатному, и незнатному, указывал. И как здесь быть, в толк не возьму? То ли Евангелию следовать, то ли твоим наставлениям, отец-настоятель?

– А-а-а, не переубедишь тебя. Бесполезно... Надо же, с Господом себя сравнил! А сам упрям как ослица Валаамова³. И на словах давай не лови меня. Грамотен больно. Смотри, выгоню я тебя с обители, другой монастырь искать пойдёшь!

На эти слова старец Гавриил только беззлобно улыбался.

– Отец-настоятель, так Валаам вроде чернокнижник был, а ты – брат мой во Христе. А если уж меня с ослом сравнивать, то лучше буду тем ослом, на котором Христос в Иерусалим въехал.

– Ну тебя, бесполезно говорить с тобой, твердолобым, – замахал руками настоятель и выбежал из кельи старца.

Но прозорливость – только поддела. А настоящее дело то, что стали старца сны посещать по ночам, продолжительные да чудные... Старец ежедневно, ежечасно, ежеминутно молился, и видения стали приходить к нему в ярких снах после ночной молитвы, под утро, так, что не забывались вовсе. То страны привидятся, в которых и не был никогда, люди чернявые да узкоглазые, одетые не по-нашему; события, то далёкие и близкие, но прошлые, а то и те происшествия, которых и в жизни-то пока не было... То походы причудятся торговые, обозы, караваны, то паровозы, бегущие по дорогам железным, то войны, сражения, стрельба, свист пуль, разрывы снарядов, падающие от ранений люди, сухопутные и морские баталии... То города большие, дома высокие, выше любой водонапорной башни или колокольни, безлошадные повозки, по дорогам едущие вместо конных экипажей. А людей, людей – что муравьёв в муравейнике. Чудно, в общем... И за это, за сны, о которых отец Гавриил иногда говорил, но всё больше помалкивал, и за прозорливость стали считать старца чудаком, навроде юродивого.

Век девятнадцатый уже к концу подошёл, и уже следующий царь-батюшка, Александр III, преставился, отошёл в мир иной, сынок его на трон взошёл, царь Николай II. Вот уже и двадцатый век наступил. А старец всё жил да жил себе потихоньку, трудился, молился, восходил к Небу в жизни духовной...

И вот в одну летнюю ночь приснился ему долгий и страшный сон. Сперва как бы море синее, бескрайнее, которое старец в жизни своей и не видел никогда, корабли в том море сошлись в битве, одни с андреевскими флагами, на других красное солнце нарисовано. Залпы корабельные, свист снарядов, шипение вод морских. И те корабли, на которых солнце, потопили те, что под флагами андреевскими. Разбили в пух и прах. Потом площадь Дворцовая, много народу столпилось, мужики, бабы, детки малые, с иконами, с хоругвями. Идут люди ко дворцу, молитвы поют, а вдалеке солдаты шеренгами стоят. И вдруг начали те солдаты в толпу стрелять, народ врассыпную, визг, вой, паника, подавили люди друг друга, да и поубивало многих. А потом баррикады на улицах, рабочие с ружьями, какие без ружей – с булыжниками, с арматурой, конные казаки, опять пальба, шашки наголо, рубят казаки рабочих, а те в них стреляют. А в окончание того сна – люди в кожаных куртках, за ними солдаты в шинелях, с красными бантами и повязками, в городе большом врываются в женский монастырь. Всех монашек, служек и прихожан выталкивают взащей, штыками колют, прикладами бьют, иконы срывают с мест. А один, особо рьяный, в кожаной куртке, в брюках-галифе и сапогах, с пистолетом на боку, небольшую икону из оклада вытряхивает, да как даст её о коленку свою, да так, что и раско-

³ Ослица Валаамова (нарицательное) – упрямый человек.

лолась, рассыпалась икона на мелкие части, а вроде как это – икона Богородицы «Казанская», что в Богородицком монастыре хранится...

Как после горячего бреда проснулся отец Гавриил, дрожь, лихорадка била его после увиденного. И призадумался крепко старец: что за сон такой странный? К чему всё это?

Вышел из кельи, пошёл на утреннюю службу. Потом воротился в келью, опять молился, читал, размышлял. Посетители пришли, кто за благословением, кто на исповедь, кто из-за дел сердечных. Так день и прошёл, и настала следующая ночь, которую старец Гавриил поджидал с опаской. Долго не спалось ему, а как задремал, причём сидя, явился во сне ему святой Сергей.

– Ну, здравствуй, Гриша. Давно мы с тобой не виделись. Молодец, что завет мой выполнил и сюда пришёл. Как живёшь-то?

– Здравствуй и ты, святой Отче Сергей. Не живу, доживаю век свой. Давно ты не приходил ко мне, почитай, пятьдесят годков минуло. Да и не Гриша я теперь, а отец Гавриил.

– Знаю, знаю, с каким именем постриг принял. Сам же тебе имя посоветовал. О другом пришёл сейчас поговорить с тобой. Видел ты тот сон, который Господь показал тебе прошлой ночью?

– Видел, Отче Сергей. В смятении большом душа моя. Всё думаю: что означает это видение?

– Вот и пришёл я растолковать тебе, что сон твой значит. Битва морская будет на восточных рубежах, война будет большая с Японией, флот русский японцы потопят, лишат всех кораблей военных державу нашу. Да и на суше, в китайской стороне, в Маньчжурских сопках японцы много русского люда положат. Ещё площадь ты видел, где людей постреляли – власть народ разгонит да поубивает в Петербурге. Люди с прошением к Государю придут, о помощи да послаблениях, а начальники царские солдатам стрелять велют. Много народу погибнет. «Кровавым воскресеньем»⁴ ту бойню назовут. Из-за этого революции будут в России, да не одна, а целых три. Брат на брата пойдёт, отец на сына, война будет, сперва мировая, с немцами да австрияками, потом гражданская, между своими, голод, разруха.

Царя свергнут и убьют со всей семьёй на Урале, в городе Екатерины Святой. Иноземные на Русь Святую найдут, англичане на севере, германцы и французы на юге, японцы и американцы на востоке. А новая власть, что их в России одолеет да выгонит всех, будет сильная, но богоборческая. Солдаты с матросами красные банты нацепят, разорять церкви и монастыри будут, золотые да серебряные оклады снимать, а иконы святые уничтожать. Красная звезда придёт на смену Кресту православному. Вот что станется в будущем. А как начальник безбожный икону Казанскую разбил, ты видел? Как икона разлетелась, рассыпалась на мелкие части? Это Господь показал тебе, что икону Божией Матери «Казанская», святыню нашу, уничтожить могут.

– Да, дела... А что сделать надо, Отче Сергей? Скажи мне, как предотвратить всё это?

– Не предотвратишь, Гриша. Грешный народ наш стал, начальники алчные людей обижают, сами в роскоши купаются, жадностью своей да мздоимством яму себе роют. В шелка одеваются, бриллианты покупают, с золота едят и пьют, когда людям есть нечего. А простой народ от веры отходит да озлобляется, мужики в городах да деревнях хитрят, навроде смеют-

⁴ Кровавое воскресенье, 9 января 1905 года, – расстрел мирного шествия рабочих в Санкт-Петербурге, при котором погибло более ста человек.

ся, а по ночам топоры на власть точат. Ничего не сделаешь тут. Беды идут на страну нашу. Грядёт царство топора.

– А Казанскую икону Божией Матери как спасти?

– Вот икону спасти можно. Схоронить её надо, убрать из монастыря казанского, где она сейчас пребывает, и спрятать от лихолетья, от войн да смуты, чтобы не уничтожили её. А там уж – как сложится, Гриша, как Господь управит. Пусть икона будет пребывать втайне, лишь бы цела была, лишь бы не погубили её. Как в годы обретения иконы, в Ханстве Казанском. Те христиане, которые в недра земляные её прятали, тоже боялись, что уничтожат её иноверцы. А потом святыня всё одно – объявится. Найдётся по Промыслу Божьему. Во второй раз икону Казанскую обретут, когда народ к этому чуду готов будет. А сейчас в России она должна остаться, но укрытой от святотатцев. Постарайся, Гриша, подумай, как всё это сделать. Архиеерею в Казань отпиши письмо подробное.

– Подумаю. В Казань напишу. Но, по-хорошему, сам-то я стар уже, Отче Сергей, такими делами заниматься. Мне, может, жить-то осталось – шиш да маленько. Тут кто помоложе нужен, чтобы дело это провернуть. Чтобы архиеерею в Казани убедить икону спрятать. Действия какие-то по этому случаю предпринять.

– Да, прав ты, здесь помоложе, пошустрее кто нужен, а может, и не один. Смелый должен быть человек, рискованный и верный. Верных людей ищи, Гриша, надёжных людей. Ищи для дела нашего, тебе Богом открытого.

С этими словами преподобный Сергей Радонежский исчез, растворился в утренней дымке.

ЗНАКОМСТВО

Да, тут было о чём подумать. В кои-то веки ранним утром, с первыми солнечными лучами, ошеломлённый старец Гавриил вышел из кельи и пошёл по монастырю. Как раз на монастырском дворе юный насельник Иона, будучи дежурным, выполнял послушание – огромной метлой подметал территорию монастыря.

– Иона, мой юный друг, ну-ка, поди-ка сюда. Поговорить с тобой хочу, – начал разговор Гавриил.

– Да, отче, только недолго, а то работа у меня.

– Да, да, да... Присаживайся рядом, не робей. Скажи, Иона, кого знаешь ты по прежней своей жизни в Казани?

– Да много кого знаю, отче. У родителей моих знакомств много. И купцов знаю, и чиновный люд, и рыбаков с Волги, и мастеровых. А что нужно-то?

– А вот лихих людей у тебя в знакомых нет? Воров-домушников или разбойников каких? Или молодых особ женского пола, авантюрного склада по характеру?

Иона смутился, подумал: точно «спятил» старец, но продолжил:

– Нет, отче, таких лиц в знакомых я не имею. Да и путаться с ними не стал бы.

– Да, хорошо, что нет знакомых у тебя таких. А вот людей, шибко верующих, в Казани знаешь? Да таких, чтобы и на каторгу, и на плаху за веру христианскую пошли, чтобы претерпеть за Христа были готовы?

– Не знаю, отец Гавриил. Вроде как за веру сейчас не жгут на кострах. И головы не рубят. Как можно в нашей православной стране за веру пострадать? Государь Николай Второй – отец церкви нашей.

– Да, друг Иона, правильно говоришь ты. Только Отец Церкви – Господь Бог. Ну, да ладно...

– Хотя погоди, отче Гавриил. Знаю я такого человека. Купчиха одна в Казани есть. Аграфена Хрисанфовна Шамова⁵. Несмотря на то, что молодая она ещё, лет сорок с небольшим ей, но суровая. Жена Якова Филипповича Шамова – крупного хлеботорговца. Скажет как отрежет. Слово своё купеческое держит намертво. Закваска, видно, у неё твёрдая. Из староверов она... Суровая, но справедливая, жалеет людей. Хвалит её челядь, приближённые её. Справедливой барыней называет. Платит всем исправно, никого в деньгах не обижает, с охотой к ней служить идут. Ну, а за провинности выгоняет на раз-два, все знают, что лучше не злить её. Уж она-то со связями, и правые, и неправые в её окружении имеются, со всеми дружит, начиная с полицмейстера или городского головы и заканчивая опасными людьми. Может, вам с ней знакомство свести?

– Хорошо, Иона. Староверы – люди надёжные, хоть и другого обряда придерживаются. Очень хорошо. Тогда сведи нас, попробуй... А когда ты теперь в город-то поедешь?

– Отец-настоятель сказал, завтра надо ехать за продуктами для братии. Часть продуктов у неё закупаем: солёную рыбу, муку, крупы всякие.

«Как кстати», – подумал старец и продолжил:

– Ну, вот и найди её. Скажи ей: старец Гавриил в Раифский монастырь зовёт для разговора важного. Но не сказывай об этом никому, ни единой душе. Ни друзьям, ни соратникам по монастырю, ни даже отцу-настоятелю. Понял, Иона?

– Хорошо, отче, только ей и передам, никому более. Благослови на добрые дела, отче.

– Бог благословит. Жду от тебя новостей, Иона. Как с купчихой переговоришь, то в келью стукни, сообщи мне. Пойду к себе я, дальше буду о жизни размышлять.

Старец не знал, что Иона под утро подслушал его разговор с преподобным Сергием, когда прохаживался по коридорам братского общежития... Только святого Сергея Иона не видел и слов его не слышал, а видел неяркий свет в келье и как старец Гавриил разговаривал с кем-то, бурно размахивал руками перед пустотой. Фраза запомнилась: «А Казанскую икону Божией Матери как спасти»? Значит, речь идёт о той иконе, которая в монастыре Богородицком в Казани пребывает? Что же ей может угрожать? Ведь под доглядом она у монахинь, у сестёр во Христе. Тут послушник подумал: «Чудны дела твои, Господи. Что же отец Гавриил там мог увидеть, в ночном бдении, в размышлениях своих? Наверное, действительно помешался мой наставник, от молитвы напряжённой умом повредился».

На следующее утро, ещё затемно, послушник Иона взял в монастырской казне деньги, запряг старую монастырскую лошадейку и отправился в Казань за продуктами. Первым делом заехал на рынок, купил картошки, капусты, свёклы, растительного масла. Потом поехал в контору к купчихе, на улицу Вознесенскую. Контора располагалась в отдельном особняке и стояла рядом с каменным жилым домом красного кирпича, где прожива-

⁵ Шамова Аграфена Хрисанфовна – казанская купчиха и меценат из староверов, жена купца и благотворителя Якова Филипповича Шамова.

ло семейство Шамовых, там же были и большие склады в подвальных помещениях. Вход в дом преграждали мощные кованые ворота в полтора человеческого роста. Яков Филиппович с женой жили в левой части корпуса дома, а вся правая его половина была определена под торговые помещения, амбары и подсобки.

Дородная, русоволосая, с открытыми, но немного тяжёлыми чертами лица, за которыми скрывались властность характера и твёрдый нрав, с ироничным взглядом и лёгким прищуром, купчиха Шамова в конторе приветственно, с улыбкой встретила монастырского послушника:

- Здравствуй, мой друг Иона. Как живёшь-поживаешь?
- Вашими молитвами, Аграфена Хрисанфовна.
- Как в монастыре-то дела? Как, устав монастырский строгий?

– Дела хорошо. И устав строгий, матушка. Чуть что не так – и сразу послушание новое, в основном работы тяжёлые по монастырю.

– Что же ты себе путь-то такой трудный выбрал, Иона? В юные лета – и в монахи. Жизни-то не видел ещё, за девками-то и не ухаживал толком. А то смотри, надумаешь из Раифы уйти, я тебя в приказчики возьму. Хорошо будешь жить. Жалование тебе дам приличное, дом помогу купить. Женим с Яковом Филипповичем тебя на девушке хорошей.

– Спасибо, Аграфена Хрисанфовна. Пока сам справляюсь, а уж если чем в монастыре провинюсь или в душе желание пройдёт постриг принять, тогда к вам приду.

Чуть помолчав, Иона продолжил:

– Дело к вам, матушка Аграфена Хрисанфовна. У нас в Раифе уважаемый старец есть, отец Гавриил. Не только уважаемый он, но и прозорливый. Много знает и о людях, и о прошлом, и о будущем. Он вас приехать к нему просит. Говорит – есть дело важное к вам.

– Меня? А откуда он меня знает?

Иона изобразил растерянную гримасу:

– Я сам ему о вас рассказал.

– Да ты что, Иона? Что мне к попу никонианскому идти? Одно дело – с монастырём торговать, а другое – на поклон ехать. Зачем это нужно? Мы же с мужем старой веры придерживаемся. Двух перстов.

– Надо, матушка. Очень надо. Я же говорю: дело у него к вам весьма важное.

– А что за дело?

– Я точно не знаю, матушка. Но немного слышал, вернее, подслушал, что дело касается Казанской иконы Божией Матери. Угрожает Иконе что-то, а что – не знаю. Старец сам вам всё расскажет.

Купчиха заинтересованно прищурилась:

– А что за старец? Поподробнее о нём расскажи.

Иона не торопясь поведал Шамовой всё, что знал про отца Гавриила, и про детство, и про Оптину пустынь, и про жизнь в Раифском монастыре, про уважение братии и настоятеля к старцу. Купчиха немного помолчала и молвила:

– Ладно, Иона. Судя по рассказу твоему, старец ваш – человек достойный и многоопытный. Тогда приеду я к нему. Завтра торговая сделка у меня, бумаги надо будет подписывать, а послезавтра к обеду ждите. После службы утренней. Да чтобы я не бегала там, не искала старца вашего, встретить ты сам меня в монастыре. В полдень.

– Хорошо, матушка, буду ждать. И старцу всё передам. Спасибо за понимание, Аграфена Хрисанфовна. Пора мне, братия продукты ждёт. Поехал я.

– Бог в помощь, Иона. До встречи.

Призадумалась купчиха Аграфена Хрисанфовна. Она верила в легенду о том, что обретенная до раскола икона Казанской Божией Матери должна быть в распоряжении не никонианской церкви, поставленной на Руси после Раскола царём Алексеем Михайловичем, а старообрядческой церкви, икона должна вернуться к представителям истинной, «дораскольской» веры. Ходило такое предание среди старообрядцев, а откуда оно пошло и кто его поддерживал – один Господь знает. Деятельность старообрядческой церкви в царской России была под строжайшим запретом, раскольники даже преследовались властью за открытое исповедование своей веры, но среди них ходил слух, что якобы было предсказано: если Казанская икона вернётся к старообрядцам, то деятельность старообрядческой церкви в России опять будет разрешена.

Третьего дня, как и обещала, купчиха Шамова выехала пораньше в Раифский монастырь. До Раифы было примерно тридцать вёрст. Мужу Якову Филипповичу она сказала, что поедет в монастырь к отцу-настоятелю обсудить поставки муки и крупы в осень. Муж, крупный, улыбочивый мужчина с аккуратной бородкой, сильно любивший свою жену, ответил:

– Что же, жёнушка, дело нужное, поезжай. Да не задерживайся там допоздна, чтобы я не волновался.

Лошадь шла неспешно, лёгкой рысью. К обеду бричка купчихи была у монастыря. Рядом с бричкой уже разговаривал с кучером, уже суетился Иона, который сказал настоятелю, что купчиха Шамова приедет к отцу Гавриилу исповедаться. Настоятель, отец Вениамин, удивился:

– Странное дело, конечно. Раскольница – и на исповедь к нам, в монастырь? К старцу Гавриилу? Ну ладно, раз так. Человек ведь нам нужный, о пропитании нашем заботится. Неисповедимы пути Господни.

Иона было повёл Шамову в келью, но старец Гавриил, на удивление, встретил их на улице, рядом с общежитием, и сказал купчихе:

– Пойдём-ка, матушка, на воздух, у озера посидим на лавочке. Лепота там, птички поют. Да и денёк сегодня погожий. Солнышко вон как радуется, на воде играет бликами. Ветерок тёплый дует. Благодать!

– Хорошо, отче, пойдём побеседуем.

Не спеша купчиха и старец вышли из монастырского общежития и пошли к воде. Не спеша, глядя на озёрную воду, которую рябили порывы слабого летнего ветерка, отец Гавриил поведал Шамовой о своих видениях. Внимательно слушала его купчиха, потом какое-то время помолчала. Негромко спросила:

– Что от меня нужно, отче Гавриил? Что же мне – украсть икону?

– Так и не знаю я, как сказать. Украсть? Так восьмую заповедь Закона Божьего – «не укради» – никто не отменял. Поэтому красть не надо. Святой Сергей сказал – надо спрятать, схоронить икону, чтобы богоборцы её не порушили. Выкупи у монастыря икону, Аграфена Хрисанфовна. Я вот рассказал тебе всё, дорогая Аграфена Хрисанфовна, потому что не знаю, как защитить икону от порчи да гибели. Архиерею прошение подай в Казани, может, послушает он. Подходи к Архиерею, к властям поищи. Есть у тебя, Аграфена Хрисанфовна, знакомства такие?

– Знакомства? Что же, знакомства поищем. Что связями своими не сделаем – там деньги помогут. Казанская икона у нас, староверов, весьма уважаемая. Ведь на ней Младенец Христос двумя перстами крестное знамение показывает. За два перста наши праотцы на костры царские шли. Но, отче,

а почему спасти надо именно Казанскую икону? У вас же здесь своя святая икона имеется, Грузинская?⁶

– Да, матушка, икона имеется. Но икона иконе – рознь. Грузинская икона Божией Матери – важная святыня, братией, народом почитаемая, но Казанская святыня – звезда России путеводная. В лихую годину сколько раз она Русь спасала. Про Казанскую икону Господь видение мне показал, а не про Грузинскую. Иди, матушка, ищи верных людей, союзников, чтобы икону спасти.

– Ладно, отче Гавриил, буду думать. Мужу-то сказать об этом разговоре?

– Лучше не говори. Ежели что не так пойдёт – соучастником событий его сделаешь? Под судебных приставов подведёшь. Лучше, матушка, если сомнения будут какие, – сюда, в Раифу, ко мне приезжай, я и присоветую тебе, что делать надо. А так – оставайся до утра, Аграфена Хрисанфовна, в гостинице, у нас переночуешь, а завтра утром исповедую тебя, причастие Святое примешь.

– Да нет, отче Гавриил. Свои у нас обряды и свои священники. Всё ваш патриарх Никон проклятый⁷, не жилось ему по старому уставу, по заветам Стоглавого Собора царя Ивана Васильевича.

– Не мне судить об этом, о делах раскольных, матушка, триста годков почти прошло. Я вот в молодые годы в Оптиной пустыни подвизался, там хоть и новый устав, порядки никонианские, а вера твёрдая, как у праотцов. Старцы там были – не чета мне, грешному. Отцы Макарий, Моисей, Антоний, Амвросий Оптинские. Великие подвижники земли Русской. Только вот всё равно написанного Промыслом Божиим никому не избежать: ни стару, ни младу, ни прежним обрядам, ни новым, ни раскольникам, ни никонианам. Раз поднимется смута великая, то по всем огненный вихрь пройдёт, всех уравниет. И хороших, и плохих. Думай, думай, матушка, о том думай, как дело сделать, Богом поведенное.

– Хорошо, отче, буду думать. Поеду я. Если трудно будет, совет нужен будет мудрый, жди меня в гости.

– Хорошо, езжай с Богом.

Отец Гавриил осенил купчиху крестным знаменем.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Прошло время, почти полгода, с тех пор, как купчиха Шамова съездила в монастырь. Слова старца прочно засели, прямо впечатались у неё в голове. Дела торговые шли в гору, деньги прибывали, рублик к рублику, сотня к сотне, тысяча к тысяче, капиталы росли, поэтому задуманное дело можно было начинать. Только как начинать-то, с какой стороны к делу подойти? Вот ведь в чём загвоздка.

Собравшись с духом, Аграфена Хрисанфовна написала письмо архиепископу Димитрию Ковальницкому, недавно назначенному на Казанскую кафедру. Так, мол, и так, я, жена купца первой гильдии Якова Филипповича Шамова, раба Божья Аграфена, желаю выкупить у Русской Православной Церкви Казанскую икону Божией Матери и прошу вас об этом ходатайствовать перед Святейшим Синодом. Причину подобного желания купчиха не указала, однако приписала, что икона будет выкуплена за любую

⁶ Грузинская икона Божией Матери – чудотворная икона, хранится в Раифском монастыре.

⁷ Патриарх Никон (1605–1681) – патриарх Московский и всея Руси, при котором в Русской Православной Церкви произошёл раскол в 1650-е годы.

цену, назначенную Казанской Епархией. На подобное письмо никто не ответил, только секретарь архиепископа, докладывая о письме Владыке, повертел пальцем у виска. Понятное дело, что всерьёз просьбу Аграфены Хрисанфовны никто не воспринял, мало ли по России-матушке таких странных просьб направляется к действующей власти. Вскоре архиепископу пришло письмо и из Раифского монастыря, от старца Гавриила, в котором тот указывал, что следует скрыть икону от поклонения верующих, так как ей в будущем угрожает опасность. Прочитав письмо старца, архиепископ Димитрий расспросил секретаря о личности отца Гавриила, мол, кто таков?

– Да так, полусумасшедший старик, – ответил ему секретарь, – он в монастыре своём навроде юридивого, говорят, будущее предсказывает, судьбы людские видит наперёд. Откуда он взял, что иконе – покровительнице царствующего Дома Романовых, что-то угрожает? Может, почудилось ему что?

– Да, прорицателей нам здесь только не хватало. Так и до ведунов дойдём. В печку письмо его, сжечь! Отпишите старцу, пусть молится за сохранность иконы, но убирать мы её из монастыря не будем. Народу российский му в бедах да лишениях Божья помощь нужна. Пусть отец Гавриил лучше за собой смотрит, за грехами своими. И на словах настоятелю передайте: если не угомонится старец, выгнать его из Раифского монастыря! Мы тогда в Сибирь его отправим, в Томск или Тобольск, пусть там народ смущает видениями своими, – таков был ответ архиепископа Димитрия.

Поэтому переписка с церковной властью толку никакого не дала. Больше того, дошёл слух и до супруга купчихи, Якова Филипповича, мол, жена его деятельность проявляет там, где не надо. По этому поводу в доме Шамовых состоялся долгий разговор, в котором Яков Филиппович сердечно просил Аграфену Хрисанфовну не привлекать к себе внимание излишним желанием заполучить Казанскую икону. Купчиха уклончиво ответила мужу и пообещала впредь вести себя осмотрительнее.

Но не такова была Аграфена Хрисанфовна, чтобы так легко отступить от задуманного. Правильно сказал о ней послушник Иона – твёрдая закваска была у Шамовой.

– Раз не получается по-хорошему, то остаётся только по-плохому. Не получается выкупить – остаётся выкрасть, – так думала купчиха.

Для исполнения задуманного Аграфене Хрисанфовне надо было найти лихих людей, смелых и отчаянных, чтобы не побоялись ни на кражу, ни в тюрьму пойти, если что не так окажется. Чтобы языком не трепали и не выдали властям. Люди местные должны быть, знакомые с порядками казанскими, знающие город, церковную деятельность и работу полиции. Люди нужны смелые, лихие люди.

У Шамовых всё хозяйство вёл приказчик Прохор Петрович Обухов. Прощка. Средних лет, крепкий мужичок, ловкий, подвижный, жилистый, весь как на шарнирах. В молодости Прощка был мастер выпить и подраться, весь в шрамах, как бойцовский кобель, весь меченый... Рубец косой через левую щеку. Наверное, в молодости лихой был разбойник, но в годы зрелые остепенился. Про свои молодые годы Прощка всё больше помалкивал, отшучивался. Говорил, на войне был с османами, братьев-болгар на Балканах из ига турецкого спасал. В рукопашной схватке с янычаром шрам заработал. Только вот замашки у него были не военные, а разбойничьи больше. Дела Прощка вёл ловко, всё у него горело в руках. Аграфена Хрисанфовна немного подозревала, что Прощка у них с мужем подворовывал, однако проводимые в хозяйстве ревизии недостачи не выявляли, если приказчик и имел что-

то помимо жалованья, если он что-то и подворовывал, то делал это очень искусно и в меру. А огульно Шамовы обвинять его не могли, это грех. Как-то утром Аграфена Хрисанфовна подумала: «Пора» – и подозвала к себе приказчика:

– Прохор, поди-ка ко мне, дело у меня к тебе важное. Какой знатный шрам у тебя на щеке. Откуда?

– Матушка Аграфена Хрисанфовна, говорил же я тебе уже – с войны. С османом в рукопашной сцепился – вот он меня по щеке и полоснул.

– Ой ли, с османом? Или с бандитом в малине какой?

– Говорю же, с османом. В болгарских землях.

– А кто кого одолел-то, Проша?

– Я и одолел, иначе перед тобой бы не стоял.

– Ну ладно, поверю. А что, Проша, лихие людишки у тебя в знакомцах имеются? Здесь, в Казани?

– Лихие людишки? Подумать надо... А тебе зачем, матушка Аграфена Хрисанфовна?

– Зачем, Проша, – не твоего ума дело. Ты скажи – имеются или нет? Если сведёшь нас – червонец получишь от меня золотой. А нет – я кого другого поищу.

– Червонец – это хорошо. А лучше – два. Ладно, поищем, матушка. – Прохор недобро улыбнулся. – Поищем такого человека..

– Поищи, поищи, Проша. Неделю срок тебе. А червонца хватит и одного, жалование мы тебе исправно платим. Ступай, Проша. В курсе меня держи.

Готового лихого человека у Прохора «в обойме» не было, все бывшие дружки да подельники не дожили до зрелых лет. В этом особенность разбойничьего ремесла – опасные дела в любое время могут выйти боком, и окажешься вмиг или в каторжной тюрьме, или у подельников на ноже. Поэтому вовремя надо заканчивать с разбоем да воровством: удалось что-то украсть, «заработать» лихим промыслом – завязывай с этим делом, пока не поймали тебя. Подольше проживёшь. Но купчиха – человек серьёзный, внимательным надо было быть к просьбам её, да и угодить хотелось, хозяйка как-никак... Поэтому Прохор первым делом в ближайший вечер отправился в питейное заведение «БегемотЪ», расположенное в Казанском Гостином дворе, недалеко от Кремля, посмотреть на людей, послушать, что говорят, что на свете белом творится, узнать последние новости из жизни городской власти да воровского мира.

Кабак «БегемотЪ» был демократичным заведением, с неплохой мясной кухней, креветками и цыплятами табака, и публика здесь собиралась всяма и всяма разношёрстная: чиновный люд, мелкие конторские служащие, небогатые купцы и промышленники, мечтающие о пополнении казны, студенты, молодые барышни в поисках приключений, цыгане и, конечно же, представители криминального мира. Трактирные слуги в кабаке были здоровые и рослые, с пудовыми кулаками, что было очень кстати, так как нередко на выходе из «Бегемота» вспыхивали драки между пьяными посетителями. Впрочем, до откровенного криминала, поножовщины или стрельбы доходило очень редко, если и случались происшествия, то больше связанные с кражами денег у подвыпивших людей. Вот сюда и пришёл Прохор по заданию Аграфены Хрисанфовны.

В заведении было немногочисленно. Знакомый молодой официант Петька кивнул приказчику:

– Проходи, проходи, Прохор Петрович. Давно не виделись.

– Да, давненько я к вам не зааживал. Как дела, Петенька? Расскажи мне, как торговля? Процветаете?

– По нынешним временам процветать трудно. А так – выпивает народ потихоньку, всё купцы да заводовладельцы больше. Как говорится, питание есть бытие. А со студентов полуголодных какой толк? Или с иной голытьбы? Что изволите-с, Прохор Петрович?

– Дай-ка мне водочки небольшой графинчик, да пусть мясо в горшке с картошкой приготовят. А что, Петенька, есть ли новые люди какие интересные? Чтобы отчаянное дело можно было предложить?

– Ты же знаешь, Прохор Петрович, я дел лихих сторонюсь, бегаю от них как от чумы. А зачем тебе такие люди?

– Зачем – это моё дело. А если так тебя попросить, – Прохор положил перед трактирщиком серебряный рубль.

– А если так, – ответил трактирщик, ловким движением снимая рубль со стойки, – то вот человек сидит в уголке, не очень давно, с полгода назад, как появился, пьёт в меру, молчит всё больше, людей слушает. Пьёт – и не пьянеет... Я ни разу «на бровях» его не видел. А говорят о нём потихоньку, что он знатный домушник, лихой человек. Говорят, жене у него в Казани уж больно нравится, вот он сюда и приехал, с ней да дочерью на побывку. Спокойный, не жадный, чаевые даёт хорошие. Зовут его Фёдором, Фёдор Чайкин...

Прохор Петрович недоверчиво посмотрел на посетителя и уточнил:

– А он того – не архаровец?⁸

– Нет, Прохор Петрович, не архаровец. Тех сразу видно, по взгляду цепкому да по вопросам каверзным. Архаровца я тебе рекомендовать не стал бы. Воровской масти человек, наш.

Прохор рассмеялся:

– Я смотрю, ты, Петенька, себя тоже к воровскому миру причисляешь?

– Не смейся надо мной, Прохор Петрович. Как-никак мне от лихих людей дохода больше, чем от полицейского управления. Да и люди среди воров приятнее, чем среди урядников и околоточных⁹.

– Да, это уж точно. С урядниками общаться – прямой путь на нары. Ну ладно, раз так... Давай графин и две рюмки, а горшочек с мясом прине-сёшь за стол. Пойду знакомиться.

С этими словами Прохор отправился в тот угол, где за столиком один сидел Фёдор Чайкин и неспешно потягивал пиво.

– У вас свободно?

Чайкин вальяжно ответил:

– Ну, садись, раз пришёл.

Прохор заулыбался, засуетился, стараясь расположить к себе собеседника:

– Вот, вот, вот, сразу хорошего человека видно! Разрешите представиться: Прохор Петрович Обухов, приказчик, у казанских купцов служу. Тогда, сударь, позвольте вас угостить.

⁸ Архаровец (жарг.) – полицейский агент, подчинённый обер-полицмейстера Москвы Николая Петровича Архарова (1740–1814), который прославился недозволенными, незаконными методами ведения уголовных дел.

⁹ Урядники и околоточные – младшие чины в царской полиции.

– Тогда и я представляюсь: Фёдор Иванович Чайкин, коммерсант. Давай сразу на «ты», Прохор Петрович.

– Давай. А что же это у тебя, Фёдор, за коммерция такая? Чем торгуешь?

– Да так, товаром разным. Тканями с ивановских мануфактур, посудой из Малороссии, солью астраханской, зерном, рыбой. Винокурня собственная в Крыму имеется. Что выгодно, то и продаю.

– А в Казань с чем приехал?

– А я сейчас как вроде в отпуске. Жена у меня уж больно Казань любит, вот с ней и с дочкой приехал. Осматриваемся здесь. А ты что пытаешь меня, Прохор Петров? Какой интерес у тебя ко мне?

С последним вопросом острые, колющие глаза Чайкина неприятно прищурились. «Да уж, спокойный. С таким-то «смирным» аккуратнее надо быть», – подумал Прохор и, не отводя глаз, миролюбиво продолжил:

– Да, особого интереса и нет... Вот выпить с хорошим человеком хочу, только и всего.

– Ну ладно, раз так. Тогда давай выпьем за знакомство. Ух, хороша анисовая! – Опрокинув в рот рюмку с водкой, Чайкин мотнул головой, как от небольшого удара.

– Давай выпьем. Будь здоров, Фёдор! – Обухов тоже ловко опрокинул рюмку.

Мало-помалу завязался разговор «по душам». Говорил всё больше Прохор, про порядки казанские рассказывал, последние сплетни о городской жизни, о чиновниках, о полиции, о том, кто кому подчиняется, кто с кем делится, кто с кем спит. Чайкин только хитро посмеивался на эти слова. Пили одинаково, когда первый графин закончился, взяли второй. Чайкин сам заплатил, сказал, что не терпит быть в долгу. От третьего графина оба отказались, причём Прохор уже чувствовал себя пьяным, а Чайкин выглядел как совершенно трезвый, будто только вошёл в питейное заведение. Правду официант Петька сказал, что хмель его не берёт. К концу разговора Прохор рассказал про свою хозяйку Аграфену Хрисанфовну и предложил:

– Фёдор, а давай я тебя с ней сведу. Может, торговля у вас какая получится. Я смотрю, ты мужчина деловой, по всему видно, слово держишь. Ты завтра здесь будешь?

– Прохор Петрович, я по-пьяному о делах не говорю. Не завтра, а послезавтра вечером давай здесь встретимся. Завтра другие дела у меня: в село поеду насчёт поставок зерна договариваться.

– А в какое село, в какой уезд, Фёдор? – не унимался приказчик. – Давай я тебе свою бричку дам.

– Я же сказал тебе, Прохор Петрович, встретимся послезавтра. Давай пораньше, если что, но завтра никак не могу. Завтра я должен в другом месте быть.

На том и порешили. Пожали друг другу руки и разошлись.

Фёдор Чайкин был родом из Малороссии, из города Екатеринослава¹⁰. Происходил из крестьян, из семьи середняков, живших своим трудом. Звали Фёдора при рождении Варфоломеем, по фамилии Стоян. После, в молодые

¹⁰ Екатеринослав (в советское время – Днепропетровск, ныне – Днепр) – крупный город на Украине.

годы уже, новый паспорт себе выправил, так как считал прежнее имя неудачным, слишком крестьянским. Особого достатка в семье не было, но и глубокая нищета обошла Фёдора стороной. Он не собирался идти по родительским стопам, не было у него тяги к возделыванию земли, к посевам, севооборотам, плугам да боронам. Чайкин быстро выучился грамоте, умел быстро считать, хорошо писал витиеватым каллиграфическим почерком, но жизнь каково-нибудь приказчика или мелкого чиновника что в деревне, что в городе была смертельно скучной.

Фёдор был молод и дерзок, отчаянного склада характера, и он решил: вместо того, чтобы ждать милости от барина или купца какого, нужно всё взять самому, а для этого нужно быть шустрым смолоду. Как говорится, «за дурною головою и ногам нэма покою». И ещё о таких персонах говорят: с юных лет связался с дурной компанией. Вот и Фёдор в пятнадцать лет сбежал от родителей в город, завёл себе друзей среди воров и фармазонщиков¹¹, и те стали его потихоньку учить уму-разуму. На родителей Фёдор был обижен, особенно на отца, который ему пытался внушить жизненные истины через ремень, подзатыльники да затрещины. Вот и ушёл Фёдор из дома от такой науки куда глаза глядят. Хотя и жалко родителей, особенно мамку, но подумал: свой путь у меня, собственный. Разбогатею – вернусь к родителям «гоголем», озолочу их, а уж если голову сложу на каком налёте – значит, судьба моя такая. А так – младший брат Илюшка пусть о родителях заботится, везде заведено: младшие с родителями живут и имущество их наследуют.

Был у Чайкина в Екатеринославе пожилой наставник по воровскому делу – Мыкола Грек, наполовину хохол, наполовину цыган, сам из Ростова, вот и научил его, как воровать, чтобы не попасться, как краденое сбывать, как свой интерес в малине защищать, как на допросах себя вести, если повяжут, как читать людей – правду говорит человек или врёт, настоящий он или подсадной, провокатор полицейский. Учил распознавать филеров, отличать их в толпе от людей нормальных, простых горожан. Покуролесил Фёдор вместе с Греком по южным городам Российской империи. Воровали и грабили по всему югу – и в Екатеринославе, и в Ростове, и в Харькове, и в Мариуполе, и в Херсоне, и в Крыму. Очень уважал Чайкин Грека, поэтому, когда тот помер – помер своей смертью, что в их мире бывает редко, – то горевал Фёдор искренне и неподдельно, рыдал горькими слезами по своему усопшему товарищу. Вместе с другими подельниками схоронили они Мыколу и закатали поминки шикарные, так что пила вся голытьба в Екатеринославе неделю.

Фёдор Чайкин был хорошо сложен, среднего роста, симпатичный, из тех, что женщинам нравятся, западают им в душу и снятся долгими ночами. Носил небольшие усы и бороду, а-ля Антон Павлович Чехов. Взгляд у Фёдора был слегка «колючий», он любил психологически давить на собеседника и сверлить его глазами. Такому взгляду Чайкина покойный Грек научил, сказал, что в жизни пригодится такое умение – подавлять друзей своих по воровскому промыслу, держать их в состоянии лёгкого страха. «Бойтся – значит, уважает» – эту истину Чайкин запомнил с юных лет. Также Фёдору нравились манеры русских интеллигентов, он любил хорошо одеваться, дарить шикарные подарки женщинам, любил долгие беседы «за жизнь» под французский коньяк или хорошее пиво с рулькой. Любил, когда собеседник был умнее его, чтобы не то что человека в споре заткнуть, переиграть, но ещё и научиться от него чему-то. Песни в хорошей компании любил «спе-

¹¹ Фармазонщик (жарг.) – криминальный мошенник.

вать», особенно украинские: «Ревёт и стонет Днепр широкий, сердитый ветер листья рвёт», или южнорусские казацки: «Ой, при лужке, при лужке, / При широком поле, / При знакомом табуне / Конь гулял на воле».

Также Чайкин считал себя просвещённым, очень любил читать. Начал он в юные годы читать с Гоголя, с «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода», всё-таки про родные места, про Малороссию. Потом взахлёб читал Достоевского, Толстого и Некрасова в литературных журналах или купленных книгах. Достоевского Чайкин считал почти своим, идейно близким, за царскую каторгу, которую отбывал Фёдор Михайлович по молодости, за отчаянный склад характера, за любовь к женщинам и азартной игре, за страсти человеческие, которые тот описывал в своих книгах. «Да, я точно не тварь дрожащая. Все права на эту жизнь грешную, проклятую, беспросветную – у меня», – так думал молодой вор о себе. В «Братьях Карамазовых» Чайкин примерял на себя роль среднего брата, Ивана. «Надо же, Иван вызов бросил. И кому – Самому Богу! На бунт, на бунт против Бога пошёл... А ведь и правда – если Бог есть, как Он попускает умирать, и часто в мучениях, детям невинным, многодетным матерям? А собачкам, кошечкам разным безобидным, которые на улицах зимой замерзают? Как Бог позволяет людям, девушкам и женщинам, на панель идти, естеством своим торговать, как рыбой или картошкой на базаре? Как Бог позволяет пьяному мужу жену свою забить до смерти? Или на улицу с детьми зимой выгнать, чтобы замёрзли все? А казачки служивые, набожные да сильно верующие, без молитвы ни одного дела не делающие, у царя на службе крестьян да рабочих так полосуют нагайками – только свист стоит? А убивают при разгонах сколько? И это им тоже Бог приказывает? Подумать посерьёзнее – напускное всё, наигранное, фальшь одна». А у Николая Некрасова Чайкин поразился стихотворением «Размышления у парадного подъезда» и поэмой «Кому на Руси жить хорошо»:

*Видь на Волгу, чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовётся,
То бурлаки идут бечевою...
Волга. Волга. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля...*

Прочитав эти произведения, Фёдор подумал: «Вот ведь, безысходка какая! Мрак и отчаяние. А названия деревень в некрасовской поэме – «Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобишино. Горелово, Неелово, Неурожайка тож». Так вправду и есть. В деревнях неурожай, мор, детишек вроде много, а половина в младенчестве умирает, народ перебивается с хлеба на лебеду, крестьян гонят на войну, как скот на убой. Кому на Руси жить хорошо – одним князьям да чиновникам царским, дворянам да помещикам... Ладно, раз так, господа хорошие, сами всё возьмём у богатеев российских».

Царя, царскую власть, правящий дом Романовых Фёдор просто ненавидел. Ненавидел той лютой ненавистью, которой выходец с самого низа социальной лестницы ненавидит правящих господ. Сложные отношения были у Фёдора и с Православной Церковью. Да, Чайкин видел, как живут сельские батюшки, как мучаются в своих приходах из-за нищего населения, из-за отсутствия благотворителей, из-за пьянства прихожан, из-за того, что при-

ход содержать не на что, знал, что не все священники плохие, есть и истинно верующие, и праведники, и даже святые. Вон, говорят, в Оптиной пустыни живут одни нестяжатели, бессребреники, истинная, искренняя вера там; истинная вера и на Соловках, и на Валааме, и на Белом Озере. Или вон, говорят, в Кронштадте праведник живёт, отец Иоанн, от одного его взгляда люди пить бросают и верующими становятся. Тот самый отец Иоанн, что Казанское общество трезвости опекает¹². Милостыню щедро творит, всё, что собирает, нищим раздаёт, вокруг него нищих армия целая ходит. И не только православным, а и иудеям, и мусульманам помогает. Такая история на настоящее чудо похожа. Но видел Фёдор также жизнь архиереев, приближённых к власти митрополитов и епископов в крупных российских городах: лоснящиеся лица, расшитые драгоценностями одеяния, огромные золотые кресты на внушительных животах. Не нравилось, что церковь поддерживает и оправдывает любые действия царской власти – как правильные, так и преступные.

Особенно озлобился Фёдор после беспорядков 1902–1903 годов, когда волна народного гнева, начавшись на его родине, в Малороссии, Полтаве и Харьковщине, прокатилась по всей России. То здесь, то там вспыхивали крестьянские бунты, которые жестоко подавлялись. Доведённых до отчаяния крестьян пороли, вешали, бросали в тюрьмы. Поэтому война с Японией, далёкая и непонятная, разразившаяся в начале 1904 года, уже была для Фёдора неувиденной – чего ещё ждать-то от сановников царя-батюшки?!

Из Приазовья, с Таврической губернии была у Фёдора гражданская жена Прасковья Кучерова. В здешних краях издавна, со времён Золотой Орды, были намешаны разные национальности: татары, русские, малороссы, евреи, греки, венгры, поляки, черкесы, а через приазовскую степь по шляхам шли толпы невольников в Турцию и на Ближний Восток. Этот великий «плавильный котёл наций» дал своим потомкам красоту и чувственность, а также тонкий, пронизательный ум. Фёдор и Прасковья не были венчаны, просто сошлись по жизни. Познакомились они в Мариуполе, на берегу Азовского моря, да так и остались вместе, прикипели друг к другу. В поисках лучшей жизни в феврале 1904 года приехали Фёдор с женой в Казань. «Богато у татар, не то что у нас, в Малороссии», – говорил Фёдор Прасковье. Фёдор свою Прасковью очень любил и поэтому баловал, они хорошо одевались, посещали лучшие рестораны, любили устраивать в выходные дни торжественные чаепития со сладостями, с серебряным самоваром и позолоченными чайными ложками, любили долгие прогулки в парках и рощах, или в лодке прокатиться по озеру. Любили фотографироваться у модного казанского фотографа Фельзера¹³, то в обычном виде, то в экзотических костюмах кавказских горцев или цирковых артистов.

У Прасковьи была дочурка от прежнего мужа, очаровательная большеглазая девчушка Евгения, Женя, девяти лет от роду. К падчерице Жене Фёдор относился очень хорошо, считал её за родную дочку. Первый муж Прасковьи, Сергей, уехал на заработки в Москву и сгинул там, пропал, ни слуху ни духу, или спился, или другую нашёл. Ну, а так как Прасковья была женщина видная, среднего роста, пышногрудая, симпатичная, с роскошными русыми волосами, заплетёнными в толстую косу, с большими, бездонными,

¹² Праведный Иоанн Кронштадтский (1829–1908) – святой Русской Православной Церкви.

¹³ Фельзер Семён Абилович открыл одну из первых в Казани фотографических мастерских на улице Проломной в 1875 году.

синими, как воды Азовского моря, глазами, то скоро, очень скоро появился в её жизни неприкаянный и неустроенный Фёдор, да так и остался, внося в скучный быт Прасковьи струю воровской авантюриности и приключений.

В городе Фёдор ходил на дело редко, боялся, что заметут. Полиция в Казани работала хорошо. Опять же, в Казани жили не только Фёдор с Прасковьей, но и малолетняя дочь Женя, и ещё тёща приехала с Ногайска, Елена Ивановна Шиллинг, поэтому лишний раз рисковать в подобной ситуации – подводить под монастырь не только себя, но и ближайших родственников. Фёдор жил в Казани на прежние накопления, в случае воровства действовал наверняка, без лишнего риска, а краденое «рыжьё»¹⁴ и иные ценности сдавал ювелиру Николаю Максимову, шустрому и вертлявому малому, бывшему армейскому унтер-офицеру. Максимов в армии служил по интендантской части, тот ещё мошенник, огненно-рыжий, весь такой прилизанный, шустрые глазки бегают, и тонкие усики шевелятся как у таракана. Фёдор и Николай понимали друг друга с полуслова, в дела друг друга не лезли, один не спрашивал, другой не рассказывал, сдал краденое, деньги получил – и был таков.

Настал тот день, на который Фёдор договорился в кабаке встретиться с Прохором Петровичем. Немного послонявшись по городу, посмотрев на изобилие торговых лавок, на зазывал на рынке, на речные волны на набережной Казанки, Фёдор подошёл к бару «БегемотЪ» вечером. Приказчик Прохор Петрович уже был здесь, трезвый, попивал чай со знатными, большими кренделями. Поздоровались. Прохор молвил:

– Фёдор, я хозяйке про тебя рассказал, она тобой заинтересовалась, сказала, что с удовольствием с тобой познакомится. Пойдём к ней на подворье, здесь недалеко, она тебя ждёт. Может, о торговле какой договоритесь.

– Ну, хорошо, Прохор Петрович, пойдём, раз надо.

Неспешно дошли до улицы Вознесенской, где располагался дом Шамоных. Глава семейства Яков Филиппович был в отъезде, поэтому Аграфене Хрисанфовне не пришлось даже объясняться с мужем – что это за новый человек, с кем купчиха сегодня вечером встречается. В гостиной, куда пригласили Фёдора, было всё не то чтобы роскошно, но весьма изысканно и со вкусом: неброская обивка мебели, среднеазиатские ковры на полу, тёмные шторы французского фасона, которые купчиха предусмотрительно задёрнула, гжельский фарфор. Фёдор тихонько опустился в кресло и стал медленно оглядывать комнату. «Богатые, но скромные», – так подумал он о хозяевах. Вошла купчиха:

– Добрый вечер, милостивый сударь.

Фёдор привстал с кресла:

– И вам добрый вечер. Разрешите представиться: Фёдор Иванович Чайкин, коммерсант.

– Очень приятно. А меня зовут Аграфена Хрисанфовна. Присаживайтесь. Чем торгуете, уважаемый?

Фёдор опять удобно расположился в кресле.

– А всем, чем придётся. Зерном, мукой, солью. Случается, и вино продаю. Ежели интерес какой у вас имеется, так скажите.

Купчиха расположилась в кресле напротив:

– Только торгуете? Больше ничем не занимаетесь?

Дело приобретало неожиданный оборот. «Что-то не то... Сдал меня кто-то, наверное», – подумал Фёдор и пространно ответил:

¹⁴ «Рыжьё» (жарг.) – золото.

– Вы, Аграфена Хрисанфовна, скажите, что надо, а там посмотрим, может, и договоримся...

Купчиха чуть замялась:

– Да я и не знаю, как сказать-то. Дело у меня к вам уж больно щепетильное. Может, и не по адресу я обращаюсь, может, кого ещё надо поискать, – уклончиво сказала купчиха. После небольшой паузы продолжила:

– А ведь мне вас не как коммерсанта рекомендовали...

Ещё интереснее... Чем дальше в лес, тем больше дров. Фёдор хищно, с прищуром улыбнулся:

– А как кого?

– Как лихого, отчаянного человека, на дерзкий поступок способного...

– Ладно, раз так. Но ведь дерзкие поступки, матушка Аграфена Хрисанфовна, они денег стоят. А вы заплатить способны?

– Не волнуйтесь, Фёдор Иванович, способна. Внакладе вы не останетесь.

– Хорошо, а где гарантия того, что вы меня не сдадите в околоток?

– Вы про слово честное купеческое слышали? Могу слово дать... А других гарантий нет. Единственное, что обещаю твёрдо: за работу я вам заплачу хорошо, очень хорошо, но работа та сложная, можете и головы лишиться за такое.

– Вот как раз головы лишиться и не хотелось бы... Можно мне подумать, Аграфена Хрисанфовна, раз риск такой имеется?

– Подумать можно, но недолго. Даю вам время до завтра, до вечера. Завтра приходите в такой же час, буду вас ждать. Прохор, поди сюда. Проводи гостя.

Когда прощались, Прохор спросил:

– Ну что, Фёдор, договорилась с тобой хозяйка?

– Да нет, не договорились пока ни о чём. Подумаю и завтра приду. А ты не знаешь, чего она хочет?

– Нет, ничего не говорит она мне. Сказала только, фартового, отчаянного мужичка подыскать ей. А дальше что и как – не знаю.

– Правильно делает твоя хозяйка. Поговорку слышал: знают двое – знает и свинья. Раз так, то не при делах ты, Прохор Петрович. Разве что только «на шухере» постоять. Ладно, жди, завтра в это время приду.

С этими словами Чайкин неспешно побрёл по вечерним казанским улицам.

На другой день в условленный час Фёдор пришёл к купчихе на подворье. Прохора на месте не было, хозяйка послала по делам. «А, была не была! Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Соглашусь, что бы купчиха ни предложила. Ведь промышлять как-то надо воровским делом, а то скоро деньги кончатся, и жена Прасковья из дому выгонит. Послушаем, что Аграфена Хрисанфовна скажет».

Пройдя в дом и оказавшись с хозяйкой наедине, Фёдор молвил:

– Подумал... Согласен я, Аграфена Хрисанфовна. Вроде вы – надёжный человек, вложить околоточным меня не должны. Говорите, что надо, постараюсь выполнить ваше поручение.

Здесь уже пробил час хозяйки. Не спеша, во всех подробностях Аграфена Хрисанфовна рассказала ему и про Раифский монастырь, и про старца Гавриила, и про видения его тревожные, про войны будущие, про революции, про икону Казанскую и про разговор с ним на берегу Раифского озера.

– Так что же, сам старец предлагает икону из монастыря выкупить и спрятать? – удивлённо спросил Фёдор.

– Точно так... Иначе, говорит, погибнет икона в пылу междоусобиц да гражданских смут. Да вот незадача – я писала в Епархию, но они даже

не ответили мне, только мужу пожаловались. Поэтому по-другому я действовать хочу, раз по любви не получается, тогда по-плохому надо.

– Дык, если выкрасть икону, дело-то на контроле у царя может быть. Здесь всё полицейское министерство России-матушки на воров навалится. Опять же, я домушник, а церкви клюквенники грабят¹⁵. Клюквенников по тюрьмам не больно любят, церковь обнести – всё равно что мать предать.

– Ну что же, надо рискнуть, Фёдор Иванович, риск – благородное дело. А уж если попадёшься или голову сложить придётся – то хоть за дело богоугодное. Господь Бог простит вам грехи ваши.

– Воровство – и богоугодное? Что-то чудно мне, матушка Аграфена Хрисанфовна.

На эмоциях купчиха перешла с Фёдором на «ты»:

– А знаешь ли ты, мил человек, что в Москве в 1812 году, в войну Отечественную с Наполеоном, староверы выкупали в церквях московских иконы древние, чтобы ими французы просвещённые печки не топили? У нас эти иконы теперь в целости и сохранности. И чтобы не было тебе чудно, давай договоримся... Как принесёшь икону – десять тысяч рублей плачу тебе. И, кроме того, на иконе оклады драгоценные, золотой и серебряный, все в бриллиантах. Царь Иван Грозный и «добрая бабушка», императрица Екатерина Великая, их пожаловали. Так вот, те оклады мне без надобности, меня только сама икона, сама доска интересует. А оклады себе забери. Камешки продашь, золото распилишь, это же тоже деньги, и немалые. Сам реализуешь. За сколько сможешь, за столько и сторгуешься. Сколько времени тебе на подготовку дела надо, Фёдор?

Фёдор задумчиво ответил:

– Десять тысяч – деньги, конечно, хорошие. Подельников надо найти, Аграфена Хрисанфовна, «пошукать» дружков своих. Да и за обителью, за монастырём Богородицким стоит понаблюдать, какие порядки там. Может, подкупить кого получится... Инструмент надо воровской справить, тоже дело непростое, замки ведь ломать чем-то надо. По времени – недели три или месяц надо.

– Хорошо, Фёдор. Пять сотен рублей аванса тебе хватит? На всё про всё.

– Хватит, матушка Аграфена Хрисанфовна.

– Тогда на, возьми деньги и иди, думай, как дело сделать. Аванс в гонорар твой не входит, это поверх того, о чём мы договорились. Да хоть приди через неделю ко мне, поведай, как дела. И – чтобы молчок, ни единой живой душе не сказывай. Времена сейчас тревожные – стукач на стукаче.

– Это я знаю хорошо. И среди нашего брата, среди воров, стукачи имеются, плюс филеры – шпионы фараоновские¹⁶, всё вынюхивают, выспрашивают, что да как. Хорошо, матушка Аграфена Хрисанфовна. Через неделю с докладом меня ждите.

С этими словами Фёдор вышел из купеческого дома.

КРАЖА

В тот вечер Чайкин ещё немного побродил по вечерней Казани, подошёл к Кремлю, сверху, от Кремлёвских стен, тщательно оглядел монастырь,

¹⁵ Домушник (жарг.) – квартирный вор, клюквенник (жарг.) – церковный вор.

¹⁶ Филер (жарг.) – полицейский шпион, фараон (жарг.) – полицейский.

где хранилась икона. Пришёл домой, на окраину города, в неприметный дом на углу Муратовской и Кирпично-Заводской, где снимали с семьёй квартиру, поздно, уже ночью. Прасковья ещё не легла, что-то готовила на кухне. Маленькая Женя уже спала, в соседней комнате негромко возилась тёща.

– Фёдор, ты есть будешь? Или тебя где-нибудь накормили уже? – зло спросила Прасковья.

– Хватит, Параня, ты же знаешь, не гуляю я сейчас.

– Ой, Фёдор, давно ли не гуляешь? Совсем завязал или как?

– Совсем.

Фёдор понимал, что Прасковья с её взрывным характером сильно его ревнует. Ну, и поскольку она была не только ревнивая, а также весьма крепкая и ширококостная, то в случае конфликта скалка в её руке превращалась в полноценную дубину.

– Ты же знаешь, Параня, что не нужен мне никто... Тебя одну люблю, родная моя. Тут другое... Дело мне в Казани предлагают...

– Какое дело, Фёдор? Опять по лихому промыслу?

– По лихому, по какому же ещё. Я же не заводской рабочий. Если выгорит, на всю жизнь будем обеспечены... Шампанское, икра, рябчики фаршированные... Всю жизнь в золоте жить будем... Но может так и не стать. Опасное дело.

– А что за дело-то? Раз начал, так говори.

– Соучастницей тебя, Параня, делать не хочу. Если выгорит – оба мы в шоколаде, а если нет – то скажешь, что не знала ничего, что я во всём виноват. Тебя с ребёнком и мамашу твою, тещенку свою ненаглядную, подставлять не хочу.

Чуть помолчав, Фёдор добавил:

– Сказал тебе, Параня, для того, чтобы с пониманием ты относилась... Занят я буду в ближайшие недели. Думаю, помощники мне нужны будут... Поискать придётся...

Прасковья в сердцах всплеснула руками:

– Опять Анания Комова вызовешь? Биндюжника¹⁷ этого?

– А-а-а, дорогая, уймись, пожалуйста! Знаю, не любишь ты его, а мне он первый помощник. И здоровья у него поболее, чем у меня. Да и дружим мы с ним, ты же знаешь...

– Биндюжник и разбойник, прийдёт тебя когда-нибудь. Ты в глаза ему взгляни, прямо как есть Стенька Разин! Ладно, будь по-твоему, лишнего не спрошу теперь. Но смотри, Фёдор, нас не подставь... А то посадят вместе с тобой, если засыплешься... На, ешь, колобродник, а то остыло уже.

С этими словами Прасковья резким движением поставила перед Фёдором чашку с гречневой кашей и гуляшом. Фёдор ласково погладил жену по бедру:

– А может, нальёшь чего? Что покрепче?

– Компот вон, на плите. Покрепче ему! Перетопчешься... Потихе тут, я спать пошла.

– Ну ладно, Параня, как скажешь.

На следующий день Фёдор отбил телеграмму: «Курская губерния, город Обоянь, Долженковская волость, Ананию Комову. Ананий, выезжай немедленно в Казань. Фёдор».

Через неделю подельник Чайкина, Ананий Комов, здоровенный мрачный детина с крепкими кулаками, прибыл на Казанский вокзал. Ехал долго,

¹⁷ Биндюжник (жарг.) – грубый, неотёсанный человек.

через Рязань и Москву, натрясая в поезде. Фёдор тепло встретил товарища, обнялись, первым делом зашли в ближайшую закусную. Там не спеша, за кружкой пива Фёдор изложил Ананию суть их предприятия. Тот молча выслушал. Первое, что сказал Ананий Чайкину после его рассказа:

– Фёдор, опасно. Поймают – каторга светит, приличный срок.

– Знаю, Ананий. Поэтому и прошу тебя, и помощники нам здесь понадобятся. Бриллианты там, на окладе иконы, говорят, на сто тысяч. Оклад золотой. Ещё один-два человека надо, сами не справимся... На «шухере» стоять, замки вскрывать, сторожей вязать, а если что не так пойдёт – от полиции отбиваться... И инструмент найти надо. Ломик удобный нужен, щипцы хорошие, отмычек набор, долото – пару штук. Если выгорит – всю жизнь в шампанском купаться будем. Завяжем с лихой жизнью, Ананий, может, купцами станем или ещё чего, на моря укатим жить...

Ананий мрачновато ответил:

– Друг ты мне, Фёдор, верный друг. Да и без настоящего дела засиделся я в Курске. А так, вот что я скажу: работа-то опасная, можно и в «непонятку» попасть. Налетят фараоны, повяжут, срок дадут за такое – никак не меньше десятки на каторге или в тюрьме «крытой»¹⁸. И это – если ещё при задержании не убьют. Ну да ладно, пойду я за тобой, где наша не пропадала! Давай поделников поищем среди твоих знакомцев, Фёдор, может, и согласится кто...

На том и порешили. Фёдор сразу не стал Прасковью с дочерью и тещей беспокоить, поэтому Ананию сняли комнату в доходном доме недалеко от «Бегемота». Условились встретиться в кабаке назавтра после обеда.

Первым делом Фёдору Чайкину и Ананию Комову понадобилось найти хороший воровской инструмент – различные ключи, отмычки, небольшой и удобный ломик для вскрытия дверей, мощные щипцы. По поводу инструмента поделники обратились к мастеровому человеку, знатному кузнецу Ерошке с Татарской слободы. Ерошка, или, по-татарски, Айрат, жил на окраине Старо-Татарской слободы, на берегу озера Кабан. С ним Фёдор познакомился пару месяцев назад, познакомился всё в том же «Бегемоте», с дальним прицелом, так сказать, про запас. Пару раз выпивая с новым знакомцем, Ерошка подробно рассказал Фёдору, как его найти в Татарской слободе, поэтому особых проблем с поисками не было. Кузня Айрата обильно дымила целыми днями, хозяин был работающий, руки у него были золотые, поэтому заказы к нему так и сыпались.

– Салам алейкум, уважаемый! – приветствовал Ерошку Фёдор, заходя в кузню и чуть пригибаясь в дверном косяке.

Ананий Комов предусмотрительно остался на улице. Двое говорят – третий не мешай.

– О-о-о, алейкум ас салам, Фёдор. Что привело тебя ко мне, друг мой?

– Да вот, уважаемый, инструмент мне нужен. Если готового инструмента у тебя нет, то я нарисую, что мне надо выковать. Не волнуйся, Ерошка, по деньгам не обижу, останешься доволен.

– Инструмент выковать – это можно. А ты вроде как кузнец, сам говорил, что помощником в кузне работал. Я как раз заготовки хорошие купил,

¹⁸ «Крытая» тюрьма, «крытка» (жарг.) – тюрьма строгого режима.

дляковки, железо мягкое, когда горячее, хоть ножом его режь, прямо лом-тями будет отходить, как колбаса конская, а как остынет, прочное становится, как сталь... А на что тебе этот инструмент, Фёдор?

– На что, Айрат, это уже моё дело. Времени мало у меня. И помощник кузнеца – ещё не мастер. Ты уж лишнего меня не спрашивай, а то, случись что, соучастником ведь пойдёшь. Заплачу хорошо, а как и что, у кого купил – и я молчок, и ты забудь.

– Да, в такие дела путаться бы я не хотел... Ладно, выручу тебя, но, правда, как заказ исполню, тогда разбежимся и забудем про всё. Давай объясняй, что надо...

Добрых полчаса Фёдор, взяв бумагу, рисовал Ерощке ключи с различными приспособлениями на конце. Нарисовал с десяток. Сказал, что ещё нужна пара долото. Спросил, что по оплате. Сошлись на тридцати шести рублях, по три рубля за один ключ или долото. Фёдор вытащил деньги, рассчитался с мастером. Спросил, когда прийти. Ерощка сказал, через три дня. Потом Фёдор сделал кузнецу замечание:

– Слушай, Айрат, что у тебя паутины так много по углам? Как и не кузница, а сарай какой-то? Может, тебе веник подарить, будешь паутину смахивать.

– Э-э-э, дорогой, вот видно, что ты человек неверующий. А я по вере мусульманин: нельзя пауков убивать, пауки для нас священны.

– Священные пауки? Первый раз такую блажь слышу. Это ещё почему?

– В одном из хадисов написано, что когда наш Пророк Мухаммад, мир ему и благословение Аллаха, ещё не был почитаем у себя на родине, его здорово теснили язычники-курайшиты из Мекки. И вот в один день воины-язычники решили с ним окончательно расправиться и под покровом ночи пришли в дом Пророка. Они сделали засаду и приготовили мечи, с тем чтобы, когда Пророк Мухаммад выйдет ранним утром из дома, нанести ему смертельные удары. Но милостивый Аллах ослепил воинов, поэтому Пророк покинул свой дом, спокойно прошёл мимо врагов и со своим сподвижником Абу-Бакром скрылся в пещере горы Савр. Язычники-мекканцы бросились в погоню и хотели, было, зайти в эту пещеру. Но милостивый Аллах послал паука, и тот сплёл на входе вглубь горы такую густую паутину, что никому в голову не могло прийти, что в пещере кто-то скрывается. Сподвижник Абу-Бакр сказал Пророку: «Враги слишком близко, они могут нас увидеть. Мне страшно» – на что Пророк ему спокойно ответил: «Что может случиться с нами, если рядом Аллах?!».

Пророк и Абу-Бакр несколько дней прожили в пещере, пока мекканцы не перестали их искать, а затем вышли и отправились вслед за учениками в благословенную Медину. С тех пор нам запрещено без крайней нужды убивать пауков, напротив, их надо любить и оберегать¹⁹. А я, видишь, и паутину не убираю поэтому...

Фёдор усмехнулся:

– Паук, говоришь? У нас, у русских, тоже сказки есть про вещего волка, по-человечьи говорящего, на котором Иван-царевич верхом ездил. Ну ладно, не убираешь паутину – не убирай. Твоё дело. Чувствую, скоро архаровцы на меня паутину начнут плести, только вот от той паутины уж никак

¹⁹ Какую роль в жизни Пророка Мухаммада сыграл обыкновенный паук? <https://islam-today.ru/istoria/>

не отвертись. Да, забыл совсем, щипцы ещё большие нужны, разжимные, дужки стальные у замков вскрывать. Ерощка, щипцы у тебя есть?

– Нет, больших разжимных щипцов нет, да и мороки с ними, изготовить их сложно. Пружины там мощные нужны. Может, у кого ещё спросишь, Фёдор?

– Ладно, спрошу. А ножницы большие, по металлу?

– Ножницы есть, на, бери, дорогой друг. Но – за десять рублей. – Айрат подал Фёдору массивные ножницы с длинными лезвиями.

– Да, Ерощка, ты своей выгоды не упустишь. Спасибо, дружище! Ну, бывай, дня через три зайду...

Отдав Айрату ещё одну ассигнацию, бумажную десятирублёвку, и выйдя из кузницы, Фёдор кивнул Комову, и они пошли прочь из Татарской слободы.

Следующим этапом Фёдору и Ананию надо было найти одного или двух подельников. Для этого они отправились к Прохору, приказчику Шамовых.

Разговор начал Фёдор:

– Прохор Петрович, нам бы двух помощников по заданию хозяйки твоей. Чтобы люди были, что-нибудь в церковных обрядах понимающие. Дело одного монастыря касается. Но зачем помощники нужны, лучше не спрашивай. Меньше знаешь – крепче спишь.

Прохор Петрович задумчиво прищурился:

– Подельников, говорите... Что же, дело реализуемое, но не сразу. А заплатите вы им как, хорошо?

– По пятьдесят рублей дадим каждому за вечер работы. Но надо, чтобы языки у них были под замком, чтобы ни одной-единой душе о нашем деле не сказывали.

– Добро, я подумаю... Сегодня вторник у нас... Тогда в пятницу приходите, может, и сведу с кем.

Ананий влез в диалог и угрюмо добавил:

– А что же сам-то с нами на дело не пойдёшь, Прохор Петрович? Молодость не хочешь вспомнить? Фёдор говорит, ты в молодости казак был хоть куда!

– Молодость – дело хорошее, но она же прошла. Стар я уже для таких дел, да и жена, дети держат, их у меня трое... Отроки, а младший сынок и вовсе ещё малец, заботиться, пристраивать их надо... Был бы не при деле, мог бы рискнуть... А так, при должности, при каких-никаких деньгах – от добра добра не ищут... Это вы молодые, вам надо много и сразу. Не пойду я с вами, а чем смогу – помогу.

Фёдор продолжил:

– Ну, как знаешь, Прохор Петрович, неволить тебя не будем. Тогда подыщи людей незаметных, чтобы в случае чего свалили они из города – и концы в воду.

– Хорошо, я постараюсь... В пятницу приходите.

Летом 1904 года в полицейское управление города Казани обратилась монахиня, настоятельница Богородицкого монастыря матушка Маргарита (Максорова). Она напросилась на приём к помощнику полицейского начальника подполковнику Константину Калинину и поведала ему, что за ней сле-

дят. Помощник полицмейстера, дородный мужчина с роскошными усами, высокий и грузный, недоверчиво молвил:

– Матушка Маргарита, что такое вы говорите? Какому разумному человеку взбредёт в голову следить за вами? Да и зачем? Вы же монахиня, человек верующий, строгих нравов. Разве что влюбился в вас кто-нибудь, может, поклонник тайный, от страсти к вам сохнувший?

– Не смейтесь только, Константин Иванович. Истинно говорю, вот вам крест святой. Ходит за мной второй день один мужичок, среднего роста, в суконном сюртуке и шляпе, куда я – туда и он. Мужичок с виду простой, а вот взгляд у него прямо дьявольский. Глаза колючие, как ёлка в Новый год. И сам такой весь крепенький, сбитый, как борец в цирке. Мне кажется, наш монастырь хотят ограбить...

– Монастырь? Ограбить? В православной-то стране? Не верится, матушка Маргарита... Сомневаюсь я что-то...

– Константин Иванович, может, вы охрану монастыря выделите, несколько человек, они присмотрели бы, что и как.

– Хорошо, я поговорю с полицмейстером... Но ничего не обещаю, время такое у нас сейчас беспокойное, каждый человек на счету.

Вечером того же дня Калинин доложил о визите настоятельницы казанскому полицмейстеру Павлу Борисовичу Панфилову, передал её опасения и просьбу выделить монастырю охрану. Но полицмейстер, опытный государственный чиновник, больше занятый текущим моментом, грядущими политическими волнениями из-за войны с японцами, настроениями в рабочей среде и среди крестьян, чем тревожными рассказами игуменьи, своему помощнику не поверил, назвал всё произошедшее «дурью» и охрану выделять отказался. Как впоследствии окажется, зря.

В пятницу, как и было договорено, Фёдор и Ананий пришли к приказчику купчихи Шамовой Обухову Прохору Петровичу. Тот встретил их как бы озадаченный, но, как ни странно, улыбающийся и в хорошем, приподнятом расположении духа.

– Ну что, нашёл нам помощников, Прохор Петров? Говори. А то ты так и светишься, как самовар начищенный, – сказал Фёдор.

– Не нашёл, не нашёл, господа хорошие, да и искать не буду. Но здесь история почище закручивается.

Вмешался мрачный Ананий:

– Прохор, да не томи ты нас уже. Сам, что ли, на дело решился идти?

– Нет, нет. Я уже сказал – сам не пойду... Но нашёл мужика, который поможет вам в монастырь зайти.

– Какой мужик, кто таков?

– Тёзка твой, Фёдор Захаров, сторож монастырский. Наш человек. Ветеран войны с османами, Георгиевский кавалер, да к тому же выпивоха знатный. В «Бегемоте» познакомились. Петя, официант трактирный, нас свёл. Захаров рассказывал, что жалование в монастыре ему игуменьи не прибавляет. Работы много, спрашивают строго, а денег нет. Вот я с ним знакомство свёл по пьяной лавочке, а на другой день пошёл к нему в монастырь, когда на карауле он был. И поговорил с ним: поможет он людям хорошим в монастырь ночью зайти? Он сначала, было, испугался, а потом говорит: если заплатят хорошо – помогу. Две сотни рублей запросил. Ну, я его до сотни сбил.

– Смотри-ка, что делается, Ананий! На ловца и зверь бежит. Эта новость стоит двух подельников-то. И по деньгам в аккурат, заплатим мы сотню ему. Спасибо, Прохор Петров, угодил так угодил! Теперь нас с ним сведи, а мы уж все детали сами порешаем.

Через день Обухов свёл Захарова с Ананием и Фёдором. При разговоре присутствовала и падчерица Чайкина Женя Кучерова, которую Фёдор взял с собой на прогулку по городу. Пока девочка стояла в сторонке и ела купленные в торговой лавке конфеты, заговорщики долго разговаривали, обсуждали детали налёта на монастырь. Деньги, деньги откроют двери монастыря для святотатцев. Денежные купюры, ассигнации, которые открывают все двери, закрывают глаза судей и властей предрержащих. Однако об истинных причинах своего визита, о краже Казанской иконы Фёдор сторожу предусмотрительно ничего не сказал, оговорился лишь, что казна в храме богатая, и вытрясут они её всю до копейки. За это сторожу из казны щедро заплатят, по сути, его же деньги, которые ему матушка Маргарита сама же и недодаёт. Справедливость восторжествует. И обиженный на игуменью Захаров полностью поддержал Чайкина и Комова в злых намерениях.

Иногда самые отчаянные вещи в жизни делаются с помощью пистолета. У Фёдора Чайкина было запрятано два «ствола». Один был старый, выдавший виды револьвер системы «наган», с заедающим барабаном и немного сбитым бойком, так что патроны давали осечку через раз. Старый наган Чайкин прятал в масляной тряпке в чулане. Там же было и с десяток патронов к нему. Второй пистолет был и того хуже, немецкий «Люгер», тяжёлый, массивный ствол, у которого вышла из строя пружина спускового механизма. Фёдор его держал так, про запас, собираясь когда-нибудь отремонтировать или просто попугать им, дойди до серьёзного дела. Перед тем как пойти на кражу, Фёдор достал наган, протёр его и спрятал за пояс, а сверху надел сюртук. Второй пистолет отдал Ананию. Ананий, увидев пистолеты, забеспокоился:

– Фёдор, ты кого убивать-то собрался? Монашек смиренных? За мокрое дело вздёрнут нас на виселице.

– Не бойсь, Ананий, это так, для форсу, покажем, что серьёзные люди грабить пришли. Не дойдёт до стрельбы, я надеюсь. Попугаем просто... Мы их даже заряжать не будем. А твой вообще неисправен, годится только на то, чтобы орехи колоть. А ты ещё нож возьми, финку. Но тоже резать никого не надо. Как монахинь да служек в обители испугаем – сами всё нам отдадут.

Наступила та самая решающая ночь, ночь с 28 на 29 июня 1904 года. Ночь под большой православный праздник – День святых первоверховных апостолов Петра и Павла, или, как говорили в народе, Петров день. Накануне в Богородицком монастыре пребывала Смоленская Седмиезерная икона Божией Матери, к которой пришло поклониться множество жителей Казани и которую вечером отправили по месту постоянного пребывания, в Седмиезерную Богородичную пустынь, в двадцати верстах от города. Монахини и послушницы, проводившие икону, спали в эту ночь как убитые, как говорят в народе, «без задних ног», и не скоро услышали какой-то неясный шум.

Ночь выдалась тёмная и безлунная, воровская ночь, вполне пригодная для лихих дел. Моросил небольшой тёплый дождик. Сторож Захаров знал, что Фёдор и Ананий спрятались днём в колокольне, наверху, и не стал запира́ть вход на неё. Для отвода глаз он несильно приоткрыл монастырские ворота. Когда же подельники вышли из колокольни, то для вида они несильно оглушили Захарова, связали его, зашли в храм, сорвав замки разжимными щипцами, быстро схватили с аналое́в в храме две древних иконы, Казанскую

и Спаса Нерукотворного, да взяли 360 рублей с монастырской казны в свечной лавке. Когда Чайкин взял в руки Казанскую икону Божией Матери, он ощутил странное чувство явного тепла, исходящего от иконы. Показалось даже, что икона немного обожгла взявшие её пальцы...

– Да ну, ерунда какая-то, сказки поповские. Не может быть такого, чтобы икона тёплой была, – подумал Фёдор и сунул обе иконы в припасённый холщовый мешок.

После этого подельники перемахнули через ограду монастыря, в соседний сад, и быстро побежали прочь от монастырских стен.

Посреди ночи, в третьем часу, в монастыре раздались приглушённый крик и несильные удары в запертую дверь.

– Караул! Помогите, помогите! Люди добрые, помогите! – кто-то кричал из запертого подвального помещения монастырской колокольни.

Встревоженные послушницы монастыря, Татьяна и Мария, уставшие за эти дни и спавшие во дворе на сеновале, пробудились, прошли по внутреннему двору мимо ворот, которые почему-то были приоткрыты, приблизились к подвалу колокольни, осторожно отворили его и увидели там связанного сторожа, пожилую Фёдора Захарова. Он, взъерошенный, пытался выбраться из-под пуг и истощно заорал:

– Помогите! Глядите двери у церкви! Двери глядите! Несчастье у нас большое! Украли, украли!

Послушницы спросили Захарова:

– Да что украли-то, дядя Фёдор, объясни толком.

– Казну украли с храма нашего.

– А кто украл-то?

– Не знаю, в масках. Меня оглушили и связали, а казну и вынесли.

– Сколько их было?

– Трое, трое... Нет, четверо их было, один за воротами на шухере стоял. Четверо, все в чёрном, в масках, пистолеты у них и ножи. К голове пистолет приставили и оглушили. Смотрите, смотрите, вон, шишка какая на затылке. А потом меня в подвал бросили, а сами в храм зашли.

Татьяна сказала Марии:

– Ну, Машутка, беги в участок за городовым. А я к матушке-игуменье, поднимать сестёр да собирать народ православный...

Через час на место происшествия прибыли полицейские чины. Они обнаружили в соседнем с монастырём саду дома купца Попрядухина следы святотатцев. А именно – деревянную крышку от садового стола, прислонённую к монастырской стене. В этом месте стена была ниже, и при определённой сноровке здесь можно было перелезть через ограду монастыря. Рядом в траве отыскали с десятков жемчужин и маленький золотой брелок. Перепуганные монахини опознали их как принадлежащие иконе Казанской Богоматери.

Поднятая с постели игуменья, матушка Маргарита, осторожно, с фонарём зашла в храмовые ворота с сорванными замками. Посмотрела сперва прямо... Вроде всё тихо. Потом направо. И – о, Боже Милостивый! Да как же так, как такое возможно: в храме нет главной иконы, нет Богородицы Казанской! Игуменья рухнула посреди храма, напротив Царских Врат, на колени и с воем запричитала, как по покойнику.

– Что, матушка Маргарита, что стряслось-то? Казны на месте нет?

– Да какой казны? Ой, горе нам, горе, сестры дорогие! Какая казна, будь она неладна. Икону украли, главную икону храма нашего, которую при государе Иване Грозном обрели. Икону украли, а ей-то, иконе Казанской, цены

нет... Две ризы на ней, золотая и серебряная, золотая – царя, от Ивана Грозного, а серебряная – от императрицы Екатерины Великой. И Спаса Нерукотворного икону украли. И тоже на ней риза драгоценная. Говорила я в полиции: дайте охрану монастырю. Дайте! Не послушали меня, ироды! Горе, горе нам! Господь Всемогущий, за что наказываешь нас?

И полетели наутро из Казани телеграммы во все концы необъятной империи. «Икону украли, икону украли. Казанскую икону, святыню земли Русской, украли супостаты. Четверо с пистолетами украли. С пистолетами и в масках. В монастыре икону не уберегли. Антихрист идёт на землю, наступают последние времена. Иконы уже воруют из святых обителей», – так кричали мальчишки-распространители на центральных, Кремлёвской и Проломной, улицах, поднимая над головой связки газет. Все утренние тиражи с возмутительной новостью о краже были раскуплены за полчаса. Горевали все жители Казани, как православные, так и мусульмане, поражаясь лихости и отчаянной дерзости святотатцев. Забегало, затряслось всё казанское начальство, начиная от губернатора и заканчивая полицмейстером и урядниками, вжалось в свои богатые, резные кресла в ожидании столичных инспекций.

СЛЕДСТВИЕ

О краже Казанской иконы, покровительницы Дома Романовых, тут же доложили царю Николаю II. Царь срочно выехал из своей резиденции в Царском Селе в Санкт-Петербург. Вечером в рабочий кабинет в Зимнем дворце вошёл бледный как мел министр внутренних дел Вячеслав Константинович фон Плеве²⁰.

– Разрешите, Ваше Величество? Доброго здравия вам. Беда, Великий Государь! Икону Божией Матери Казанскую и ещё одну икону, Христа Спасителя, супостаты похитили в Казани.

Вячеслав фон Плеве, высокий и представительный мужчина, с пышными усами, судорожно облизывал пересохшие губы и нервно перебирал пальцами правой руки по поверхности стола в царском кабинете. Он знал, как Казанская икона дорога царю, знал о том, что эта икона является покровительницей правящей династии. Казалось, даже пышные усы министра поседели от дурной новости. Царь спокойно ответил министру:

– Приветствую вас, Вячеслав Константинович. Слышал уже, телеграф в Российской империи работает исправно. Что скажете на это преступление?

– Виноват, Ваше Величество. Недосмотрели.

– Успокойтесь, дорогой Вячеслав Константинович, вы-то тут при чём? Как вы могли из Петербурга в Казани икону охранять? А вот полицейские в Казани – головотяпы, начиная с полицмейстера и заканчивая городовыми. Как думаете действовать?

– Честно говоря, Государь, я в такой растерянности. Думаю в Казань депешу послать, а если вы прикажете, то и сам поеду, ход расследования контролировать.

– Нет, голубчик, вы мне здесь нужны. Я знаю, вы истинно верующий человек, в церковь ходите постоянно, за это хвалю, но отпустить вас не могу. А в Казань отпишите так: Государь Николай Александрович-де в курсе,

²⁰ Вячеслав фон Плеве (1846–1904) – министр внутренних дел Российской империи в 1902–1904 гг.

наблюдает и держит всё на контроле. Икону надо найти как можно быстрее. Срок, Вячеслав Константинович, сами установите, но чем быстрее, тем лучше. Горожане и весь православный народ христианский увидеть работу полиции должны. А если не найдут или начнут «волокитить» дело, то всех полицейских чинов, губернатора и городского голову ждёт неминуемая отставка, без выплаты пенсии. Рожь поедут выращивать к себе в имения да пчёл разводять. Не будет им, ротозеям, ни должностей, ни пансиона!

– Слушаюсь, Ваше Величество. Тотчас же телеграмму в Казань отобью.

С этими словами министр вышел из кабинета, оставив государя один на один со своими мрачными мыслями. «Что творится, что творится на земле государства Российского! Это же уму непостижимо», – так думал Государь Николай Александрович. Царь любил немецкое слово «Das Ordnung» – порядок; любил прусскую поговорку «Ordnung muss sein» – «Должен быть порядок», и считал, что немцы несут порядок на землю русскую. При дворе российском немцев было очень много, и среди чиновничества, и среди учёных, музыкантов, изобретателей. Генералы немецкие командовали русскими войсками, потомственные немцы служили в полиции, промышленники немецкие строили заводы, немецкие помещики вводили в русский быт новые методы обработки земли и севообороты, а императорские отпрыски женились исключительно на лютеранках, которые затем принимали православие. Обычай жениться на немках пошёл со времён Петра Великого, который в Северную войну в походе нашёл императрицу Екатерину Первую. Чем-то нравились Петру Алексеевичу женщины немецких кровей. Со времён Екатерины Первой принцессы захудалых, разорившихся германских княжеств становились владельницами огромной русской державы. Вот и императрица Александра Фёдоровна, жена Николая II, была из немок, урождённая Виктория Алиса Елена Беатриса Гессен-Дармштадтская. Старшая сестра императрицы, Елизавета Александра Луиза Гессен-Дармштадтская, была замужем за Великим князем, московским губернатором Сергеем Александровичем Романовым и при крещении стала просто Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной. Таким образом, правящая династия Романовых считала, что германские дома помогали прививать россиянам немецкий, «правильный» образ жизни.

«Das Ordnung» – твёрдая дисциплина, незбылемые традиции, чётко прописанные инструкции. Устоявшееся положение вещей должно быть на века. А какой уж здесь порядок, раз иконы святые крадут?! В православной-то стране. Святотатцы, управы на них нет!» – так думал русский царь.

Учитывая немецкие корни Вячеслава фон Плеве, Государь всецело доверял своему министру. Николай II назначил его на высокую должность в апреле 1902 года. В письме к своей матери, вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, Николай II сообщал, что «Плеве отлично знает все внутренние дела». Сам же Вячеслав Константинович считал, что русский народ в целом предан императорскому престолу, а недовольство среди отдельных его слоёв вызвано подстрекательством жалкой кучки революционеров, которых надо быстро обезвредить. Для этого было необходимо качественно усилить полицию, расширить её полномочия, увеличить финансирование и оснащение. Все преступные действия социалистов, считал Плеве, совершаются по наущению зарубежных финансовых кругов из Великобритании и Франции, ищущих в России дешевое сырьё для своих заводов.

– Это нам всё англичанка гадит, – думал про себя министр.

Стараясь не замечать нарастающую роль банкиров, промышленников и рабочих, Вячеслав фон Плеве делал традиционную, «классовую» ставку на русское дворянство.

Через две недели, утром 15 июля 1904 года, министр внутренних дел Российской империи Вячеслав фон Плеве выехал на Варшавский вокзал для того, чтобы отправиться в резиденцию в Царском Селе для очередного доклада Государю. Когда карета министра въехала на площадь Варшавского вокзала, боевик из партии социал-революционеров, бывший студент-медик Егор Созонов бросил в неё бомбу. Министр фон Плеве был убит на месте. В его портфеле были обнаружены бумаги, касающиеся связи высших чинов Российской империи с революционным движением и документы по ходу расследования кражи икон в Казани. Жестоким актом террора Созонов, выходец из Вятской губернии, исключённый за политическую деятельность из Московского университета, выразил своё несогласие с подавлением революционных настроений в Российской империи. Ещё одним из поводов для убийства министра послужили еврейские погромы в Кишинёве при негласной поддержке охранного отделения. Созонова схватили, определили на пожизненное содержание в каторжной тюрьме и заключили в Шлиссельбургскую крепость. Потом в его жизни была знаменитая Бутырская тюрьма в Москве, откуда Созонова, законченного в кандалы, отправили на реку Нерча в Забайкалье, на знаменитые каторжные рудники. Долго добирался Егор с другими такими же заключёнными горемыками до места. Угрюмые, с бритыми лбами, мрачно шагая по уральской степи и гремя цепями кандалов, они пели заунывные песни:

*Динь-бом, динь-бом, слышен звон кандалный,
Динь-бом, динь-бом, путь сибирский дальний,
Динь-бом, динь-бом, слышно там и тут,
Нашего товарища на каторгу ведут²¹.*

На Нерчинской каторге эсэра Созонова по приказу начальника тюрьмы Ивана Высоцкого стали сильно избивать, еженедельно пороть кнутами. Егор не выдержал телесных наказаний, жестоких издевательств тюремного начальства и 27 ноября 1910 года покончил с собой, приняв яд. Известие о его смерти быстро распространилось по Российской империи и привело к массовым студенческим волнениям 1910–1911 годов.

До Кровавого воскресенья, рокового события в российской истории, оставалось всего полгода...

А тем временем наполнялась слухами древняя Казань, и слухи эти были один тревожнее другого. Одни горожане говорили, что якобы от государя Николая II на имя казанского губернатора Петра Алексеича Полторацкого была получена гневная телеграмма, в которой предписывалось во что бы то ни стало в кратчайшие сроки разыскать как виновных в краже, так и похищенные иконы, с предупреждением, что если преступники в кратчайшие сроки не будут обнаружены, то чины полиции, сам губернатор и городской голова будут уволены от занимаемых должностей. Другие по секрету сообщали, что Государь Император и Великая княгиня Елизавета Фёдоровна звонят в Казань чуть ли не ежедневно и собираются приехать в город для ускорения поисков. О краже святынь говорила вся Казань, люди судачили об этом на городских рынках и площадях, в модных салонах и питей-

²¹ «Колодники» – знаменитая песня каторжан. Музыка народная, слова А.К. Толстого.

ных заведениях. Среди духовенства, священников и монашествующих распространился слух, что бывшие служащие Богородицкого монастыря, изгнанные из обители матушкой Маргаритой за различные проступки, пьянство и блуд, в отместку похитили чудотворные иконы. Говорили также, что игуменья матушка Маргарита нерадиво относится к выполняемым обязанностям, проявляет беспечность в соблюдении монастырского устава и подборе людей, сама склонна к праздности и излишествам, что и привело в конечном итоге к столь резонансной краже.

Но слухи – слухами, а казанский полицмейстер Павел Панфилов времени даром не терял. Будучи человеком трезвомыслящим и рациональным, он повелел по горячим следам дать срочные объявления в казанских бульварных газетах о том, что за сообщение о краже и её предполагаемых организаторах назначается денежное вознаграждение в триста рублей. Заметку предваряло «Обращение к жителям», гласившее: «В ночь на 29 июня из Казанского Богородицкого женского монастыря злоумышленниками похищены чудотворная икона Казанской Божией Матери и Образ Спасителя в драгоценных ризах. Полицмейстер города Казани обращается ко всем истинно православным лицам с усерднейшей просьбой помочь в розыске Святых икон и винных в их похищении. Всякое указание, могущее послужить к розыску похищенного и обнаружению виновных, будет принято в любое время». Сумма денежного вознаграждения за счёт добровольных пожертвований благотворителей выросла и через несколько дней составляла уже четыре тысячи рублей.

Через два дня, 2 июля, в полицейское управление пришёл смотритель Александровского ремесленного училища Владимир Вольман и заявил полиции, что 22 июня 1904 года казанский золотых дел мастер, бывший армейский унтер Николай Максимов заказал в мастерской училища разжимные щипцы, оплатил их изготовление и забрал заказ 25 июня. Когда на экспертизу в ремесленное училище накануне принесли сорванный с двери Богородицкого храма замок, кузнец Александров спросил Вольмана:

– Господин смотритель, а не нашей ли машинкой этот замок сломан?

Смотритель Вольман после недолгих раздумий отправился в полицейское управление, на приём к Павлу Панфилову, где предположил, что именно изготовленными в ремесленном училище щипцами можно было взломать навесные замки при совершении кражи из Богородицкого монастыря.

В тот же день ювелира Максимова доставили в полицию. Поначалу Николай Максимов отрицал факт заказа щипцов, но после жестокого избиения в камере помощником пристава Смородским и околоточным надзирателем Тутышкиным и очной ставки с Владимиром Вольманом, он во всём сознался, сказав, что пошёл на этот шаг по поручению своего давнего приятеля Фёдора Чайкина, который угрожал ему смертью, если Максимов его выдаст. После допроса Максимова все силы казанской полиции были брошены на поиски Фёдора Чайкина, который к тому времени успел с сожительницей Прасковьей Кучеровой сесть на большой пассажирский пароход и уплыть в сторону Нижнего Новгорода. То, что Чайкин сел на пароход, показал именно Николай Максимов.

Перед отплытием на пароходе Фёдор зашёл ещё раз к кузнецу Айрату – Ерошке, и предложил ему купить разрезанные ризы.

– Вот, Ерошка, переплавишь куски в печи своей, и будет у тебя два слитка – золотой и серебряный.

Ерошка недоверчиво покачал головой:

– Откуда это, Фёдор? Не с тех ли икон, которые в монастыре украли?

– С икон, не с икон – тебе какая разница? Ты скажи, берёшь или нет?

– Нет, не возьму, Фёдор. Не обижайся. Нельзя так, запрещено нам, харам²².

– Что ты говоришь, Ерошка? Какой харам, какой запрет?

– Пророк, мир ему и благословение Аллаха, запретил покупать и продавать святыни христианства. А на Востоке Пророк Мухаммад вообще охраняемые грамоты монастырям православным выдавал. Мы хоть и мусульмане, но Ису и Мать его, Пречистую Марьям, чтим и любим. Про Ису и Марьям в Коране целая сура есть. Это золото на их изображение одевалось, поэтому – не куплю!

Фёдор зло, сквозь зубы рассмеялся:

– А, опять ваш Пророк. Околдовал он вас, что ли?

Ерошка очень серьёзно возразил:

– Пророк Мухаммад, мир ему, не колдун. Он Посланник Божий. Нет в мире Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – Пророк его. Не богохульствуй, друг, а то поссоримся.

– А, ладно. Посланник не посланник. Всё равно все помрём, раньше или позже. Поэтому – живи и радуйся, пей, гуляй вволю, а ты – харам, нельзя.. Ну ладно, Ерошка, как скажешь. Коль не хочешь покупать – неволить не буду. Бывай, не знаю, увидимся или нет. Завтра уезжаю я.

– Далекое едешь, Фёдор?

– А вот это уже как получится. Бывай, друг.

В ночь с 3 на 4 июля 1904 года в съёмной квартире доходного дома купца Павла Шевлягина, которую арендовал Фёдор с семьёй, казанским полицмейстером Панфиловым был произведён обыск. В квартире находились тёща Чайкина, Елена Ивановна Шиллинг, и приёмная дочь Женя Кучерова, к которым пришла целая толпа стражей порядка при исполнении.

Павел Панфилов, одетый в штатское, спросил:

– Елена Ивановна, где Фёдор Чайкин с вашей дочерью Прасковьей Кучеровой?

Елена Ивановна испуганно ответила:

– На извозчике вчера вечером выехали на вокзал. Сказали, что в Саров поедут поездом.

Полицмейстер эмоционально возразил:

– Какой Саров, матушка? А нам сказали, что он парходом поплыл вверх по Волге. И не стыдно вам врать, уважаемая Елена Ивановна? А ещё пожилая женщина. Задержать её!

Городовой спросил:

– Ваше благородие, а девчонку куда?

– Пока к приставам арестантским определи, пускай они за малой посмотрят. Скажи – приказ казанского полицмейстера.

Маленькая Женя расплакалась и вцепилась в подол платья Шиллинг:

– Бабушка, бабушка, не уходи! Отпустите, опустите бабушку! Дяденьки полицейские, отпустите!

Полицейские прятали глаза от слёз ребенка, но – приказ есть приказ.

А Фёдор, севший на пассажирский пароход американской системы с соответствующим названием «Ниагара», уже самонадеянно подумал было, что он вне подозрений. Чтобы сделать Прасковье приятное, он взял лучшую каюту первого класса, регулярно заказывал на пароходе шампанское, богатые обеды и ужины, одним словом, ни в чём себе и Прасковье не отказывал.

²² Харам (араб.) – греховные деяния, запрещённые исламом.

Вечерами пара прогуливалась на палубе и любовалась волжскими закатами. «Эх, хорошо-то как! – думал Фёдор, оглядывая волжские берега и обнимая любимую Прасковью. – Заживём теперь! Женю в университете выучим, по Европам поездим, мир посмотрим. Может, даже в Баден-Бадене в том самом казино поиграем, где тёзка мой, Фёдор Михайлович Достоевский, в пух и прах проигрывался».

Тем временем по результатам первого обыска в квартирах подозреваемых ничего из похищенных ценностей найти не удалось. Роскошный трёхпалубный пароход «Ниагара» с отдыхающими прибывал по расписанию в Нижний Новгород 5 июля. Полицеймейстер Панфилов дал срочную телеграмму из Казани своему коллеге, нижегородскому полицеймейстеру барону Александру фон Таубе с данными предполагаемых преступников. Полицеймейстер фон Таубе лично возглавил задержание преступников и по переданным приметам задержал на нижегородской пристани пассажиров первого класса Фёдора Чайкина и Прасковью Кучерову с поддельными документами. Когда пароход причалил к нижегородской пристани, то большая часть пассажиров сошла на берег. Фёдор с Прасковьей также сходили с трапа, к ним подошли двое в штатском и внушительных размеров городской. В засаде на пристани ожидало ещё с полдюжины полицейских.

Один из штатских обратился к Фёдору:

– Чайкин?

– Нет, милостивый сударь, не Чайкин. Я – Иван Ильич Сорокин, казанский купец, а это моя жена Мария.

– Документы покажи.

– Вот наши паспорта.

Полицеймейстер фон Таубе в штатском взял паспорта и зычно указал городскому:

– Спиридон, в участок их, до выяснения! Вы задержаны, господа хорошие. Узнаем, какие вы Сорокины.

– А вы сам-то кто будете?

– Разрешите представиться: нижегородский полицеймейстер барон Александр фон Таубе к вашим услугам. Лично приехал вас задерживать, а за что – вы и сами, наверное, знаете.

– Понятно, – Фёдор и Прасковья сразу как-то сникли.

– Подставил все-таки, чёрт проклятый. Дура я, связалась с тобой, босяком, – вполголоса зло бросила Прасковья Фёдору.

Тот мрачно промолчал, только желваки на лице нервно заиграли. Пришла в голову мысль: «Вот тебе и паутина, архаровцами сплетённая».

При детальном обыске багажа задержанных беглецов также никаких драгоценностей обнаружено не было. Нашли лишь новенький, купленный Фёдором уже после ограбления револьвер, да 500 рублей золотом и ассигнациями. Возник закономерный вопрос: где же похищенные богатства? При этом дознание против ювелира Максимова показало, что 2 июля тот продавал казанским мещанам жемчуг, очень похожий на тот, которым были украшены ризы краденых икон. Данное обстоятельство заставило казанского полицеймейстера Павла Панфилова произвести повторные обыски в квартирах подозреваемых Максимова и Чайкина, которые продолжались почти неделю. Жемчужины, найденные в результате обыска на квартире Максимова, а также изъятый у него алмаз были предъявлены монахине Богородицкого монастыря Варваре, состоящей многие годы на должности хранительницы иконы. Монахиня опознала их как украшения с похищенной чудотворной Казанской иконы Божией Матери.

Более значительные результаты дал проводившийся в течение четырёх дней подряд тщательный обыск на квартире у Чайкина. Полицейские, производившие обыск, обнаружили много драгоценностей, замурованных в печи и спрятанных в других потаённых местах. Из протокола обыска: «В квартире Чайкина были обнаружены куски пережжённой проволоки, 205 зёрен жемчуга, камешек розового цвета, обломок серебра с двумя розочками, 26 обломков серебряных украшений, 72 золотых и 63 серебряных обрезка от ризы, завёрнутые в рукав платья, пластинка с надписью: «Спас Нерукотворенный», серебряный убрus и другие подобные предметы. При осмотре преддиванного стола, стоявшего в зале, было замечено отверстие, выдолбленное в одной из его ножек, где оказалось 6 ниток жемчуга, 439 разноцветных камешков с риз, несколько серебряных гаек и обломков украшений. В чулане найдены ещё 3 жемчужины и серебряная проволока, в железной печи – 17 петель, 4 обгорелые жемчужины, кусочки слюды, 2 гвоздика, кусок обгорелой доски со следами грунтовок и позолоты, обгорелые кусочки материи»²³.

Кроме того, в квартире Чайкина были найдены плавильная лампа, роговые весы для взвешивания ювелирных изделий и черновик телеграммы следующего содержания: «Город Обоянь, Долженковская волость. Ананий Комов, выездной немедленно в Казань. Фёдор». В ближайшем овраге от дома купца Шевлягина послушницей монастыря Татьяной Хашевой в траве были найдены брошенные долото и ножницы для резки металла. Таким образом, дознанием подтверждался факт уничтожения драгоценных риз с украденных икон. 8 июля 1904 года в селе Долженкове Курской губернии был задержан поделщик Фёдора Ананий Комов. У него обнаружили старый револьвер, золотой медальон с девятью жемчужинами, а у его родственников – портмоне с крупной суммой в 540 рублей. Ананий был взят под стражу и доставлен в Казань в сопровождении полицейского конвоя. Напряжённость первых недель следствия усугубило анонимное письмо с угрозами по отношению к Богородицкому монастырю и Казанскому архиепископу Димитрию, которое 13 августа, во время следствия, получил по городской почте настоятель монастырского собора протоиерей Василий Братолобов: «Уведомляю Вас, батюшка, что в самом непродолжительном времени Ваш монастырь будет взорван, мины уж заложены, как бы не пострадали люди, позаботьтесь да и сами поберегитесь. Монашек же стоит пустить на воздух. Ничто и никто вас не спасёт, потому что проводники к минам заложены аккуратно. Хорошо будет, если во время взрыва попадётся архиерей Димитрий: но об этом мы позаботимся и угостим его на славу. Дело устроить возложено на нас троих, номера 17-й, 23-й и 28-й».

В ответ на это Казанское жандармское управление усилило надзор за местными социалистами, но ожидаемого взрыва так и не последовало. Возможно, это была лишь шутка подгулявшей студенческой молодёжи, хулиганская выходка в духе молодого лицеиста Пушкина. Но, может быть, это письмо несло в себе и реальную угрозу, ведь развитие социалистических идей в среде студенчества и учащейся молодёжи города в предреволюционном, 1904 году шло очень и очень быстро.

В подобной нервной обстановке требовались энергичные меры по расследованию обстоятельств кражи. Надо было как-то отчитываться на самый верх – Государю Императору и его приближённым. В результате, по материа-

²³ Елдашев А. М. Казанско-Богородицкий женский монастырь: Вехи истории <http://dearfriend.narod.ru/books/other/15/07.html#b59>.

лам спешно проведённого следствия, были допрошены и привлечены к уголовной ответственности шесть человек: крестьянин села Жеребец, Жеребцовской волости, Александровского уезда, Екатеринославской губернии, профессиональный вор Варфоломей Андреевич Стоян, он же Фёдор Иванович Чайкин, 28 лет; крестьянин села Долженкова, Долженковской волости, Обоянского уезда, Курской губернии карманный вор Ананий Тарасович Комов, 30 лет; мещанин города Казани, монастырский караульщик Фёдор Захаров, 69 лет; младший унтер-офицер запаса, ювелир Николай Семёнович Максимов, 37 лет; мещанка города Мариуполя Екатеринославской губернии, сожительница Варфоломея Стояна Прасковья Константиновна Кучерова, 25 лет; мещанка города Ногайска Таврической губернии Елена Ивановна Шиллинг, 49 лет.

Судебное заседание началось 25 ноября 1904 года в Казанском окружном суде, при участии двадцати присяжных заседателей, под председательством бывшего городского головы, члена Казанской судебной палаты Сергея Викторовича Дьяченко. Старшиной присяжных заседателей был избран профессор-правовед, будущий ректор Императорского Казанского университета Николай Павлович Загоскин. Было определено проводить заседания суда ежедневно с 10 до 24 часов с перерывами на обед и ужин.

Казанская почтенная публика приходила на заседания суда как на грандиозный спектакль, заранее запасаясь моноклями и веерами. В процессе судебных разбирательств преступники вели себя по-разному. Они хитрили, переваливали вину друг на друга, «путались» в показаниях. Чайкин постоянно препирался с Максимовым, Ананий Комов всё больше мрачно отмалчивался, ничего не отрицал и не подтверждал, лишь водил по сторонам вытаращенными глазами, женщины плакали. Сторож Захаров выглядел как будто с глубокого похмелья, казалось, он вообще не понимал, где находится. Незначительную часть драгоценностей, в основном жемчуг и полудрагоценные камни, украшавшие иконы, удалось вернуть. Но следов самих чудотворных икон и крупных драгоценных бриллиантов с риз обнаружить так и не удалось. Чайкин и другие обвиняемые то ли из-за страха перед Божьей карой за совершённое святотатство, то ли по каким-то иным мотивам упорно хранили молчание о самих иконах.

Прокурор Иван Покровский, представлявший в процессе обвинение, спросил Фёдора Чайкина:

– Подсудимый, назовите ваше имя?

Чайкин медленно, слегка рисуясь перед публикой – зрителями судебного заседания, – ответил:

– Имя, господин прокурор, у меня много, всех и не упомянешь.

«Прямо как у гадаринского бесноватого, – подумал про себя солидного вида священник, сидевший в первом ряду. – Имя мне – легион, потому что нас много»²⁴. Также священник обратил внимание на взгляд Фёдора Чайкина – колючий, как будто бы огненный. Когда Фёдор смотрел кому-то в глаза, его собеседник через какое-то время отводил свой взгляд в сторону, не выдерживал эмоционального давления. «Святотатец-то наш Чайкин похлеще многих! Наверное, такой адский взгляд у бунтовщика Пугачёва был», – таковы были мысли священника.

Прокурор недовольно продолжил:

– Подсудимый, не кривляйтесь! Отвечайте на поставленный вопрос по существу.

²⁴ Евангелие от Марка, глава 5, стих 9.

– Хорошо, господин прокурор. Я – урождённый Варфоломей Андреевич Стоян, крестьянин села Жеребец Александровского уезда Екатеринославской губернии, 1876 года рождения. Мне полных двадцать восемь лет. В деревне у родителей моих большое хозяйство, поэтому в детстве я много работал, но сызмальства не имел склонности к крестьянскому труду. Не моё это дело – за скотиной ходить. К кузнечному и токарному ремеслу, напротив, склонность имею. Поэтому в пятнадцать лет я сбежал от родителей в город, в Екатеринослав, немного поработал в кузне, но в рабочие не пошёл, а связался с шайкой известного вора Николая Грека. Наша шайка грабила людей по всему российскому югу, поэтому я проживал в разное время в разных городах, от Ростова до Одессы. Имею сожительницу Прасковью Константиновну Кучерову, мещанку, которую считаю своей женой, и падчерицу, дочь Прасковьи, Кучерову Евгению... С Прасковьей Кучеровой познакомился четыре года назад...

Прокурор продолжил допрос:

– Почему вы везде представлялись Фёдором Ивановичем Чайкиным?

– Мы с Прасковьей решили начать новую жизнь, поэтому после смерти Грека я завязал с воровскими делами, выправил себе новый паспорт на имя Чайкина и уехал с женой и дочерью в Казань. Чайка – птица вольная, на морях да реках живёт, ветер любит, свободу, летает – где хочет, вот и мы с южных краёв, с Мариуполя в Казань перелетели. Вернее – переехали. А потом к нам с Малороссии, с Таврической губернии, прибыла моя тёща, Елена Ивановна Шиллинг.

– А где прежний супруг Прасковьи Кучеровой? И почему она с ним не разведена?

Фёдор недоумённо пожал плечами:

– А мне почём знать? Я его и видел-то один раз всего, и то, когда в Мариуполе на рынке Прасковью заприметил. Она говорит – на заработки он подался в Москву, и ни слуху ни духу от него. Да и зачем мне его делами интересоваться? А то, что не разведённая она – так собиралась, каждый день об этом говорила, да всё некогда.

Прокурор Покровский не унимался:

– При обыске у вас было изъято четыре фальшивых паспорта на разные имена, в том числе паспорт подданного Австро-Венгерской империи. Ответьте – зачем вам понадобился паспорт иностранного государства?

На этот вопрос ответ был таков:

– Имею желание обчистить Ватикан, господин прокурор, говорят, кладовые там богатые. Да нет, шучу я так, шучу. Хотели мы с Прасковьей и дочкой по заграницам попутешествовать, да видно – не судьба. Очень хотелось мне в европейском казино в рулетку поиграть, как тёзка мой, Фёдор Михайлович Достоевский. Да и жизнь в Европах поспокойнее, чем на родной стороне. А у нас вечно – то война, то революция.

Когда допрос дошёл до сути дела, то, чтобы перевалить вину на ювелира Максимова, Чайкин говорил следующее:

– Я украденных икон не трогал. Вечером 28 июня я был дома, лёг спать часов в 8–9 вечера и ночью куда не отлучался. На второй или третий день после Петрова дня (29 июня) я купил за 750 рублей у ювелира Максимова, пришедшего ко мне на квартиру, две ризы с икон Спаса Нерукотворного и Казанской Божией Матери. Что иконы украл Максимов, я точно не знаю, просто могу предположить. Я знал, что иконы были похищены в Казанском монастыре, поэтому ризы были изрезаны ювелиром Максимовым и мною куплены уже изрезанными. Я укрыл ризы в печи, а камни и жемчуг с риз

спрятал в ножку стола. Похищенных икон не видел и в руках не держал. Сам я уже давно не ворую. Как в Казань приехал, так и завязал с дурными делами. Знаете – совестно человеку в одно и то же время в глаза смотреть и карманы его обчищать. Воровал лишь в молодые годы, в шайке у Грека, а вот скупкой краденого и сейчас промышляю, надо же как-то деньги зашибать, семью кормить. Скупщиком быть – оно честнее как-то.

На вопрос прокурора Покровского: «Помогали ли вам в сокрытии разрезанных риз сожительница Прасковья Кучерова и её мать Елена Шиллинг?» Фёдор ответил: «Нет, не помогали, так как были заняты приготовлением пищи на кухне». На следующий вопрос обвинителя: «А где бриллианты, которыми были отделаны похищенные ризы?» – Фёдор сказал: «Бриллианты с риз я снял и сложил в небольшую коробку. В коробке этой в нижнем ящике комода они лежали. Но пришла полиция, учинила обыск, и после этого камни исчезли. Среди своих ищите, господин прокурор. В тюрьме мне бриллианты без надобности».

И, немного помолчав, с самодовольной ухмылкой добавил:

– А если вы не найдёте, может, я и сам их потом найду? Ведь не век же мне на каторге сидеть.

Прокурор Покровский заседал на подсудимого:

– А всё-таки, где похищенные из Богородицкого монастыря иконы? Икона Спасителя и Казанская икона Божьей Матери? То, что на следствии ваша тёща Елена Ивановна Шиллинг показала, что вы иконы разрубили и сожгли в печи, – этот факт соответствует действительности? Что вы на это скажете?

Фёдор знающе покачал головой:

– Вы, господин прокурор, только попадите к нам в полицейский участок. Да чтобы вас там подержали сутки или двое. И вы после этого признаетесь, что собственноручно иконы с монастыря похитили. Как вломят вам урядники да приставы по голове сапогами кирзовыми – посмотрим, что вы запоёте. Тёщу там били, я точно знаю. А показания под битьём и пыткой – это, как и не показания вовсе. Повторю: икон не трогал и не видел даже. Ризы с икон Максимов мне принёс.

Ювелир Николай Максимов же утверждал прямо противоположное словам Фёдора:

– Кто украл иконы? Конечно же, Чайкин, которому помогал его давний дружок и подельник Ананий Комов. После кражи из монастыря Фёдор Чайкин на мои вопросы о судьбе икон сам сказал: «Я их порубил, побросал в печку, мать Елену Шиллинг заставил их сжечь. Она жгла и плакала – мамаша у нас плаксивая». После обильного застолья в его доме, под угрозами Чайкина и его жены я купил у него часть драгоценных камней и жемчуг. Я всегда боялся взрывного характера Фёдора, думал, что в приступе гнева он может меня зарезать. Чтобы Чайкину было удобнее скрыть следы преступления, я показал ему, как расплавляется золото, и получил от него часть жемчуга и драгоценных камней с риз, которые впоследствии продал.

– Кто вам угрожал после застолья у Чайкина? – спросил прокурор Покровский.

– Да оба они и угрожали. Сам Фёдор – револьвером, а жена Прасковья – ножом. К горлу нож мне приставила, – ответил ювелир и сделал характерный жест, приставив ладонь к своей шее.

– Да что ты врёшь, гнида! Не было такого. Если меня сдал – жену не тронь! – вскочил с места и закричал на Максимова Чайкин.

Тут же он получил от судебного пристава чувствительный тычок под рёбра. Ювелир Максимов предпочёл отмолчаться.

Ананий Комов воспринимался публикой как экзотический персонаж, отсталый, диковатый крестьянин, которого надо держать в клетке. Этаким «*Homo erectus*» – «Человек прямоходящий». Внешность Анания была под стать – здоровый, лысоватый, с крупной головой, массивной нижней челюстью и глубоко посаженными глазами. В его деле на характеристике какой-то полицейский чин красным карандашом приписал: «А. Комов – сущий питекантроп». В своей речи, состоящей в основном из коротких простых предложений, Ананий признался, что он профессиональный вор-карманник и приехал из Курской губернии в Казань «на гастроль». Только дела его не пошли, наверное, «воровского форта не было», поэтому он успел только встретиться со старым знакомым Чайкиным и быстро уехал обратно домой. Золотой медальон, изъятый полицейскими при задержании, подарил ему Фёдор «по дружбе», ведь он «прилично наживался, покупая краденые драгоценности у ювелира Максимова». На вопрос: «Откуда у вас при обыске взялась крупная сумма денег, 540 рублей?» – следовал ответ: «В карты выиграл, у кого – не помню».

Прокурор Покровский спросил:

– Зачем вам револьвер?

Ананий посмотрел по сторонам, на зрителей процесса и осклабился зверовой улыбкой:

– В нашем деле, господин хороший, без оружия никак нельзя. Дурных людей сейчас развелось много, того и гляди ограбят.

Зал дружно рассмеялся.

Главным свидетелем против Чайкина и Комова стала маленькая Женя Кучерова. Опрошенная дважды, как при дознании, так и в ходе следствия, проживавшая в одной квартире с Чайкиным и Прасковьей Кучеровой девятилетняя Евгения показала:

– Накануне Петрова дня, поздно вечером 28 июня, Чайкин ушёл из дома вместе с Ананием Комовым, каждый из них взял с собой револьвер. Я легла спать. После этого, проснувшись на рассвете, я увидела, что Чайкин рубит большим ножом икону Спасителя, а Комов топором – икону Казанской Божией Матери. Разрубленные иконы были положены в железную печь, после чего бабушка (Елена Ивановна Шиллинг) зажгла иконы и заплакала.

Дознаватель при проведении допроса спросил:

– Женя, ты сама, своими глазами видела, как рубили иконы?

Девочка поджала пухлые губки и страшно выкатила глаза, как будто хотела напугать собеседника:

– Нет, они рубили не в доме, а во дворе. Это бабушка мне потом сказала, что они иконы раскололи.

Также Женя видела, в этот раз сама, как Чайкин и Комов резали драгоценные ризы ножницами, а её мать выковыривала ножом зёрна жемчуга. Девочка также рассказала, что за несколько дней до этого они вместе с Чайкиным и Комовым ходили в город, где повстречали сторожа монастыря Захарова, по-дружески поздоровались с ним и долго разговаривали, шутили и смеялись.

Самого суда Женя не дождалась, её забрал у руководства арестантского отделения и увёз в Мариуполь внезапно приехавший в Казань родной отец Сергей. Поэтому на самом суде о деталях показаний рассказывал полицмейстер Казани Павел Панфилов:

– Девочку Женю до 13 июля я расспрашивал урывками, и она по поводу икон давала различные объяснения, которые в некоторой степени противоречили друг другу, выгораживали её мать и бабушку. 7 или 8 июля в связи с арестом близких Женя Кучерова была отдана на поруки смотрителю арестантского отделения. Смотритель пришёл ко мне и доложил, как девочка «по секрету» говорила ему, что «полиция икон никогда не найдёт», что «одна из них, Икона Спасителя, изрублена и сожжена», а «другую, Казанскую икону Божьей Матери, я выхватила, когда с неё стали срывать ризу и хотели её исколоть топором. Я сказала при этом: «Эта икона явленная, и пусть она будет мне благословением». Приёмный отец Фёдор Чайкин тогда «вырвал у меня икону и плюнул на неё», но маленькая Женя взяла полотенце, отёрла икону и сказала: «Я её спрячу». Чайкин с Комовым спросили: «Куда?», а она им ответила: «На полку». Чайкин с Комовым рассмеялись на это и сказали: «Ну, уж если прятать, то надо прятать дальше, а не на полку». С этими словами Чайкин с Комовым взяли железный ящик, положили икону на подушку и спрятали ящик в печку.

Когда мы стали проверять это показание девочки, то в печке ничего не нашли, а девочка спокойно сказала: «Должно быть, бабушка куда-нибудь ящик перепрятала». Также Женя Кучерова показала: «Чайкин говорил, что в Казань больше не приедет, и велел бабушке купить рогожи, запаковать круглый стол и кровать, и, когда обратно приедет мама, Прасковья Кучерова, то она скажет, куда их следует отправить». Затем девочка рассказывала, что в последующие дни после кражи все они ездили кататься по озеру Кабан на пароходе, ходили в архиерейский лес, брали с собой холщовый мешок, а оттуда возвратились поздно вечером и мешка не приносили.

Прокурор Иван Покровский задал Панфилову вопрос:

– Павел Борисович, как вы считаете, словам Евгении Кучеровой можно верить? Ведь она же несколько раз меняла свои показания. И когда она сказала правду – в первый раз, когда показала, что обе иконы сожжены, или во второй, когда сказала, что уничтожена только одна икона, Спасителя, а древняя Казанская икона цела и спрятана святотатцами?

После небольшой паузы, собравшись с мыслями, Панфилов ответил:

– Уважаемые суд и присяжные заседатели. Дорогой Иван Михайлович. Не забывайте, что перед вами ребёнок, девочка девяти лет от роду. Безусловно, несмотря на порочное окружение, в ней присутствует определённая наивность, здесь нет ещё искущённости и склонности к беспросветной лжи. Однако я считаю, что Женя Кучерова обладает весьма большой фантазией, и правду от невольной лжи из её уст отличить не представляется возможным. На фоне следствия, постоянных действий казанских полицейских, ареста родственников и пребывания самой Жени пусть в комфортных условиях, с питанием, но в арестантском тюремном отделении, у неё мог развиваться стресс. И ребёнок, ещё вчера игравший в куклы, в подобных условиях может нагородить такого, что в реальности не найдёт никакого подтверждения. Лично я не знаю, когда ей можно верить, а когда нет. Да, при ней Чайкин сказал Максимову, что «мамаша Елена Ивановна Шиллинг спалила иконы», плакала и жгла. И Елена Ивановна сказала внучке, что иконы были расколоты и сожжены. Но мало ли что можно сказать? Ведь сама Женя не присутствовала при акте святотатства. Я считаю, что на основании слов ребёнка факт уничтожения икон нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Иван Покровский был настойчив:

– Так почему же вы отпустили её?

Павел Панфилов раздражённо ответил:

– А где мне её в тюрьме содержать? Она же в любом случае в краже не участвовала. Ей всего лишь девять лет.

В суде нависла зловещая тишина. Затем председательствующий объявил в заседании суда перерыв до завтрашнего утра.

На следующий день суд по делу о краже икон возобновился. Защищала подсудимых группа казанских адвокатов во главе с молодым адвокатом из обрусевших шведов, Георгием Густавовичем Тельбергом, которому только-только исполнилось 23 года. Георгий Тельберг согласился защищать Чайкина и других подсудимых на правах бесплатного государственного адвоката после того, как несколько более опытных защитников под разными предлогами отказались от подобного опасного поручения. Тельберг ещё до начала судебных заседаний стал главным объектом нападок реакционной черносотенной печати. Позже он вспоминал: «Бульварные газеты так дружно переврали мою фамилию, что последняя трансформация в одном провинциальном издании выглядела следующим образом: «Известный еврей Шальберг нанялся за сто тысяч рублей защищать гнусного святотатца. Вся христианская адвокатура возмущена очередной еврейской наглостью». Будучи от рождения христианином, и притом очень кротким, я прямо испугался, не вызову ли я волны очередных еврейских погромов».

Присяжный поверенный, опытный адвокат Константин Лаврский защищал сторожа Захарова. Престарелый Фёдор Захаров в заключении испытывал колоссальное угнетение духа, крихтел, сильно кашлял в густую бороду, на задаваемые вопросы отвечал сбивчиво, с паузами, всё больше как-то несвязно мычал: «Я... Ну... Ммм... Ничего не видел... Не знал... Не крал... В монастырь никого не пускал. С Чайкиным знаком, но дел никаких с ним не имел».

Константин Викторович Лаврский, часто защищая в судебном процессе интересы крестьян и имея большой опыт в общении с малограмотным населением, говорил: «Уважаемые господа присяжные заседатели! Прошу вас учесть преклонный возраст моего подзащитного, его плохое самочувствие и прошлые ратные заслуги перед государством Российским. Ветеран войны с османами за освобождение братской Болгарии, герой битвы при Шипке и Георгиевский кавалер, он полностью невиновен и втянут в данное судебное разбирательство по своему доверию злоумышленниками...»

Защитники Прасковьи Кучеровой и Елены Ивановны Шиллинг – присяжные поверенные Дмитрий Ясевский и Никандр Миролюбов – тоже владели адвокатским ремеслом в совершенстве, несмотря на свою молодость. При защите Кучеровой адвокат Ясевский просил суд и присяжных учесть трудную судьбу Прасковьи, несчастный первый брак, необходимость материнской заботы о малолетней дочери, которую та растила без отца, желание найти в качестве подпорки сильное мужское плечо, которое в результате и было найдено в виде злоумышленника Фёдора Чайкина, втянувшего Прасковью в свои грязные дела. Прокурор Покровский расспрашивал Кучерову:

– Вы знали о возможной краже икон вашим сожителем Чайкиным?

Та сбивчиво отвечала сквозь слёзы:

– Нет, господин прокурор, я ничего не знала. Фёдор уходил куда-то в ночь перед Петровым днём, пришёл утром пьяный и принёс жемчуг.

– Он пояснил, где раздобыл этот жемчуг?

– Да, сказал, что купил у ювелира Максимова.

– А иконы? Вы видели похищенные иконы?

– Нет, господин прокурор, ничего не видела. В полиции меня запугали, мне сделалось дурно. Показаний, которые я давала следователю, я не помню.

Может, и наговорила чего лишнего, но это от своего безумного состояния и от испуга.

Грамотный юрист, приват-доцент Казанского университета Никандр Иванович Миролюбов делал упор на незнание его подзащитной – матерью Кучеровой, Еленой Ивановной Шиллинг, всех обстоятельств гнусного злодеяния. Он говорил о том, что Елена Ивановна была фактически поставлена перед фактом похищения икон и не могла донести на злоумышленников в полицейское управление из-за страха перед зятем и его подельником Ананием Комовым. Сама Елена Ивановна Шиллинг плакала и, артистично заламывая руки, говорила Покровскому:

– Батюшка... Господин прокурор, не погуби! Били меня в полиции, били. Ножнами от шашки лупили, изверги, поэтому и оговорила я зятя. И себя оговорила. А ведь если по правде сказать, то – ничего не видела, ничего не слышала. И никаких икон я не жгла. Я человек православный, без того, чтобы сотворить крестное знамение, и за стол-то обеденный не сяду. Полиция во всём виновата, урядники проклятые.

Женщины были действительно сильно напуганы слухами о том, что Чайкина и Комова приговорят к смертной казни, а им, как главным соучастникам преступления, дадут большой срок в каторжной тюрьме. Они почти постоянно рыдали, утирали слёзы платками и вызывали сочувствие у эмоциональных зрителей судебного заседания. Елене Ивановне поверили и про побои, так как до этого всплыла история с избиением в полицейском управлении ювелира Максимова. Что с них взять-то – держиморды околоточные. Пришлось казанскому полицмейстеру Павлу Панфилову изрядно покраснеть за своих подчинённых.

Но талантливее всех на суде выступал, безусловно, защитник Фёдора Чайкина Георгий Тельберг. Метод его защиты строился на обличении пороков общественной жизни в царской России:

– Уважаемый суд. Уважаемые господа присяжные заседатели. При вынесении приговора моему подзащитному Чайкину-Стояну прошу учесть, что на порочный характер его и склонность к совершению преступлений повлияли трудное детство и то обстоятельство, что уже в молодые годы он связался с дурной компанией. Если бы в нашем обществе с трудными юношами полноценно работали государственные службы, если бы была возможность у человека порочного круга вырваться за его пределы, получить достойное образование и сделать карьеру, то сегодня мы бы видели Фёдора Чайкина служащим какого-либо учреждения или преподавателем университета. Но мы знаем, что забота в государстве российском о населении, о простых людях, не принадлежащих к знати, довольно скупа. Так как Чайкин, по сути, стал жертвой общественных отношений, то у него не было иного выбора, как стать вором и преступником. Жалко, господа, очень жалко и прискорбно, что мы имеем дело с последствиями тяжёлой жизни людей и не можем повлиять на причины их падения.

Наиболее впечатлительные зрители судебного заседания аплодировали речи адвоката Тельберга стоя. Сам граф Лев Николаевич Толстой, автор романов «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение», внимательно следивший за ходом судебного процесса, прислал Тельбергу телеграмму-поздравление «за дух искренности и человечности, который так редко бывает в адвокатских речах». Хотя многие знакомые и осудили адвоката за защиту святотатцев и даже перестали с ним общаться, Георгий Тельберг честно выполнил свой профессиональный долг. Благодаря его пламенным, проникновенным речам, вместо ожидавшейся публикой и всеми право-

славными Российской империи смертной казни Фёдор Чайкин получил всего лишь 12 лет каторги. Анания Комова осудили на 10 лет. Николай Максимов как виновный в укрывательстве и сбыте краденого был лишён звания отставного унтер-офицера и приговорён к ссылке в исправительные арестантские отделения сроком на 2 года 8 месяцев. Прасковью Кучерову и Елену Шиллинг как виновных в дононительстве и сокрытии краденого суд приговорил к 5 месяцам 10 дням тюрьмы каждую. Ветеран войны и Георгиевский кавалер сторож Фёдор Захаров был оправдан.

Казалось бы, всё – справедливость восторжествовала. Тем не менее по результатам судебного заседания и вынесенного приговора были очень большие вопросы. Начнём с того, что никто из обвиняемых толком своей вины так не признал, на суде все отказались от показаний, данных при проведении следственных действий. Далее – если оправданный сторож Фёдор Захаров показал, что видел четырёх напавших на него – кто были ещё двое? Почему их не искала полиция? Или же сторож был в сговоре со злоумышленниками и врёт? Почему монахини монастыря в роковую ночь не слышали никакого шума при ограблении, а услышали лишь вопли связанного сторожа? Где спрятаны бриллианты с похищенных икон, подаренные в былые времена государями российскими? Ведь нашли только жемчуг и часть самоцветов да небольшие куски разрезанных риз, а бриллианты, крупные, чистые, сияющие, так и не были найдены. По описи драгоценностей, которыми была украшена риза Казанской иконы Божией Матери, на ней находилось 832 изумруда, около 600 бриллиантов, 300 яхонтов, масса других ценных камней, на ризе были ещё не вделанные в неё золото и бриллианты величиной до 7 карат. Так куда же они делись?

И остался неясным самый главный вопрос: а где же сами похищенные иконы? Факт сожжения икон строился на показаниях малолетней Жени Кучеровой, но были и те, кто сразу же высказал сомнения в правдивости её показаний. Полицмейстер Панфилов на суде призывал не доверять словам девочки. А по словам государственного обвинителя – прокурора Ивана Покровского, всё же приходится смириться с тем, что древние иконы уничтожены святотатцами: «Как ни тяжело, как ни безотрадно это, но надо признать, что святые иконы сожжены».

Чем больше загадок, тем больше пересудов. Снова древняя Казань стала наполняться слухами. Один слух был нелепее и чудовищнее другого, но этим слухам верили. Как писал в своё время Николай Лесков: «Русь крещёная, но не просвещённая». Азарт кладоискателей и дикие суеверия овладели горожанами. Одному монаху в Зилантовом монастыре приснился сон – лик Богородицы, присыпанный чем-то красным. Он среди ночи вскочил с постели и побежал к братии. После его рассказа другой монах крикнул: «На холме красная глина, там икона Богородицы спрятана». Монахи вооружились лопатами, перекопали весь холм, но так ничего и не нашли.

Потом по городу пронёсся слух, что икона закопана во дворе дома, где жил Чайкин с семейством. Толпа побежала туда, перекопали все окрестности – и во дворе, и рядом, все закоулки, тропки и овраги – но также ничего не обнаружили. Очевидец, живший неподалёку от холма, вспоминал: «Я видел эти поиски, мигание фонарей во мраке, слышал людские возгласы надежды и отчаяния и чувствовал, что эта многочисленная толпа находилась в опасном, фанатичном состоянии. Казанская полиция не вмешивалась в эту бессмысленную работу». Говорили также, что к краже святых икон причастны японцы, их Генеральный штаб. Хотели-де японцы подорвать русский дух и получить перевес в войне на восточных рубежах. Вот и подослали людей

в Казань – выкрасть икону. А какая связь может быть между вором Чайкиным из Екатеринослава и японскими генералами – это казанцев не волновало.

В дальнейшем слухи и фантазии народные пошли дальше. Чудотворная Казанская икона Божией Матери стала «объявляться» не только в самой Казани. Как сообщало 24 июля 1904 года издание «Казанский Телеграф» со ссылкой на ежедневную газету «Русское Слово»: «Рано утром 13 июля среди жителей «Гор» (окраина Саратова) пронёсся слух, что на Соколовой горе явилась икона Казанской Божией Матери. Одни говорили, что это та самая икона, которая украдена на днях из монастыря в Казани, другие утверждали, что это «новоявленная» икона. Верующие собрались и увидели, что на самой вершине Соколовой горы кем-то был поставлен «обыкновенный крест из листового железа, окрашенный под берёзу», в середине которого находился «небольшой киот, а в последнем – икона Казанской Божией Матери, написанная на кипарисовой доске». Появление иконы вызвало в городе большой религиозный ажиотаж. Икона, «по распоряжению местных духовных властей» была «взята в церковь», а полиция в связи с «таинственными обстоятельствами её обретения» начала расследование, итоги которого в газетах так и не были опубликованы.

Явление Казанской иконы на Соколовой горе в Саратове? Поверить трудно, но возможно. Ведь ближайшие родственники Шамовых торговали зерном и лесом в Самарской и Саратовской губерниях, а родная племянница Якова Филипповича и Аграфены Хрисанфовны, Евдокия Николаевна (Дуня), держала всю рыбную торговлю на Верхнем рынке города Саратова²⁵.

Попала под подозрение и сама купчиха Шамова. Нашлись те, кто дал против неё показания. Однако собранных полицией улик оказалось недостаточно, чтобы назначить в доме Шамовых обыск. Подозрения с Аграфены Хрисанфовны власти вынуждены были снять. Она продолжила активно заниматься торговлей и благотворительностью и по-прежнему жила в большом почёте.

А спустя одиннадцать лет, в 1915 году, когда уже всю пылала Первая мировая война, история получила продолжение. 7 октября из Читы военный губернатор Забайкальского края, генерал-лейтенант Андрей Кияшко направил на имя курского наместника Николая Оболенского секретную телеграмму: «Довожу до вашего сведения, что отбывающий наказание в Кутомарской тюрьме Нерчинской каторги ссыльнокаторжный Михаил Блинов сообщил священнику тюремной церкви, отцу Алексею Златковскому, что ему известны участники ограбления монастыря с чудотворной иконой Божией Матери, оставшиеся не обнаруженными судебным следствием, а также место хранения самой иконы в пределах Курской губернии». Телеграмме поверили, ведь из Курска родом был Ананий Комов. Спустя месяц виновника переполоха, Михаила Блинова, доставили в Курск и сразу же определили в губернскую тюрьму. В город в начале декабря 1915 года в сопровождении свиты прибыла Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, которая руководила поиском иконы, к поискам подключился бывший тверской губернатор, князь Алексей Ширинский-Шихматов. Блинова допрашивали, но ничего вразумительно рассказать он не смог. Поиски в Курске продолжались несколько месяцев и не дали никаких результатов²⁶.

²⁵ Другие Шамовы urzhum.clan.su/fr/3/2897154.pdf

²⁶ Курский след похищенной Казанской иконы Богородицы <http://www.dddkursk.ru/number/642/planet/000671>

Так же не таясь говорили православные и о роли старообрядцев в краже святых икон. В первую очередь подозревали видных членов известных старообрядческих семей в Казани, представителей поморского согласия. Кивали и на белокриницкое старообрядческое согласие, правящее в Москве. Многие вслух называли заказчиками староверов с Рогожской слободы в Москве, говорили о Рогожском кладбище как о месте, где спрятан образ Пресвятой Богородицы. Вспомнили, что икону хотел выкупить известный представитель старообрядчества, московский купец Савва Морозов. Поговаривали: Чайкинде, когда украл, продал икону как раз старообрядцам, ведь она была явлена и стала чудотворной ещё до раскола в Русской Церкви. Мол, известно, как староверы охотились за древними книгами, за старинными иконами, которые, по их мнению, истинные и написаны до церковного Раскола, до безбожных патриарха Никона и царя Алексея Михайловича²⁷. Но были и те, кто утверждал: «Подозревать раскольников в данной краже бесчеловечно. Они-то – самые ревностные хранители церковных заветов – и вдруг решились на такое преступление? С какой целью? Чтобы иметь в своих молельнях древнюю икону? Но ведь присутствие иконы будет немедленно обнаружено».

Так куда же всё-таки делись похищенные иконы? Были ли они надёжно спрятаны или их уничтожил огонь в печи? Это была великая тайна, которую знал лишь сам Чайкин. О своих планах Фёдор предусмотрительно помалкивал, боясь подвести под уголовное дело близких людей. Ни Ананий Комов, ни Прасковья Кучерова, ни тем более маленькая Женя ничего не знали ни об истинных мотивах, ни о дальнейших действиях Фёдора. «От малого опасения – великое спасение. Один знает – тайна, двое знают – полтайны, трое знают – нет тайны. Нет совсем. Будешь болтать – кто-нибудь да выдаст, так и до жареного дойдёт», – так думал Фёдор про свои дела. Большая сумма денег, наиболее крупные бриллианты в небольшом мешочке, крупные куски золота и серебра с риз были спрятаны Фёдором на Арском кладбище, в одном из заброшенных склепов.

А следом уже наступал тревожный 1905 год с его последующими кровавыми событиями. Грянула первая русская революция – народная стихия, беспощадный бунт против царского угнетения, засилья иностранцев, бунт против расстрелов мирных демонстраций, против казней крестьян, против грабежа дворянами да помещиками родной страны.

Дело о похищении икон в Казани продолжалось вплоть до 1916 года, однако все поиски были безрезультатными. Розыск был прекращён по личному настоянию «царского друга», старца Григория Распутина.

Продолжение следует.

²⁷ «Великое горе, постигшее Казань и всю Россию...» https://ruskline.ru/analitika/2020/02/16/velikoe_gore_postigshee_kazan_i_vsyu_rossiyu.

**Татьяна
ЯРЫШКИНА**

ПУТЬ ДУШИ

ДОМ

Каждое утро выходишь из дома и
Вновь запираешь на ключ одного –
Спрятанного, никому не знакомого,
Даже соседям, – себя самого.

Будничною лихорадкой охваченный,
В массах затерянный – это не ты..
Сущность твою бережёт нерастраченной
Дом, где её отстоялись черты.

И – как ни занят житейским и жизненным –
Ты возвращаешься снова домой,
Где неизменно становишься истинным,
Тайным для всех.
И самим собой..

ДОМОЙ

Стало слишком тесно мне с собой.
А куда пойду, к кому другому?..
Почему-то хочется домой –
Именно тогда, когда я дома.

Надо выбираться из себя..
Сразу станет легче и светлее.
Кажется, что я уйду – любя,
Хоть любить-то, правда, не умею.

-
- Татьяна Ярышкина родилась в городе Котласе Архангельской области. Печаталась в литературных альманахах «Белый бор», «Переключка», «Невский альманах», «Вятка литературная», «Земляки»; в журналах «Знай наших», «Арт», «Мир Севера», «Ротонда», «Начало века», «Волга–XXI век», «Традиции & Авангард», «Байкал», «Сибирский Парнас», «Подъём», «Берега», «Москва», «Нижний Новгород», «Рукопись», «Дальний Восток», «Сибирь», а также в ряде газет. Подборки стихов были опубликованы на сайте «Русский писатель», а также на сайтах журналов «Невечерний свет», «Русская народная линия» и на сайте газеты «День литературы». Является автором трёх стихотворных сборников: «Дуэль» (2017), «Верблюжья мотивы» (2019) и «Залог выживания» (2022). Стихи вошли в шорт-лист VI Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2018). Член Российского союза писателей.

Может быть, уйду – к себе как раз,
Где-то спрятанному, но родному.
Оттого ли дома мне подчас
Хочется домой, что я – не дома?..

Учат, как надо жить, – не тому совсем
Учат, что нужно мне. И дают советы.
А на вопрос главнейший – вопрос: «Зачем?» –
Я до сих пор найти не могу ответа.

Или, вернее, вижу его не в том,
Что говорят. Такому никто не учит,
Будто оно отложено на потом..
Я не могу откладывать.
Мне бы лучше

Прямо сейчас – пока под рукой тетрадь,
Сердце пока притихло и бьётся сносно –
Прямо сейчас учиться, как умирать.
Чтобы однажды не оказалось поздно.

ДО ТЕБЯ

Ты – берег, никак до которого не доплыву:
Относит течением дней.
Ты – сон мой, никак не сбывающийся наяву,
В бессоннице дум и страстей.

Ты – Слово, никак не постигну которого суть
Среди громогласия слов.
Ты – нота, не взять мне которую, не дотянуть:
Ни слух мой, ни дух не готов.

А надо, как скрипку, настраивать струны души –
И взять эту ноту суметь.
А надо отринуть слова – и в сердечной тиши
Принять это Слово и спеть.

А надо будить свою жизнь, её лишь одну –
Не думы о ней – возлюбя.
И может, осилю течение, не утону,
Дерзая доплыть до Тебя.

ЧТО ПРЕВЫШЕ

Не легче, но терпимее беда.
Не меньше, но терпимее потери.
Душа моя, решишь терпеть всегда.
И раз надежды нет – учиться вере.

И чтобы стала постижима суть
Того, в чём вера всё-таки превыше
Любых надежд, сначала позабудь
Свой ропот, если даже он услышан.

На отклик не надейся... Не о том
Раздумывай, когда же лучше станет.
Стань лучше – ты!
Об этом об одном
Молись своими грешными устами,

На снисхождение не надеясь. Верь,
Что перетерпишь, если будет хуже –
А будет! – от беды и от потерь.
И Бог услышит, что тебе Он нужен.

ПУТЬ ДУШИ

Будущего нет, как ни крути.
Есть вот этот настоящий час –
Плотно сжатых губ, открытых глаз...
И пока закрытого пути.

Вся душа – в коротеньком «пока»,
Без которого она умрёт
Лишь от мысли: нет пути вперёд.
Путь необходим. Наверняка.

Открываю книги, словари –
Задаю движение душе.
Больше нет «пока», как нет «уже» –
Только час, когда душа горит.

И её горенье – это путь.
Путь, куда вовек открыта дверь;
Путь куда-то выше, чем теперь.
Будущего нет – и не свернуть.

ПОКЛОНЮСЬ

Поклонюсь до самой до земли –
Той земле, что примет навсегда.
Сколько мы с тобой по ней прошли,
Вслед за мной упавшая звезда!

Вслед за мною ты стремишься ввысь –
К дому Отчему, на Небеса.
Но склонись, моя звезда, склонись
До земли – пред волею Отца.

И – Его Небес, Его земли...
Нас с тобою Он пока не взял,
Чтобы мы, звезда моя, дошли
До конца паденья и смогли
Вознестись к Началу всех начал.

Ведёшь через быт меня –
Сквозь будних дней вереницу,
Ничем незаметных дней.
Казалось бы, безнадежных...

Но я пытаюсь понять,
О Господи, что случится
С душою ждущей моей,
Поверившей: всё возможно.

Ведёшь через суд меня –
Людской пересуд поспешный,
Что правды не различит,
А в кривду переиначит.

Но я пытаюсь понять,
Ты как с душой многогрешной
Поступишь, когда смолчит,
А правду Тебе проплачет.

Когда проведёшь меня
Горнилом горя и смерти,
Которыми столь полна
Любви осуждённой бездна,

Смогу до конца понять,
Насколько Ты милосерден,
Поднявший меня со дна
Надеждой, что я воскресну.

**Александр
РЫЖКОВ**

НАЧАЛО ПУТИ

От Бога бежал, но всё же молился
И чистил от патины пальцами крест.
К началу пути опять возвратился
Сквозь омут кругами протоптанных мест.

Чем дальше петляли хромые дороги,
Тем реже встречал верстовые столбы.
Уверен был: здесь не пройдут скоморохи,
Не выронят песню из медной трубы.

Мне трудно дышалось от каждого шага,
Но не был паломником горних вершин.
Пустые слова не прощала бумага,
И взгляд оставался в кавычках морщин.

Пусть крутится мир под босыми ногами.
К началу пути неизбежно вернусь.
Себя отыскать, не блуждая кругами,
Как странно... о том и сегодня молюсь.

МЫС РОЖНОВ

Небо и море
смыкались вдали,
туда тихо шли
облаков корабли.
Зябко дрожит
бирюзовая вязь,
с берегом тонкая
держится связь.
Редкое место –
орлиный простор.

-
- Александр Михайлович Рыжков – руководитель Рыбинского отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России. Лауреат Ярославского областного литературного конкурса им. Н. А. Некрасова. Финалист премии А. И. Казинцева в номинации «Открытие», один из организаторов Всероссийского фестиваля «Солнечный круг» им. Л. И. Ошанина. Член Союза писателей России.

Рядом тот город,
где мост и Собор.
Гулко шумит
пустота на ветру.
Развейте здесь
прах мой,
когда я умру.

Ночь.
Пустующие платформы.
Воздух в плацкарте,
зажатый тисками.
Дерево причудливой формы.
Свет выдирает
пространство кусками.
Сон не пришёл,
пришло вдохновение.
Нас не поймать
в оконном пункте.
Мною написано
стихотворение
в этой железной
коммунальной
квартире.

За окнами высится храм
С колоннами и куполами.
В квартире потёртый диван,
Стол письменный между шкафами.
Вещами заваленный стул,
Да стопками связаны книги,
Бесформенный пыльный баул.
Икон невесёлые лики.
На полке пылится стакан,
В нём горстка рублей и копеек.
Соседствует старый варган
С будильником без батареек.
Шкатулка, в неё со всех мест
Реликвии клались годами.
Кольцо в ней, серебряный крест,
Монеты лежат с орденами...
Здесь брошены на пол ковры,
Они прослужили полвека.
Портрет одинокой норы...
Но жаль, больше нет человека.

ФЕСТИВАЛЬ ИМЕНИ Л.И. ОШАНИНА

В мае 2023 года в Рыбинске прошёл второй Всероссийский литературный фестиваль «Солнечный круг» имени Л.И. Ошанина, поэта, автора многих известных песен: «Дороги», «Течёт Волга», «Песня о тревожной молодости», «Пусть всегда будет солнце», «Я работаю волшебником» и других. Кроме этого, Лев Иванович Ошанин многие годы воспитывал творческую смену как профессор Литературного института им. А.М. Горького.

На совещание молодых литераторов – основную часть фестиваля – собралось более двух десятков талантливых авторов стихов и прозы, отобранных по конкурсу, из Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Петрозаводска. Приняли участие в нём и рыбинцы. Провели обсуждение опытные мастера, члены Союза писателей России.

Журнал «Волга–XXI век», откликаясь на предложение организаторов фестиваля, публикует подборку стихотворений лауреатов и финалистов конкурса.

ОБЛАКОВ СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ...

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

**Мария
ТУХВАТУЛИНА**

Река не замерзала: полынья
Как зеркало небес, сквозная рана.
Пока не поздно – прочь от воронья,
От дел чужих, от синего экрана,

-
- Мария Адильевна Тухватулина (Скуба) родилась в Рязанской области, живёт в Москве. Филолог, выпускница РГУ им. С. А. Есенина. Финалист премии «Лицей» (2023), финалист конкурса «Филатов Фест» (2017) и суперфиналист Чемпионата поэзии имени Маяковского (2017). Лауреат I степени литературного фестиваля «Солнечный круг» имени Л.И. Ошанина (Рыбинск, 2023). Стихи публиковались в журналах «Литература», «Бельские просторы», «Александръ», «ЛИФФТ», в альманахе «Образ».

Чтоб чувствовать, что время потекло
Не вспять, но неудобным новым руслом,
Чтоб лезвие ли, острое стекло
В нём стало словом, сказанным по-русски.
Там ангел перережет провода,
Задёрнет золотую занавеску
И в тишине, наставшей навсегда,
Блокадный хлеб запьёт водой крещенской.

Ждёт новостей межзвёздная газета,
но где слова для этого возьмём:
как девочки скитаются по свету,
как мальчики ложатся в чернозём?
Уже давно багровые чернила
у высшей канцелярии в ходу,
и буковки, что ими настрочили,
читают и на небе, и в аду.
— Не брат ты мне. —
А правда в чём? И сила?
Кто хронике цитату даст взаём,
чтоб в мае наступающем Россия
лишь семена роняла в чернозём?

Обратный билет тяжелее ракушки со дна,
Он более явен в кармане, чем крапчатый камень.
Вся соль, мелкий жемчуг и пены морской седина,
Что воды копили, песчинка к песчинке, веками, —
Всё чуется в ветре, что точит усердно скалу.
О, самый искусный и замыслу преданный скульптор!..
Пускай чудеса поджидают на каждом углу,
Весь катарсис твой — это нынче не приступ, а ступор.
И как ты ни праздную знакомство с самою собой,
Чьи песни и планы в ручной помещаются клади —
Билет изомнёшь, но не сдашь. Возвращенье домой
(Над пляжем всё так же тягуче: «Креве-э-этки, рапа-а-аны», —
Всё те же деревья растут, отражаясь в воде) —
И стены глядят на твои обгоревшие плечи.
Ты помнила, ты знала? Дом — везде.
Что остаётся временным вещам — быть ближе к вечным.

Что происходит с нами в ноябре
Помимо кутерьмы обмена снами?
В гирляндами увешанной норе
Пережить разлуку с чудесами,
Остывший чайник снова вскипятить,
Коту насыпать вискаса побольше,
Стоять, проснувшись около пяти,
У мёрзлого окна. Какой хороший
Сюжет приснился. Будто никому
Снег первый не становится последним,
Следы не устремляются во тьму.
Меж крайностей разжиться чем-то средним,
Без тех, по ком скучаешь в ноябре,
Со всеми, кто откликнется в Сочельник.
За стёклами меж мутных фонарей,
Двор сторожащих, – ангел на качелях.

НАЛЕГКЕ

М. Леонтьевой

Глаза сомкнёшь – услышишь, как трава
Пускает в ход новёхонькие силы,
Крадутся чьи-то сны, звенит трамвай...
Весна-весна, ну где тебя носило?
Мы ничего с собою не возьмём
В зеркальный лабиринт, седьмое царство –
Когда режим «реальность» упразднён,
А сказка – рецептурное лекарство.
Среди чудес нечаянных и лиц
Открытых позабудешь, чем был ранен.
Сокровищ всех – былинки меж страниц,
Берестяная дудочка в кармане.

Екатерина ГОДВЕР

Однажды нам покажется, что – кончено.
Что наше время, время колокольчиков,
Рингтоном отзвучало по распутице:
Пускай теперь сама планета крутится!
Нехай с неё ножом снимают кожу –
Без нас пиры и скорби приумножатся,
Другие пусть ликуют и куражатся.
Однажды нам покажется. Покажется...
Согрелись в мягких креслах мы под пледами.
Но брызжет ночь из-под копыта медного,
И колокол над сонною Отчизною
По каждому звонит, отлитый сызнова.

Блуждая в потёмках души,
Смотрю на следы и зарубки.
Кусочек оранжевой губки
К осеннему небу пришит:
Впитает он слякоть и дождь,
А в озере, чёрном и мелком,
Отмоет луну, как тарелку,
И остро заточенный нож.
Обманчив житейский покой
И тихая прелесть пейзажа;
Костра неостывшая сажа
Приглажена лёгкой рукой.
Травой зарастают следы,
Но в небе, прозрачном и хрупком, –
Кусочек оранжевой губки
Чернеет от мутной воды.

-
- Екатерина Андреевна Годвер (Богомолова) родилась и живёт в Москве. Клинический психолог, преподаватель, фантаст, мастер FIDE по шахматам среди женщин. Лауреат премии «Северная Звезда» журнала «Север» (2022), лауреат и финалист всероссийских поэтических конкурсов и фестивалей: «Хрустальный родник» (г. Орёл), «Солнечный круг» имени Л.И. Ошанина (г. Рыбинск, 2023), девятого фестиваля молодой поэзии «Филатов Фест» (2023). Член Союза писателей России. Стихи публиковались в журналах и альманахах «Север», «Александръ», «День и ночь», «Российский колокол», «Южный маяк», «45-я параллель».

На лёд, присыпанный снежком,
Ступает голубь сизый.
Топорщит хвост, идёт пешком
По скользкому карнизу,
Глядит в окно на жёлтый свет,
На ходики с кукушкой,
На облетевший сухоцвет
И хлебную горбушку.
Пора ему сорваться вниз,
В метель, расправив крылья;
А он ступает на карниз,
Где в снежно-звёздной пыли –
Цепочка маленьких следов
От края и до края.
И лампы жёлтый ободок
Горит, но не сгорает.

Спичка догорела.
Спичка, не свеча.
Виданое дело,
Малая печаль.
Слёзы восковые
Капают по другим.
Глаз моих не выел
Чёрно-сизый дым.
Строки грозовые
Блещут и гремят.
Молча неживые
Смотрят сквозь меня.
Падает кавычка
В смутном далеке.
Знаешь, сколько спичек
В каждом коробке?

Умолкли псы сторожевые
За крайней хатою.
Я не жила в сороковые.
Живу в двадцатые.
И мне стоять за свой авось,
За честь мещанскую.
За всё, что в прошлом не сбылось,
Пройти гражданскую.
Запомнить лица мне живые,
Поля несжатые
И новояза клёкот лживый –
За крайней хатою..
Когда вобьют последний гвоздь

В ухмылку панскую,
Угаснет боль, остынет злость,
Осядет стансами
Про тихий Дон, Днепровский плёс,
Салют на улицах..
Всё то, что прежде не сбылось, –
Однажды сбудется.

Мария ЛЕОНТЬЕВА

Вода накроет ветхие ступени,
Сад молчаливый, чёрный и чужой.
И ты молчи, когда не слышно пения.
Молитвы над бедовой головой
Прносятся, но крыльев не раскроют.
Сухое слово трётся об язык.
Приходят мысли разные по двое,
Прносятся столетья, как часы.
И, в небо ударяясь, тихий шелест
От крыльев возвращается туда,
Где прежде очень многого хотелось,
Где нынче – неподвижная вода.

Снег вращает в ночь

Н. Сырцова

Мы ехали дорогой кольцевой.
Метался снег и бился в лобовое,
Лес встал одной оставшейся стеной,
А сверху небо падало стальное.
На каждой ветке мёртвый спал снегирь,
Сжималось время в разные фигуры,
Резные буквы шли в конец строки,
Где цифры с настоящим развернули
Неслышный спор. Снег выростал во тьму
Мелодией, где музыкант без вдоха
Ходил по кругу, и вослед ему
Кивала уходящая эпоха

-
- Мария Анатольевна Леонтьева родилась в 1988 году в Ленинграде. Участница Старо-ладожской археологической экспедиции, младший научный сотрудник ИИМК РАН. Стихи выходили в журналах «Урал», «Звезда», «Аврора», «Дети Ра», «Нижний Новгород» и других. В 2021 и в 2022 годах принимала участие в работе Форума молодых писателей «Липки». Автор книги стихотворений «Свили». Дважды лауреат фестиваля имени Л. И. Ошанина в Рыбинске. Живёт в Санкт-Петербурге.

С поблекших фотографий, из-за мглы.
И жизнь своё, как память, диктовала.
Снег сглаживал провалы и углы,
И время шло, из прошлого – в начало.

Выцвел флаг над ветхостью забора,
Солнце стало мушкой в янтаре,
Улицей иду как коридором,
Тянущимся в вязкой полумгле.
Сквозь времён раскинутые сети
Я сама себя не узнаю:
Мало ли похожих лиц на свете,
Много лиц у бездны на краю.
В интернет, который недоступен,
Не отправить вовремя портрет:
Облако с проталинами вкуче,
Человек, которого здесь нет.

Проглотить обиду как таблетку,
Видя отъезжающий состав.
В свой рукав уткнуться как в жилетку,
Что-нибудь обидное сказав
Про «не будет больше пониманья»
И «не повторится ничего».
Облаков Священное Писание
Развернулось над седой Невой.
Мы его с любой начнём цитаты,
Из любой страницы почерпнём:
Облака высокогорной ваты,
Смысла беспокойный водоём.
На любом проткнувшем солнце шпиле
Солнечный растает леденец,
Всё равно тебя теперь забыли,
Плачь, нет, успокойся наконец.

Горчит вода, горчит на языке
Трава, автобус медленно качает,
Проносится село, и каланча
Его стоит как памятник реке.
Внутри кирпичной кладки – тишина,
Кипрей пророс на подступах к амвону.
Выносят лето, крестят, как икону,
Черта полей всплывает из-под сна.
И озеро расстелено, лежит
Среди полей пронзительных и кратких.
Ползёт у горизонта пыльный трактор –
Недолговечная, чарующая жизнь.

Мне говорят: пишите о войне.
Какой такой, которую в глаза я
Не видела в кромешной тишине?
Пока шипит на столике лазанья,
Пока весь мир – вся выдумка одна
Составлена из черт неразличимых?
Покуда в стёкла лупит тишина,
И ангелы хранят неизлечимых.
Здесь есть крупа, и снежная, и так.
Подснежник скоро выстрелит из клумбы,
И дворник скрасит этот кавардак,
Хотя мороз весну целует в губы.

**Елена
ПАЛЬВАНОВА**

ЗВЁЗДЫ ОПАДАЮТ...

Солнце снова опоздает:
Ночь застыла на часах.
Звёзды в небе опадают –
Осень там, на небесах.
Здесь её не помнят вовсе,
Здесь царит январь седой,
Но мерцает в небе осень
Опадающей звездой.
И опять её мерцанье
Отзывается во мне.
Быстрый блеск воспоминанья
Отразится в смутном сне...
Опадая, звёзды чертят
В небе светлые штрихи
И царапают по сердцу
Звёздным стёклышком стихи...

-
- Елена Михайловна Пальванова родилась в Москве в 1997 году. Окончила Московский государственный лингвистический университет. Переводит книги с английского и французского языков. Автор книги стихов «Присказка» (2020), сборников рассказов «Невероятно? Не факт...» и «Эники-бэники, абракадабра!» (2022). Публиковалась в журналах «Второй Петербург», «Формаслов» и других, в коллективных сборниках. Финалист литературного фестиваля «Солнечный круг» имени Л.И. Ошанина. Живёт в Москве.

ПОДСОЛНУХИ

Всё словно вдруг смешалось, передвинулось,
Как будто бы по чьей-то странной воле
Под ветром в небе солнце опрокинулось,
И пролилось, и выплеснулось в поле.
И вот пылают в поле солнца всполохи,
Как фейерверк в честь радостного лета.
Куда ни глянь – огромные подсолнухи
Желтеют нескончаемым букетом.
Потом в туман, в грозу и ливень вспомнишь, как,
Лучистыми желтея огоньками,
На поле сыновья и дочка солнышка
Хранят тепло и свет под лепестками.
И греет душу поле, солнца полное,
Шумит счастливым летним океаном.
Я разбежусь – и окунусь в подсолнухи,
И в них приму подсолнечную ванну.

Екатерина СПИРИДОНОВА

Первых сумерек паутина
ставит нежно на лете печать.
И мне слышится имя –
такое знакомое имя –
ответить ли? промолчать?
Чувство, будто взошло светило,
а я видела только часть –
обнимала вполсилы,
любила вполсилы –
но зато научилась прощать.
Так привыкла – четвёртым Римом
называла, боялась – вслух...
И мне слышится имя –
такое знакомое имя –
единственное из двух.

-
- Екатерина Сергеевна Спиридонова родилась в г. Салават Республики Башкортостан в 1992 году. Живёт и работает в Санкт-Петербурге. Филолог, поэт, художник-иллюстратор. Автор сборника «#КНО_лучшее» (2021). Резидент проекта «Литературная гостиная», победитель конкурса «Поэзия улиц-2019», финалист Чемпионата поэзии им. Маяковского (сезон 2021–2022). Печаталась в журнале «Урал», «Литературной газете». Финалист всероссийского фестиваля «Солнечный круг» имени Л.И. Ошанина (2023).

О, я видела этих девочек:
У них луны в зрачках отражаются,
Лебединые шеи тонкие,
Окольцованные платком.
Они носят в ушах бубенчики,
Не смотрели кино про матрицу,
Пишут строчку – и тут же комкают.
(Но бумага-то здесь при чём?)
О, вы знаете этих феечек:
У них что-то в кастрюльках пенится,
Золотится холодной ящеркой,
Пахнет мёдом и молоком.
У них руки в цветастых фенечках,
Они верят в баллады Греции,
По утрам потрошат все ящики,
Потрясая цветным носком.
О, всем нравятся эти дурочки –
И поминки у них с улыбочкой,
Разговоры просты, как семечки,
Они любят лиловый цвет.
А мы смотрим на них так сумрачно,
Будто жертвы завзятой пыточной,
Потому что хотим как феечки,
Но нам страшно лететь на свет.

Екатерина ГРОМОВА

ВОКЗАЛ

Сквозь окно жар-птицей любопытной,
Мягко клюнув, прячется закат,
Месяц выплывает еле видный...
На вокзале люди шелестят.
Я пока что зритель аккуратный,
Вписанный дорогой в этот вид,
Скоро встреча с поездом крылатым –

-
- Екатерина Андреевна Громова (Кузьмина) родилась в 1993 году в Петрозаводске. Фрилансер, член Совета молодых литераторов при Карельском региональном отделении Союза писателей России. Публиковалась в литературных журналах «Север», «Литкультпривет!», в коллективных сборниках. Лауреат Всероссийского конкурса «Литкон» (г. Королёв, 2022), лауреат Московского межрегионального поэтического конкурса «Россия – земля моя!» (2022), Всероссийского молодёжного литературного конкурса патриотической поэзии и прозы «Пою тебе, моё Отечество!» (Казань, 2023), финалист литературного фестиваля «Солнечный круг» имени Л.И. Ошанина (Рыбинск, 2023).

Он гигантской ласточкой взлетит
Из гнезда, которое не глина
Окружает – мрамор и гранит.
Шум растёт... А запах капучино
Пташкой над спешащими парит.

Зинаида ЕРШОВА

Каждый вечер, вернувшись домой, ты твердишь:
«Мир горазд на обиды и каверзы».
Но сегодня, и свет не включив, разглядишь:
Декабрист – в нежно-розовых завязях.
Не понять, отчего так случается: раз –
И жизнь навсегда поменяется.
И не важно, на что этот мир горазд –
Декабрист распускается.

МОЛИТВА СЕСТРЫ

По дождливым дорогам, усыпанным светом от фар,
Несмотря на дорожные знаки – запреты на скорость,
Приезжай, я прошу, приезжай.
Обещай.
По размокшим тропинкам, пропитанным звуком шагов
Ребят, что, как ты, возвращаются после разлуки,
Приходи, я прошу, приходи
Невредим.

-
- Зинаида Олеговна Ершова (Сюникаева) родилась в 1997 году. Живёт в Омске. Окончила ОмГПУ. Работает школьным учителем географии и основ безопасности жизнедеятельности. Участник омского литобъединения при СПР под руководством М. А. Бездежных. Победитель ежегодной литературной молодёжной премии им. Ф. М. Достоевского в номинации «Поэзия» (2022). Финалист литературного фестиваля «Солнечный круг» имени Л.И. Ошанина (Рыбинск, 2023). Автор сборника стихов «Земное» (2020). Стихи публиковались в журнале «Наш современник» и нескольких коллективных сборниках.

Любовь ЧУБОВА

ВЕЧЕР

Смотришь в окно вечерами: обычный и редкий лес,
птицы замёрзли чернильными пятнами на сосне,
свет еле теплится, выдохнешь, глазом моргнёшь – исчез,
неосторожно в нору провалился. Его близнец
в старенькой лампе настольной запрятан, как добрый джинн,
перегорит не беда, заменил – вмиг опять светло.
Только с душой так не выйдет, и будешь с такой не жить,
переворачивать месяцы, также смотреть в стекло.
Кнопку нажмёшь, и проглотит все краски, как Моби Дик,
вязкая ночь – там скрываются стол и облезлый шкаф,
как ни плутай в лабиринте – маршруты ведут в тупик,
где собираешь рецепты для сонного порошка.
А заболеешь – всё выглядит сумрачней и страшней,
чудится, что темнота стёкла выдавит на раз-два,
выльется в комнату, вьётся в глаза – захлебнёшься ей,
словно чернилами, что оживут, перейдя в слова.

-
- Любовь Александровна Чубова родилась в Ярославле в 1987 году. В настоящее время живёт в Рыбинске, работает экономистом. Член Рыбинского отделения Совета молодых литераторов. Стихи публиковались на сайте «Российский писатель», в сборнике «Изоляция», журнале «Ковчег», альманахе «Рифмованный мир». Финалист литературного фестиваля имени Л. И. Ошанина (Рыбинск, 2023).

Елизавета МИХНЕВИЧ

ОБЛЕПИХА

Пахнет облепихой синий вечер,
И гремит неистово посуда.
Я тебя однажды тихо встречу
Со словами не любимой – друга.

Зашуршит застенчивая мята,
Я решу, что это было нужно.
Так тепло, и большего не надо,
И теперь спокойно, а не скучно.

Чтоб понять, приходится мириться,
У судьбы свои для нас уроки,
За окном тревожит душу птица,
Не найдя свободы у дороги.

Листья липы падают, как веки,
Мы с тобой играем чёт и нечет.
Ты любил и любишь. Знаю, верю.
Облепихой пахнет синий вечер.

-
- Елизавета Витальевна Михневич родилась в г. Запорожье в 1999 году. После 2014 года переехала в Россию. В настоящее время живёт в Москве. Окончила Ярославский театральный институт, актриса театра «Мастерская Брусникина». Стихи публиковались в коллективных сборниках «Братья по духу» и «Возвращение домой». Финалист литературного фестиваля «Солнечный круг» имени Л. И. Ошанина (2023).

**Дмитрий
ЕРМАКОВ**

САРАТОВСКИЕ ДНИ

(очерк)

1

Поезд ехал вдоль восхода. Широкая алая полоса, разрезанная посередине длинным фиолетовым перьевым облаком, тянулась в окне справа...

Крупный медведеподобный мужчина бесшумно сидел у окна, и непонятно было, ложился он спать или так и сидел всю ночь. Остальной вагон спал.

За окном уже не было леса, а были большие пустые пространства, перемежаемые прозрачными перелесками. Чувствовалось приближение степи.

На придорожных деревьях лохматые гнёзда грачей – будто прискакала сюда орда диких степняков и по команде бросила вверх свои папахи, и они застряли в ветвях.

Светает, и уже различима зелень травы и кустов. А вчера выезжал из Вологды – серо, сыро, в лесу ещё и снега много. И так до Москвы. Москва – будто природный разделитель. На Ярославский вокзал въезжал из остатков зимы, а с Павелецкого уезжал в начало лета...

Крупная птица, распластав крылья, долго плыла между поездом и восходом и словно растаяла в тумане, обозначающем русло дальней реки

Огромные веретёна пирамидальных тополей в зелёной дымке, под ними белые домики с четырёхскатными крышами, похожие на хаты. Настоящие хаты я видел, кажется, только на картинах. Изб видел много разных – пока ещё есть. Остались ли хаты?

Поезд встал на какой-то станции, и медведеподобный мужчина поднялся, стараясь никого не задеть, легко снял с верхней багажной полки огромную чёрную сумку и бесшумно пошёл к выходу. Наверное, он живёт в одном из тех белых домиков,

-
- Дмитрий Анатольевич Ермаков родился в 1969 году. Член Союза писателей России, автор 14 книг прозы и многочисленных публикаций в периодических изданиях: «Литературная газета», «Наш современник», «Роман-газета», «Север», «Сибирские огни» и многих других. Лауреат международной литературной премии «Югра», обладатель Золотого диплома международного форума славянской культуры «Золотой витязь», финалист премии «Чистая книга» им. Фёдора Абрамова и ряда других конкурсов и премий. Живёт в Вологде.

работает на самой простой и нужной мужской работе, ездил по какой-то необходимости в Москву, страдал от тесноты и смущения в вагоне, и вот наконец-то дома...

А поезд бесшумно тронулся. Стали просыпаться и подниматься другие пассажиры. До Саратова оставалось три часа.

2

В Саратов я еду по приглашению пока ещё знакомого лишь заочно – Алексея Бусса.

Уже несколько лет мы пишем комментарии (в основном Бусс) к публикациям друг друга в интернете, обмениваемся письмами, читаем книги друг друга, даже и статьи друг о друге писали. А сейчас в вагоне мне вспомнился один из первых наших заочных диалогов, и я довольно быстро (странно – интернет на этом участке дороги работает бесперебойно) нашёл собственную лирическую зарисовку на заброшенном мною дзен-канале и комментарий к ней Алексея. В наше время – время скоростного общения – Алексей Бусс едва ли не единственный мой знакомый (скажу более – друг), способный к неспешному общению...

Вот что писал я, и что он писал мне в ответ...

ЧЕЛОВЕК ИЗНАЧАЛЬНЫЙ

Для чего человек?

Для чего он-я создан?

Для чего ему-мне даны мысль и слово?

Не для общения ли с Творцом?

Труд сделал из обезьяны человека?.. Почему из муравья, пчелы, из бобра, наконец (все гораздо более трудолюбивые, чем человек, животные), не «сделалось» существа подобного человеку по мышлению и другим качествам?

Нет, не только труд, что-то ещё... (А может, и вовсе – праздность?). Или кто-то... И не из обезьяны...

Изначальный человек был, наверное, гораздо более одарён духовно и художественно, ведь ему надо было увидеть и понять всё вокруг, и всему дать название, и всякому явлению дать объяснение.

Как можно, например, впервые ощутив ветер, понять, что это такое, и назвать это?.. А тот, изначальный, человек смог...

А мы ещё думаем, что первобытные люди – дикари. Эти «дикари» пели, плясали, рисовали, охотились, узнавали и использовали свойства растений, одомашнивали животных...

Нам бы надо возвращаться к тому, изначальному, духовному пониманию песни, танца, труда, слова... В этом спасение человечества – в обращении к своему детству...

И вот какой комментарий написал тогда Алексей Бусс.

«Прочёл недавно книгу Натана Эйдельмана «Ищу предка». Для Эйдельмана, специалиста по русскому 19-му веку («Грань веков», «Быть может, за хребтом Кавказа...», «Апостол Андрей» и пр.) это скорее необычная работа – об истории антропологии. Но, как всегда, очень подробно, остроумно, с фактами и аргументами. Книга 1960-х годов, с характерными для того времени забавными иллюстрациями. И она – хорошее подтверждение тем подозрениям, что были у меня ещё в школе – о том, что посылы

«человек произошёл от обезьяны», «труд сделал из обезьяны человека» – весьма упрощённые формулы, взятые когда-то на вооружение преподавателями ликбезов 1920-х годов. Их можно понять, но на деле всё существенно сложнее – человек в общем-то произошёл... от человека, от примитивных своих предков, которые были только родственниками каких-нибудь шимпанзе, причём не всегда и близкими. А труд сделал из этих предков человека разумного, но и здесь всё не так просто – не сразу, труден был этот генезис, много у него тупиковых ветвей. Запомнился один приведённый автором факт: в пещере в Китае, где нашли множество костей синантропов – одних из тех самых наших предков, есть кострище. Учёные установили – огонь там горел без перерыва многие сотни, тысячи, возможно, сотни тысяч лет (эпоха многих человекоподобных предшественников куда длиннее нашей – тоже повод для размышления!). То есть этот костёр в исторической проекции – вообще самое долгое творение человека на Земле, египетские пирамиды и рядом не стояли. Если, конечно, считать синантропа человеком. Что мы знаем о них, об этих существах, поддерживавших живительное пламя так долго? В общем, очень мало: кости, следы, наскальные рисунки... И множество разных предположений. Работа археолога-антрополога – она сродни работе писателя-романиста: два-три разрозненных факта и море фантазии. Чем жили, о чём думали, к чему стремились? Они, конечно, не были дикарями. Они просто шли впереди – так далеко впереди, что различить их в тумане тысячелетий почти невозможно. Но они были...»

«Алексей, да!» – только и ответил я на этот комментарий...

И вот сейчас, перечитывая, думаю об образе тысячелетнего костра – вечного огня. Язык, речь, слово – тоже вечный огонь, создающий-объединяющий людей. И сам Алексей Бусс – служитель этого огня-слова. Он поэт, он прозаик, он литературный педагог – руководитель литературного объединения и курсов для библиотекарей.

Да вот же он торопливо идёт по перрону, к открытой двери вагона – сухой, угловатый, высокий. И мы наконец-то «вживую» пожали руки.

3

От немецких предков достались Алексею Буссу – это точно – аккуратность и обязательность (не самые характерные для русских качества). Всё остальное – открытость, гостеприимство, честность – наше (надеюсь, что всё ещё наше), русское. Впрочем, надо ли приписывать какие бы то ни было качества и черты характера какой-либо нации?

На сиденье машины – листы, прикрепленные к планшету, и успеваю прочесть надпись сверху: «Программа пребывания в Саратове...» И все три дня мы следуем этой программе. И все три дня, отложив все свои дела и работы, Алексей рядом со мной...

Мы едем по городу, и я не узнаю ничего, хотя бывал здесь, в Саратове... Бывал давно, в зимнее время (может, поздней осенью или ранней весной – снег был).

Сорок лет назад, тринадцатилетним мальчишкой приехал я сюда на соревнования – Всесоюзный турнир по самбо памяти Н. П. Перепёлкина. Это был мой первый выезд в другой город на соревнования, да и вообще-то, кажется, первая такая дальняя поездка... Ездил я, конечно, в соста-

ве команды. Тренером с нами – Сулико Николаевич Арабули. Вспоминается, что проходили мы мимо городского рынка (почему-то я знал об этом, кто-то это сказал). Вот, пожалуй, все впечатления от города. Свою первую и единственную на том турнире схватку я проиграл (даже помню, что сначала провёл бросок через спину с коленей и получил за него четыре балла, но потом сразу же попал на болевой приём). И ещё одно саратовское впечатление из начала восьмидесятых – именно там впервые посмотрел (ходили в какой-то кинотеатр) знаменитый ныне фильм «Пацаны»... И вот еду по городу – и ничего, конечно, не узнаю, рассказываю Алексею, он кивает, ищет место для парковки.

Спускаемся мимо памятника Константину Федину, выходим к Волге... Я люблю маленькие лесные, петляющие, со звонкими перекатами и стоячими бочагами речки. Люблю и большие реки, могучие, трудовые – наши северные: Сухону, Двину, Вычегду, Пинегу... И очень люблю Волгу. Не знаю, откуда эта любовь – ведь и спустился к воде, опустил, как поётся в песне, «ладони в Волгу» уже взрослым человеком... Люблю. Я видел Волгу ещё неширокой в Твери, Большой рекой – в Ярославле, Угличе, Мышкине, Рыбинске, огромной – в Нижнем Новгороде, подобной морю – в Ульяновске... И в Саратове я тоже спускаюсь к воде, опускаю ладони в вечную реку...

И думаю о том, что вот ещё один символ вечности и объединения людей – река. Всегда люди селились по берегам реки – первые дороги человечества. Оставив пещеры с горящим в них костром, люди посредством рек заселяли землю. Берега, как и речь, – то, что объединяет людей. И хотя моя река Вологда принадлежит системе Северной Двины, ещё в глубокой древности посредством волоков и каналов соединилась она с Волгой и тысячами рек, питающих её. Так и человек к человеку будто бы прорывает канал (это особенно чувствую, когда пишу – я прокладываю канал к сердцу друга). И мы всегда, мы все – люди одного берега. Всё человечество – на одном берегу...

Идём по центру. Вот и знаменитое здание консерватории, и гостиница, в которой жил и умер герой романа Бусса «Великая мечта» – знаменитый изобретатель Яблочков, и памятник Чернышевскому... Вот и здание Крытого рынка – оказывается, являющегося памятником архитектуры (неслучайно именно про рынок я что-то и вспомнил из сорокалетней давности).

Были в этот день – солнечный, ветреный, наполненный знакомствами и впечатлениями – ещё выступление на радио и встреча с детьми в Саратовской областной детской библиотеке имени А. С. Пушкина. Дети всегда радуют, вдохновляют. И в этот раз было так же. Что особенно порадовало – дети, ученики четвёртых классов, готовились к встрече заранее, конечно, под руководством педагогов и библиотекарей. Они прочитали мои сказки и рассказы – нарисовали иллюстрации. Так как одна из моих детских книг называется «Истории старого пня» – больше всего и было мне представлено «портретов» того самого пня... С удовольствием читал детям сказки, отвечал на их вопросы, рад, что мои книжки будут в этой библиотеке...

И наконец, вечером ехали в загородный посёлок, в котором живёт семья Буссов. Саратов находится в окружении высоких холмов, которые здесь называют горами (и они действительно достаточно высокие), и мы ехали по дороге вверх, на гору, а справа была чёрная, корявая, единственная, кажется, не очнувшаяся ещё от зимней спячки – дубовая роща, дубрава... На моей Вологодчине дубы, конечно, тоже растут, но дубрав у нас нет.

А мы уже подъезжаем к дому с садом и огородом. И я знакомлюсь с Ларисой...

И был ещё прекрасный вечер с замечательными людьми – и мы ходили по саду и огороду, в которых уже скоро вот-вот всё оживёт, двинется в рост, зацветёт, и гуляли в грустном, вечернем, когда-то колхозном поле, зарастающем сосенками, и я слушал моих дорогих друзей, и что-то говорил сам, и молчал, и было мне хорошо... Я любовался ими – Ларисой и Лёшей...

И сейчас сладко замирает сердце, когда читаю стихотворение Алексея Бусса:

*Он недолгий, он непрочный,
каждый год он будто новый:
запах тополиных почек,
тепкий и слегка медовый.*

*Он приходит незаметно
вслед за ветром и дождями,
он напоминает: лето
где-то тут, не за горами.*

*Он течёт ручьём к обрагу,
он окутывает нарки,
он весёлый, дерзкий, наглый –
в почках золотых и марких.*

*В дни такие если сгину –
значит, я из будней выпал:
жёлтой почкой тополиной
к волосам твоим прилипну.*

*Нашепчу на ушко тайну,
как же не сказать про это:
как люблю необычайно.
И про то, что будет лето.*

Всё равно ведь будет лето...

4

То ли смена климата повлияла, то ли легко оделся для вечерней прогулки по буссовскому саду и по саратовским полям – утром понял, что потерял голос. Впервые в жизни.

Ну, конечно, Алексей и Лариса лечить меня принялись – горячим чаем, калиновым сиропом, леденцами от кашля (а потом уж и таблетками)... Еле-еле что-то прохрипеть я мог – хорошо, день этот был по утверждённому учителем Буссом плану в основном музейным.

Музей-квартира Константина Федина, музей-усадебка Николая Чернышевского... Там и там (опять спасибо Алексею) нас ждали и провели интересные экскурсии.

Вообще, посещение мест, связанных с жизнью того или иного писателя, по-моему, позволяет как-то необъяснимо иначе, глубже взглянуть

на него, его путь, его труд. Мне посчастливилось бывать в квартирах Пушкина на Арбате и Фонтанке; в селе Никольском, о котором Рубцов говорил: «Здесь души моей родина»; в беловской Тимонихе; в домике Куприных в Наровчате; в Норинской, где отбывал ссылку молодой Бродский; в деревне Веркола, воспетой Фёдором Абрамовым. Каждое такое посещение – важное событие для меня, долго переживаемое...

Посещение саратовских литературных музеев исключением не стало.

Федин – классик и один из создателей (и, прямо скажем, главных чиновников-функционеров) советской литературы, иногда кажется почти неживым, застывшим... А ведь было детство – вот здесь, на этих крутых улицах, в доме отца – владельца писчебумажного магазина. А между прочим, многим пишущим знакомо это влечение к новым ручкам, чернилам, записным книжкам, чистому листу – тяга именно как к предметам, которые хочется тут же использовать, а когда это накладывается на тягу к творчеству, и появляются зачастую самые первые литературные результаты... А у Федина была ещё и необычная юность в Германии, и участие в сообществе (собранием, может быть, самых талантливых на то время молодых людей Петрограда, а то и всей России) «Серапионовы братья», роман «Города и годы»... Обо всём этом и вспоминается в музее, и хочется прочитать, перечитать, понять...

Ну а Чернышевский, безусловно, фигура для России (да и для всего мира, учитывая, например, влияние его романа на В.И. Ленина и множество других революционеров) – знаковая, поворотная. А вот туда ли повернули – до сих пор разбираемся. Впрочем, движение истории необратимо и неостановимо – научиться бы извлекать уроки... Поражают в Чернышевском, кроме всего, работоспособность, желание действовать, несмотря ни на какие преграды, количество сделанного. И хотя я не поклонник его творчества, после посещения музея возникло желание и перечитать, и, может быть, понять, и работать...

И опять набережная, опять Волга в солнечной чешуе, и памятник Гагарину. Гагарин в Саратовской области учился летать, на саратовскую землю вернулся из самого знаменитого в истории человечества полёта.

Едем в Центральную библиотеку города Саратова. Алексей работает здесь методистом (это не единственная его работа). И я ещё раз хочу сказать, что Саратову повезло с Буссом не только как писателем, но и как литературным педагогом. Это талант особенный, редкий. Алексей работает со взрослыми, только пробуящими себя в литературном творчестве, и уже опытными литераторами, и ведёт курс литературного краеведения для библиотечек. И выполняет он эту важную работу со всей скрупулёзностью и серьёзностью. И у него получается – его ученики выпускают книги (часто под редакцией Бусса), становятся членами Союза писателей России.

Здесь, в библиотеке, я принял участие в награждении молодых авторов, ставших победителями литературного конкурса имени Григория Коновалова, а потом и сам получил медаль «Григория Коновалова» за книгу «От земли. Василий Белов» (опять спасибо Василию Ивановичу!). Вместе со мной медали получили поэтесса Ирина Китова, краевед Владимир Вардугин и руководитель литературного объединения Лариса Комарова.

Вот писал уже о Чернышевском и Федине, а надо сказать несколько слов и о Григории Коновалове – прозаике, лауреате Государственной премии РСФСР им. Горького, создателе Ульяновской писательской организации. В Саратове он жил большую часть жизни и стал здесь почти народным героем, анекдоты о нём рассказывают... В общем, для Саратова он, наверное,

то же, что Белов для Вологды. Так что медалью, да ещё первой, я, конечно, доволен и горжусь, о чём и прохрипел после вручения – голос всё не восстанавливался.

А мы решили съездить на другой берег Волги – в город Энгельс. Решили и съездили. Ехали, зная, что дом-музей Льва Кассиля вот-вот закрывается.. С этим музеем Алексей Бусс не договаривался, но нам повезло – хотя время его работы уже заканчивалось, нас не только впустили в него, но экскурсию провела сама директор.

А я и не знал, что там прошло детство одного из моих любимейших писателей. Правда, в то время город назывался Покровск. И опять это погружение в мир писателя.. «Кондуит и Швамбрания», «Вратарь республики», «Ход белой королевы», военные рассказы.. Я зачитывался этими книгами.. И нет премии имени Льва Кассиля! А вот его-то имени и должна бы быть премия для авторов произведений для подростков и юношества. «Детских» премий у нас полно, «взрослых» – достаточно, а юношеских-то особо и не припомню (Крапивинская, кажется, тоже – больше детская). И премия должна быть не городская, не областная – всероссийская, а ещё правильнее – международная. Такая премия и увековечила бы имя Льва Кассиля (которого, конечно, и так помнят и читают) и, возможно, стимулировала бы авторов, пишущих для юношества.

После музея – двухэтажного особняка, идём на набережную – очень красивую и уютную (и здесь замечательная скульптурная композиция: Гагарин и Королёв, смотрящие в звёздное небо). Вообще, город мне понравился – компактный, красивый, с интересной старой и новой архитектурой. И это не случайно, ведь был он когда-то столицей целой республики – Автономной Социалистической Советской Республики немцев Поволжья. Судьба республики и её жителей трагична – в одночасье их не стало. Немцы Поволжья, давно, уже почти два столетия бывшие гражданами Российской Империи, потом СССР, построившие и обжившие прекрасные города и сёла, любившие свою родину – Россию, были объявлены предателями и высланы в Сибирь и Северный Казахстан.. Мало кто вернулся. Кто-то погиб, кто-то прижился в новых местах, кто-то уехал уже в 90-е годы в Германию.. А в Энгельсе стоит памятник немцам Поволжья. Говорят, многие нынешние местные жители не слишком рады были его появлению (а зачем беспокоить совесть? – видимо, так думают). И теперь этот памятник за закрытыми железными воротами и забором – как за решёткой: пожилой мужчина в телогрейке, уходящий в чёрную глубину мрамора, и юноша, возвращающийся из тьмы на свет.

А мы возвращаемся на саратовский берег.

И был тёплый вечер, и вкусный ужин, и добрый разговор, и крепкий сон..

5

И последний мой день в Саратове.. Прощай, дом, приютивший меня (и кормивший, и гревший, и лечивший), дом в котором живут хорошие люди.

Первое мероприятие сегодня – встреча с детьми в городской детской библиотеке. А голос всё ещё не восстановился. Чашка горячего чая перед самой встречей.. И вот уже идут, идут первоклашки на встречу со сказочником, приехавшим из далёкого и тоже, наверное, сказочного города Вологды..

И я начинаю говорить и забываю о том, что у меня почти нет голоса. Я читаю сказку, а дети застывают, и только глазёнки разгораются: что там случится с непутёвым котом Васькой, убежавшим из дома в лес, не съедят ли его волки... И вопросы, и ещё сказка... Дети – лечат!

Мы снова едем по городу, переезжаем широкий, заросший кустами и застроенный деревянными домами овраг – оказывается, где-то здесь жил поэт Пётр Орешин – один из ближайших друзей Есенина, ну, как наш вологодский Алексей Ганин. Вспоминается и «дело четырёх поэтов» (Есенин, Ганин, Орешин, Кусиков), и трагические их судьбы... Дом-музей Орешина (поэта замечательного) очень был бы уместен в Саратове, но нет дома, не сохранился. Как нет и дома Алексея Ганина и его родной деревни, как нет и церкви под Вологодой, в которой венчался Есенин с Райх... Только память. Но память – это ведь много, это всё. Пока жива память – всё живо...

Вспоминаю ещё, что Анатолий Передреев, замечательный русский поэт и близкий друг Василия Белова, бывавший и в деревеньке Тимонихе, в глухом уголке Вологодчины, написавший глубокое, пронзительное стихотворение «Баня Белова» – тоже здешний, саратовский. Именно из его стихотворения взял Белов строчки для своих воспоминаний: «У края бескрайнего моря как маленький мальчик стою...»

Думаю об этом и ещё о многом, готовясь к встрече в Центральной городской библиотеке.

И вот эта моя встреча с читателями и писателями, среди которых и моя давняя знакомая Маргарита Борцова, вместе с ней я был в семинаре Леонида Бородина ещё на первых «Липках» в 2000-м году – ныне знаменитом форуме молодых писателей России; и замечательная Елизавета Мартынова – поэт и редактор журнала «Волга–XXI век», которой я безмерно благодарен за публикацию рассказов, повести «Свобода» и за доброе слово обо мне; и мой заочный (а теперь уже и очный) друг Иван Пырков – поэт и философ, также откликнувшийся обо мне добрым словом, и Владимир Вардугин... И все-все дорогие мои люди, для которых я говорил в тот день, которых люблю и помню...

И вот захожу сейчас на страницу в ВК Ивана Пыркова и вижу дивное стихотворение (которое радует меня ещё больше тем, что посвящено жене – Наталии Кочелаевой). Так это тронуло меня...

*В электричке, где место всегда есть тревогам,
Я подумал, на солнечный глядя федут:
Почему одуванчики жмутся к дорогам
И куда по дорогам железным бегут?*

*Интересное дело, а в мире четвёртом,
Там, где всё воедино навек сведено,
Там, где буду когда-то живым или мёртвым,
Одуванчикам тоже цвести суждено?*

*Если так – хорошо. Потому что резная
Мне давно уж по сердцу оправа листа.
И ещё потому, что с тобою, родная,
Одуванчики встретились нам неспроста.*

*Приглядимся поближе к растениям крылатым:
Посмотри, как легко им средь майской травы,
Этим вечно спешащим цветам-циферблатам,
Этим маленьким всадникам без головы.*

*Паровозный гудок перекликнулся с ветром,
И с ладоней платформы – зови не зови –
Разлетелись по дальним своим километрам
Дети ветреной самой на свете любви.*

*Помню, в детстве... Но разве теперь я не мальчик?
Не мальчишка седой, что поверил судьбе?
Я всего лишь, любимая, твой одуванчик,
Через земли и зимы растущий к тебе.*

Если бы я мог так написать своей Ирине, о которой часто вспоминал в Саратове, жалел, что нет её здесь со мной.. И вспоминаю, как много-много лет назад подарил ей не стихи, а цветок, одуванчик..

И значит, пора, пора... Я прощаюсь с друзьями. На вокзале жму руку Алексею Буссу, а вскоре еду в поезде в сторону Москвы. Лазоревый закат тянется, тянется вдоль состава и угасает..

А утром Москва, переход с вокзала на вокзал и поезд на Вологду... Велика Россия, широк мир, но друзья рядом, в сердце..

**Анатолий
АРЕСТОВ**

ЗОЛОТОЕ ПОЛЕ

Миниатюры

КРАХ БЕЗМЯТЕЖНОСТИ

Солнце огненным шаром закатилось в широкий карман Земли. Вселенная побрякивала мелочью. Побрякивала, побрякивала, да и рассыпала по чёрному сукну звёзды. Звёзды сверкнули, смутились и продолжили сверкать поочерёдно, чтобы не привлечь особо пристального внимания жителей Земли к своему бесподобному виду. Ровный тополь возвышался над скрюченной яблоней, возмнив из себя избранника среди деревьев степной полосы. Яблоня, несмотря на фигуру ствола, переплетающиеся в хаотичном порядке ветви, скоро должна была пуститься в единственное в году приключение – зацвести, а тополю предстояло лишь стоять и мнить о себе несуразные вещи. Земные и космические объекты, разделённые невидимым куполом атмосферы, сливались в единое целое – безмятежное вещество. Глоток воздуха, принесённый ветром, выпили низкорослые травы; зарождавшиеся из пара облака успели объединиться, слипнуться, пропитаться светом электрического разряда. Всполохи небесного огня продолжались недолго – молнию забили, как блестящий гвоздь в маленькую сопку, выпиравшую горбом из ровного тела степи. Разрезанный молнией надвое мрак моментально и самопроизвольно сшился, поглотив освещённые объекты: сопку, травы, тополь и яблоню. Звёзды на миг погасли... Гром раздался и потонул во мраке ночи – больше от него не следовало ожидать ничего. Сохранить безмятежность получилось лишь звёздам. Следующий удар молнии рассёк тополь – небесный гвоздь, как и положено, забили в дерево... Из земли не возвышался исполин, возмнивший из себя избранника среди деревьев, а торчала огромная обугленная щепка, чуть выше скрюченной яблони. Но яблоне предстояло ещё цвести, а тополю...

-
- Анатолий Владимирович Арестов родился в 1985 году в Алтайском крае, в г. Рубцовске. Учился на агрономическом факультете Пензенской ГСХА. Публиковался в журналах: «Юность», «Приокские зори», «Традиции & Авангард», «Сура», «Сибирский Парнас», «Дарьял», «Сибирь», «Северо-Муйские огни», «Белая скала», газете «Литературный Крым» и других изданиях. Автор книги «В потоке поэзии».

ЗОЛОТОЕ ПОЛЕ

Золотое пшеничное поле вызывало надежду на хороший урожай. Тучный колос содержал много зёрен, каждое из которых могло принести на белый свет новую жизнь, новый колос...

Андрей присел на корточки, сорвал спелый колосок, обшелушил его руками, выдул мякину и посчитал зёрна. С агрономической точки зрения всё было прекрасно, наверное, он не был дипломированным специалистом, но по ощущению тяжести и крупности зерна знал точно – урожай будет! Переломив соломину пополам и вставив её между зубов, он сел на горячую почву, почти полностью скрывшись в разыгравшейся под ветром ниве. Любовь к работе, к труду хлебороба, заложенная отцами и дедами, пропитали его кровь ещё с рождения. С малых лет он не только физически трудился на всех видах сельскохозяйственных работ с мужиками-крестьянами, но и подмечал нечто, для многих казавшееся несущественным: как и на какой земле хорошо чувствует себя рожь, сколько зерну овса нужно времени, чтобы набрать сил, какой комок почвы меньше – после плуга или культиватора. Любовь к земледелию пронизывала Андрея насквозь, он не мечтал о больших деньгах, величии и своеобразном статусе учёного, внёсшего вклад в аграрную науку. Нет, он мечтал выращивать хлеб и кормить им голодных.

Как среди ясного неба грянул гром – июнь 1941 года... Наступила кровопролитная и безумная пора в истории человечества – война. Мужчин забрали на фронт, его же оставили в силу возраста: четырнадцатилетних не брали воевать. На полях он принесёт большую пользу стране, нежели на фронте. Андрей принял на себя ответственность по посеву пшеницы. Собрал немудрёный коллектив: женщин, стариков и таких же возрастом, как и он, мальчишек – и принялся сеять. Испечённый из зерна военного времени хлеб отправляли на фронт, оставляли себе самую малость, лишь бы штаны держались! Но они не держались, и каждый раз приходилось утягивать верёвочку ещё туже. Время лихое, время голодное и беспощадное ко всем.

Так пролетело три года. Люди умирали в селе, люди погибали на фронте. Слезы жён и матерей, кажется, окропили каждую пядь родной земли, подрастающая пшеница насыщалась болью и страданиями людскими до предела, но она росла и вызревала, потому что в ней нуждались. Многих накормил в эти годы Андрей, не дал умереть, не дал погибнуть... Быстро повзрослел, слишком быстро...

В золоте пшеничных августовских полей скрывалась надежда на хороший урожай. Май 1945 года уже закончился. Андрей, как всегда, присел на корточки, сорвал спелый колосок, обшелушил его руками, выдул мякину и посчитал зёрна. С агрономической точки зрения всё было прекрасно. Переломив соломину пополам и вставив её между зубов, он сел на горячую почву, почти полностью скрывшись в разыгравшейся под ветром ниве, и горько заплакал, зарыдал от скопившейся неумённой боли за погибших, за выживших, но оставшихся калеками, за чёрствость и злость, царящую в человеческих сердцах. Лишь надежда оправдала себя и грела его сердце, ведь мы победили, страна победила, он победил! Золотое поле – это его награда! Его орден! Его бесконечно дорогая и заслуженная медаль!

ОБВАЛ

Овраг разделил степь надвое, словно невидимая рука надломила кусок хлеба и оставила на огромном столе. Травы, растущие на краю оврага, держались корнями в прочном, сплетённом десятилетиями дёрне. Треснувшим глыбам сухой глины с чернозёмной верхушкой и мелкой растительностью сила притяжения грозила расправой – небольшой дождь размягчал опору и вызывал обвал. Так происходило всегда..

Ива росла на дне оврага. С одной стороны, внизу хорошо – много солнечного света, нет других, более крупных деревьев и кустарников, затеняющих и отбирающих для питания полезные элементы, влага всегда в достатке, можно сказать даже в избытке, да и вообще тихо, уютно и спокойно; с другой стороны, жизнь была сложной и полной опасностей: можно было чем-то заболеть или какой-нибудь жук мог решить для себя, что на ивовых листьях будет выгодно его личинкам, и они позже съедят такие дорогие листья. Но самое неподконтрольное – это обвалы! Страшное и смерти подобное физическое действие неживой природы! Представляете, растёшь себе мирно, никому не мешаешь, радуешься зелени листьев, машешь ими пролетающему жаворонку или острокрылой ласточке из ближайшего села, иногда всплакнёшь от зноя, внезапно – «бух» – и прижало тебя ко дну оврага, засыпало по самую верхушку тяжёлой глиной! Долгое время приходится вновь прорастать через довольно толстый слой упавшего несчастья, выправлять ветви – оно мне нужно? Никакого спокойствия! Возмутительно..

Кучевые облака загромождали небо. Не было пустого места, синей прорехи между плавно плывущими кораблями поднебесья. На фоне всех выделялось одно облако, почти туча, с серой нижней стороной, гладкой, как степная поверхность, и ослепительно белой вершиной, сморщенной и напоминающей ядро грецкого ореха. Как ни странно, но столкновений и поглощений крупными облаками мелких не происходило. Каждое облако казалось независимым разумным существом, выискивающим что-то на многострадальной поверхности Земли..

Ива любила облака, они давали возможность насладиться мимолётной прохладой, но ненавидела тучи, из них, как правило, начинал сыпать мелкий дождь, переходящий в нескончаемый ливень, впоследствии приводящий к смертоносным обвалам. В этот день всё обошлось – ливня не было, его не было неделю, месяц, два месяца.. Иссушенное дно оврага покрылось глубокими трещинами, словно маленькие овражки хотели захватить власть над давшим приют исполином. Некогда зелёный травостой превратился в торчащий серый ёршик, ива скинула большую часть пожелтевших листьев, оставшись с крепкими ветками, испещрёнными пятнами от солнечных ожогов.

Степь запылаха – молния ударила в дальнюю лесополосу и сожгла тополь. Огонь, перекинувшийся на степную растительность, как на лёгкую добычу, поедая всё на своём пути. Красные языки пламени слизывали высушенные стебли трав, превращая их в дымящейся глотке в пепел. Огонь целенаправленно приближался к оврагу, уничтожая растительную плоть. На краю оврага пламя замаялось, вытянулось вверх и из последних сил бросило снопы искр на дно..

Пустой чёрный овраг напоминал потухшее жерло вулкана. От ивы ничего не осталось. Ветки лежали серыми углями на горячей глине. Обвал оказался истинным спасением. Погребённые заживо ветки со временем проросли, поросль выкинула на белый свет листья, и ива зажила прежней жизнью..

ПРАКТИКА

Агроном совершал объезд владений на стареньком «УАЗе» и наслаждался видом из окна автомобиля: одиноко стоящая в степи берёза позеленела, листья как монеты усыпали ветви; скрюченный кустарник шиповника ещё не выпустил первые листки; травы тянулись к свету, прорезая дернистый, отыгравший своё, мёртвый слой; коршун, паривший в бескрайнем небе, промелькнул крылатой тенью, сделал несколько кругов в высоте и исчез.

Первобытное «чувствование» жизни в живых существах, заложенное кем-то миллиарды лет назад, обострилось. Непрерывное движение – заметное и незаметное, порождало особенный, загадочный мир. Мир, где нет человека... Где он не нужен. Человек способен лишь на одно – принести в мир навязчивую волю, привнести асфальтобетонный хаос и посеять смерть в этом степном океане жизни. Не переиграть песню жаворонка симфонией Моцарта, не запечатлеть степь на картине великопнее, чем она есть, не передать изысканными словами, рифмами и поэтическими размерами свежесть порыва ветра. Нет. Человек здесь неуместен...

Открытое окно в кабине донесло ни с чем несравнимый запах поля. Просторы всегда притягивали его взгляд, входя в самое сердце, обнимали изнутри и обволакивали душу. Дорога, утоптанная колёсами сельхозтехники, пылила. Вздурораженная пыль взлетала, как нечто таинственное, словно прах минувшего времени собирался и скапливался именно здесь, где пробивалась живучая трава-мурава, подорожник, полынь-чернобыльник и другая мелкая травка.

«Ведь живёт же на обочине дороги и как-то выживает! – пронеслась мысль в голове агронома и, найдя почву для дальнейшего философствования, начала укореняться. – Как на обочине жизни. Никому не нужная, никем не уважаемая – не приносящая пользы. А дорога? Сколько смысла в, казалось бы, обычном слове: жизнь человека – дорога, смена времён года – дорога, всё существующее куда-то движется по дороге. Для чего человеческая жизнь? Люди, как придорожные травы, стоят у обочины жизни, смотрят на неё, но не понимают, что «она» такое, кем дана и что нас ожидает в конце пути? Дорога уходит за горизонт... Будет ли она через сотню лет или зарастёт травами? Никто не знает даже такой мелочи...»

УАЗ мчался, раскачиваясь и подпрыгивая на неровностях дороги, напоминая своим видом старого козлика. Впереди на краю поля показался трактор. «УАЗ» остановился, агроном отбросил философские мысли, занимавшие голову всю дорогу, и шагнул навстречу существующей действительности.

– Почему прекратил сеять? – крикнул агроном, обращаясь к трактористу.

– Пшеница закончилась, Иваныч! Машину жду, чтобы сеялки зерном заправить. Сейчас приедет, и начну. Ты бы мне лучше сева в помощники дал, сеялки неновые, он бы контролировал расход зерна, а то мне приходится останавливаться и самому проверять.

– Где я его найду, сева? Вот студенты с «сельскохозяйственного» приедут на практику, тогда отправлю их к тебе.

– Ладно, договорились. Да будут ли они, студенты?

– Будут. Не переживай!

Иваныч сел в машину и поехал в контору созваниваться с представителями сельскохозяйственного ВУЗа, которые должны были по договорённости с агрофирмой выделить недостающую рабочую силу в такое ответственное время, как посевная.

Ранним утром в понедельник на крыльце здания управления стояли два студента: худого звали Анатолий, подкаченного – Сергей. Они ожидали особого приглашения, но никого и в помине не было. Из подъехавшего ГАЗ-66 выбежал мужчина и направился к студентам.

– Чего стоите, жмётесь? Вам к кому?

– На практику прислали. Мы агрономы.

– Ха! «Был бы дождик, был бы гром...» Ха! Вам, наверное, к Иванычу на второй этаж в двести одиннадцатый кабинет. Он у нас агроном. Агрономы... Ха!

Студенты переглянулись, пожали плечами от весьма избитой шутки про профессию и направились по предложенному маршруту.

В здании царили полумрак и приятная прохлада. На втором этаже располагались три кабинета: главного агронома, главного инженера и генерального директора фирмы. Двери кабинетов были в плачевном состоянии, что тут же бросилось в глаза будущим специалистам. Висевшая боком синяя табличка с цифрами «211» указывала на верное направление. Анатолий постучал и без должного ожидания приоткрыл дверь.

– Здравствуйте! Мы на практику.

– Поздравляю. Вы к кому?

– К агроному.

– Напротив, – коротко ответил мужчина и добавил: – В двести тринадцатый.

– Спасибо. Извините! – тихо произнёс Анатолий и закрыл дверь. – Вот мужик-весельчак, то поговоркой подколот, то с кабинетами обманул. Местный юморист! Теперь ты постучись, Серёга.

Сергей постучал костяшками сильнее, чем его товарищ, но подождал, пока ответят.

– Войдите! – послышался глухой голос.

– Здравствуйте! Это мы. Прибыли проходить практику, – как можно громче произнёс Анатолий, но вышло не очень, голос сорвался в какой-то визг.

Сергей хлопнул товарища по плечу и улыбнулся.

Студенты подошли к столу, пожали руку агроному, присели на неудобные стулья и начали разговор.

– Значит, на практику? – уточнил главный агроном и посмотрел оценивающим взглядом на ребят. – Что ж, давайте перейдём сразу к делу: на данный момент устоялась положительная температура воздуха, соответственно, почва достаточно прогрелась, но не потеряла нужную для семян влагу. Конечно же, вы и без меня знаете, что да к чему! Наше хозяйство испытывает нехватку рабочих рук, а именно севцов. Вы готовы работать на сеялках?

– Да! – в один голос ответили студенты.

– Нам любая работа по плечу! – выдал Сергей и покосился на недовольного Анатолия.

– Хорошо! Спускайтесь на первый этаж, вас поселят в общежитие и всё расскажут. Завтра сможете приступить к работе?

– Да, да... – поочерёдно выпалили студенты, вставая и задвигая за собой массивные стулья.

Сотни раз отремонтированные сеялки семидесятых-восемидесятых годов до сих пор принимали участие в аграрных делах. Севцы должны были стоять на задней площадке сеялки и контролировать выход зерна в почву из сошников, чтобы те не забились или не кончилось зерно в бункере.

От тихого и ровного поля, подготовленного под посев, исходил жар. Синий трактор марки «МТЗ» в сцепке с красной сеялкой был готов к рабо-

те. Студенты вцепились в поручни, махнули трактористу, и трактор, выпускающая клубы сизого дыма, начал разгон. От одного края поля до другого ехать минут пятнадцать, в центре поля ветер затих, пыль остановилась серым клубком вокруг сеющего агрегата, стало нестерпимо душно. От низкой скорости слегка обдувало жарким движением воздуха. Через четыре полных круга зерно закончилось. Трактор остановился. Подъехавшая машина загрузила в ящики сеялки очищенное зерно, и вновь началась работа.

Несколько кругов по полю заняли, как оказалось, много времени, тракторист посигналил, чтобы привлечь внимание студентов, и показал пальцем на приближающийся грузовик, это означало, что наступило время обеда.

Водитель зелёного «Урала» привёз фляги с супом, чаем, картофельным пюре и коробку со свежим хлебом. Пыльное лицо и руки вымыть было негде, но студентов данное обстоятельство несколько не смущало. Студенты с трактористом уселись на травке в тени возле берёзовой посадки.

– Ну что, практиканты, проголодались? – спросил тракторист.

Анатолий с Сергеем ещё не успели познакомиться с сельским тружеником, поэтому отвечали без обращения по имени-отчеству.

– Конечно! Ещё как! Растрясло на сеялке, да и воздух у вас здесь свежий! Совсем пробрал! – улыбнувшись, ответил Сергей и застучал алюминиевой ложкой по тарелке.

Анатолий сосредоточенно вылавливал упавший берёзовый лист. Тракторист это заметил и заявил:

– Ешь, не брезгуй. Больше грязи – шире морда! Это же зелень. Полезно!

Анатолий не прислушался к совету, выловил ложкой злополучный листок и выбросил в траву, но тут же в суп залетела мошка. Студент сделал вид, что не заметил, и сдвинул её на сухой край тарелки. Дальнейшего разговора не последовало, неожиданно подъехал агроном.

– Всем здравствуйте! Как вам работа? – обратился агроном к студентам и, не дождавшись ответа, продолжил: – Как поедите, я вас отвезу в общежитие, сегодня отдохнёте, отмоетесь. Завтра будет другая работа. Необходимо срочно заниматься ремонтом тока. Привезли новый зерноочистительный агрегат и его позарез нужно монтировать по месту!

– Ну, ты что, Иваныч? На полдня мне их дал? Лучше бы совсем не давал! – опечаленно выпалил тракторист.

– Что я сделаю, Андреич? – ответил агроном. – Так решил директор! Задавай вопросы ему.

На следующий день ребята занялись установкой нового бинарного центробежного сепаратора, который очищал (как сказал агроном) качественнее и по объёму пропускаемого зерна был производительнее, нежели советские аналоги.

Часть разобранной шиферной крыши тока аккуратно лежала на скошенной траве, лопнувшие листы валялись поодаль в неглубоком овраге. Кран осторожно поднял с трала невиданный студентами доселе агрегат. Две серебряные колонны, соединённые между собой, висели на стропях в воздухе, словно ступени термоядерной ракеты. Забежав на ток по крутым и узким ступеням лестницы, студенты помогли рабочим подтянуть агрегат за заранее привязанные к нему верёвки. Отверстие в крыше было достаточным узким. Аппарат мог выломать несколько листов шифера и, ударившись о железную балку, сорваться на деревянный настил.

– Тяни! – крикнул один из рабочих Сергеем. – Что ты встал?

– Я тяну.

– Вот и тяни.

– А ты там в напряжении верёвку держи! – мужик обратился к Анатолию и посмотрел вверх.

Агроном, следивший за всеми действиями по установке сепаратора, услышал разговор и немедленно вмешался:

– Ты давай не кричи на студентов! Молодые ещё. Объясняй, как нужно и что нужно.

– Да я-то что! Я ничего. Просто им объяснил, – ухмыльнувшись, ответил рабочий и подмигнул Сергею.

– Понятно. Мягче нужно. Ещё научатся! – улыбнувшись, сказал Иваныч и отошёл в сторону.

Слаженная работа увенчалась успехом – зерноочистительный аппарат стоял на уготованном ему месте. Студентам предстояло настроить его, запустить и начать самую ответственную работу – очистку зёрен от плевел!

Асфальт, покрытый микроскопической пылью, напоминал природе о необходимости дождя. Листья деревьев, прежде зелёные и сочные, в этот день висели измождёнными. Даже люди – «короли земли» и всего существующего – ходили как манекены. Шквал падающих солнечных лучей с каждым днём нагревал землю сильнее. Природа подвергалась невыносимым нагрузкам от далёкого космического светила, но дождя всё не было...

Началась уборочная. Инженер проверил сепаратор, похвалил студентов за проделанную работу, пообещал выписать грамоту и дал несколько дней отдыха. Сергей по какой-то причине отпросился домой. Из дома позвонил руководству и сообщил, что больше не приедет. Скорее всего, просто не захотел проходить практику в пыли и мазуте, нашёл повод и возможность «откосить» от – как он сам сказал – этого неблагодарного дела, поэтому Анатолию пришлось работать одному, но ничего страшного – ток работал исправно! Пока выпала возможность отдохнуть, он перестирал свои вещи, сварил суп, ведь столовая была закрыта, сделал несколько поэтических набросков о деревенской жизни и нелёгком крестьянском труде, позже начал писать дневник.

В последний выходной день пошёл долгожданный и многообещающий дождь, так нужный природе, но ненужный человеку. Позвонил агроном и продлил выходные ещё на два дня. Струи хлестали в окно, и вскоре из прогнившей деревянной рамы закапало на подоконник. Анатолию захотелось непременно написать что-нибудь о капле! Да. Именно о капле! И уже через полчаса появилась миниатюра. «По небу плыла небольшая, не выделяющаяся ничем среди остальных туча. Она содержала в теле несметное количество капель воды. Каждая была маленькой и прозрачной, впрочем, несущественной. Туча не выдержала накопившейся тяжести и скинула их над океаном. Ветер долго носил, трепал, охлаждал, но тем не менее каждая капля добралась до поверхности океана, слилась с ним и стала одной громадной каплей – Мировым Океаном. Поэтому и человеку, чтобы почувствовать себя существующим и существенным, необходимо слиться с чем-то глобальным и стать самому сутью глобальности...» – он ещё раз перечитал сотворённый шедевр, порадовался собственной философии и с душевным спокойствием отложил тетрадь...

Шум триеров и лязг металлических цепей агрегатов заглушили звуки природы: поющего в небе жаворонка, голосающую в лесополосе синицу. Но что сделать? Человеку нужен хлеб! Без него никуда! Анатолий смотрел на площадку перед током, как два грузовика, «ЗИЛ» и «ГАЗ», оба с ржавыми и битыми кузовами, везли с поля золотистое зерно. Развернувшись на небольшом асфальтированном пятачке, водитель «Газона» сдал назад

и заехал на эстакаду. Профессионального и умудрённого «рулевым» опытом водителя Анатолий узнал сразу – водитель быстро попал в железную колею подъёмника. Стёртые колёса упёрлись в чугунные ограничители, отчего по автомобилю пробежала дрожь, словно он боялся за сохранность вверенного ему груза. Последовала остановка. Кузов поднялся под напором цилиндров. Водитель вышел из машины, сильной мозолистой рукой открыл борт, и зерно бурным потоком потекло в приёмочную яму, лишь последнее, задержавшиеся в неровностях кузова семена пытались догнать своих «полевых товарищей». Студент нажал на пульте управления чёрную кнопку, открыл заслонку, и в работу вступила норья. Звенящая блестящими ковшами на резиновой ленте, она с невероятным усилием поднимала разгорячённое под солнцем добро, отправляя его на самый верх и ссыпая в пасть ненасытного зерноочистительного агрегата. Раскалённая от невидимых трудов солнца шиферная крыша и безветрие, в совокупности с грохотом и вибрацией агрегатов, превратили ток в подобие апокалиптического робота-титана, совершающего таинственный процесс. Обволакивающее облако пыли оседало на всё, словно погребало ненужное Вселенной, кратковременное, человеческое...

Точное и размеренное действие машины принесло долгожданный результат – зерно очищено. Чистые семена пшеницы, отбитые стальным ситом от травяного сора, до поры упали в бункер. Зерновая «пушка» переместила зерно в оранжевый кузов увесистого «КАМАЗа».

Солнце зашло за горизонт. Похолодало. Напряжённый рабочий день подошёл к концу. Затихшие механизмы отдыхали, остывая от изнурительного летнего зноя. Анатолий выключил аппарат, тряпкой протёр пульт управления, посмотрел в окно на звёздное небо и направился в общежитие. Ещё один день практики закончился...

**Александр ВАРФОЛОМЕЕВ,
Елена РИЗАЕВА**

«ЭТО ПРАЗДНИК ДЛЯ МАЛЕНЬКОГО ДОМИКА НАД ВОЛГОЙ»

*Я сделался библиофагом,
пожирателем книг очень рано.*

Н. Г. Чернышевский

Не одно столетие книга оставалась источником знаний. А в саратовских семьях Чернышевских и Пыпиных книга была важной традицией, основой духовного, нравственного устройства. Известно, что наш земляк Николай Чернышевский был энциклопедически образованным человеком. Его особенная начитанность поражала современников. По мере того, как он рос, в нём увеличивалась и тяга к чтению: «Зайдёт к товарищу – и сейчас начнёт рассказывать, что прочитал. А ведь как занимательно, скажет при этом». А из Петербурга напишет родителям про восхищение книжными лавками и что покупка на сто рублей книг может заменить обучение в университете. Заполучить книгу было непросто. Цена варьировалась в зависимости от величины, качества работы, украшений, материалов. Самое раннее из известных упоминаний о стоимости книги находится в «Мстиславовом Евангелии»: «Книги на Руси так вздорожали, что имевший добротную книгу мог выторговать за неё целый дом». Даже если у человека имелась в распоряжении необходимая сумма, нужно было ещё и найти того, кто согласился бы продать такую ценную вещь. Поэтому семья, имевшая личную библиотеку, считалась зажиточной и культурной.

-
- Александр Юрьевич Варфоломеев родился в 1992 году. Окончил Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского по специальности «Социально-культурный сервис и туризм» с присвоением соответствующей квалификации. Работает в музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского с 2020 года, в настоящее время – старший научный сотрудник отдела фондов, хранитель коллекции «Редкая книга» и «Предметы быта».
 - Елена Николаевна Ризаева – главный хранитель фондов, кандидат исторических наук, окончила СГУ им. Н.Г. Чернышевского в 2008 году, работает в музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского с 2012 года.

Из-за небольшого дохода среди провинциального духовенства Саратова XIX века далеко не каждый мог себе позволить обладать собственной библиотекой. Судить о размерах личных библиотек духовенства можно, основываясь на реестре, составленном в январе 1842 года, по распоряжению саратовского епископа Иакова: «Имеет оная консистория собрать по Епархии чрез местных благочинных сведения: имеются ли в домах протоиереев, священников и диаконов библиотеки и какия именно заключают они в себе книги, и таковыя сведения с реэстрами тем книгам доставить ко мне»¹.

У Чернышевских была одна из лучших библиотек в городе, вторая по численности среди духовенства Саратова. Имеются сведения, что библиотека протоиерея Г. И. Чернышевского, отца Николая Чернышевского, содержит 529 экземпляров, священника Разумова – 422, протоиерея Ремезова – 108, священника Октоптова – 62, протоиерея Диаконова – 222, священника Ципровского – 177, священника Левитского – 161, протоиерея Элидинского – 355, священника Рождественского – 655, протоиерея Казаринова – 123, священника Волковского – 321, протоиерея Лугарева – 35, священника Покровского – 75, т.е. всего 3867 экземпляров². В списке также значились священнослужители, которые указали 1–3 книги в собственности, а были и такие, которые не имели книг вообще. Как мы видим, не так много обладателей больших книжных собраний было в Саратове среди духовенства.

Теперь кажется нам большой редкостью, когда книги становятся семейной реликвией, переходят из поколения в поколение, а у Чернышевских часть семейной библиотеки перешла ещё от бабушки Николая Гавриловича по материнской линии – протоиерея Сергиевской церкви Егора Ивановича Голубева. Любовь и бережное отношение к книге прививались в семье Чернышевских с детства: «Библиотека была в полном порядке. Ни рвать книгу, ни пачкать её в доме не полагалось. Это постоянно внушала нам маменька, когда по вечерам случалось брать из шкафов Гавриила Ивановича какой-нибудь журнал или книжку для чтения», – продолжала вспоминать мемуаристка³.

Гавриил Иванович пользовался большим уважением в городе и имел довольно обширный круг знакомств среди местного дворянства, у него была возможность доставать для своего сына Николая новые книги, на разных языках. У них в доме всегда были свежие издания произведений Пушкина, Гоголя, Жуковского, а также большое количество периодических изданий: религиозных – «Христианское чтение» и «Воскресное чтение», а также светские – «Современник», «Отечественные записки», «Живописное обозрение», «Московские Ведомости». Николай Гаврилович усердно их читал уже с десятилетнего возраста⁴. Уникальность семейной библио-

¹ Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858). – Москва: Петроглиф; Санкт-Петербург, 2015. – 624 с. С. 34–35.

² Там же.

³ Пыпина Е. Н. Беседы о прошлом: (Рассказы Е. Н. Пыпиной в записях Н. М. Чернышевской) / [Предисловия А. А. Демченко, Н. М. Чернышевской]. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1983. – 127 с. С. 30.

⁴ Захарова И. Е. Гавриил Иванович Чернышевский – представитель элиты провинциального духовенства первой половины XIX века: автореферат дис. кандидата исторических наук: 07.00.02 / Захарова Инна Евгеньевна; [Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского]. – Саратов, 2011. – 22 с. С. 60.

теки Чернышевских заключалась в том, что в ней, помимо церковных книг, присутствовали также и светские, что являлось редкостью для семьи священнослужителя того времени.

Книжным богатством семьи Чернышевских были «Великие Четьи-Минеи», многотомник «История Государства Российского» известного русского историка Н. М. Карамзина, «История римского народа» Ш. Роллена в переводе Третьяковского, «Всеобщее путешествие вокруг света» французского мореплавателя Жюль Себастьяна Сезара Дюмон-Дюрвиля, «Энциклопедический лексикон» А. А. Плюшара, «Основания всеобщей истории» аббата Миллота, «Всеобщая история» И. М. Шрекке, иллюстрированный альманах «Картины света» А. Ф. Вельтмана, и др.⁵ Когда приходил журнал «Живописное обозрение», «это был праздник для маленького домика над Волгой», говорила Александра Егоровна Пыпина. Когда Н. Г. Чернышевский овладел греческим и латинским языками, его родные стали замечать за старой латинской книгой, изданием Цицерона – книга начала 17 века. Это была одна из самых старых книг отцовской библиотеки.

Такое разнообразие во многом способствовало стремительному и разностороннему развитию маленького Николеньки, который с раннего детства пристрастился к чтению. Можно сказать, что любовь к книгам перешла к нему по наследству. В семье Чернышевских все увлекались чтением. Из сибирских писем Николая Гавриловича мы узнаём, что времяпрепровождение за книгой было для домочадцев любимым видом отдыха после тяжёлого рабочего дня⁶. «Наши матери с утра до ночи работали. Выбившись из сил, отдыхали, читая книги»⁷. Тётя Николая Гавриловича, Александра Егоровна Пыпина, также часто пользовалась библиотекой Гавриила Ивановича. Вот что вспоминает об этом её дочь, Екатерина Пыпина: «...Сядет в гостиной за столик и читает журнал: «Современник» и «Отечественные записки», которые присылались из Петербурга, «Русский вестник» брали от знакомых. Присылались также газеты: «Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Помню, я забиралась к матери на скамеечку у её ног и тоже читала по складам»⁸.

Такой пример взрослых, безусловно, оказывал влияние на увлечение маленького Николеньки. Как он впоследствии утверждал: «Никто нас не «приохочивал». Но мы полюбили читать»⁹. Гавриил Иванович всячески поощрял увлечение сына, но чрезмерная привязанность к книге иногда вызывала недовольство у бабушки Николая. Педагог Ф. В. Духовников вспоминает: «До какой степени в Николае Гавриловиче, ещё мальчике, была развита страсть к чтению, можно заключить из того, что он, даже сидя за обедом или за ужином, не расставался с книгой и читал её, что очень сердило его бабушку. «Он и не ест, заболел, пожалуй», – говорила она. «Захочет, будет есть, – заступался за сына-любимца отец, – а если он читает, а не ест, значит, есть не хочет». Привычку читать за столом Нико-

⁵ Демченко А. А. Указ. Соч. С. 34–35.

⁶ Захарова И. Е. Указ. Соч. С. 59.

⁷ Чернышевский Н. Г. Письмо Ю. П. Пыпиной от 25 февраля 1878 г. // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. XV, Москва, 1950. С. 152.

⁸ Пыпина Е. Н. Указ. Соч. С. 21.

⁹ Чернышевский Н. Г. Письмо Ю. П. Пыпиной от 25 февраля 1878 г. С. 152.

лай Гаврилович сохранил до самой смерти: во время обеда он обыкновенно читал газеты и журналы¹⁰.

Пристрастие к чтению подтверждалось и другими современниками, например, чиновник Н. Д. Прудентов вспоминал, что когда утром и в полдень он проходил мимо дома Чернышевских, то постоянно видел, как Николай читал газету. «Отец важная и почтенная персона, и сын вышел в него: девять лет, а так усердно читает газеты!» – восхищался чиновник¹¹.

Н. Г. Чернышевский вспоминал: «Я сделался библиофагом, пожирателем книг, очень рано. В десять лет я уже знал о Фрейнстейнии, и о Петавии, и о Гревии, и об учёной госпоже Дасиер; в 12 лет к моим ежедневным предметам рассмотрения прибавились люди вроде Корнелиуса а Лапиде, Буддея, Адама Зерникова (его я в особенности уважал)». Затем в круг чтения вошли «Великие Четьи-Минеи», переводы романов Ж. Санд, ранние переводы Диккенса; сочинения М. Ю. Лермонтова – «я знал чуть ли не все лирические его пьесы». Также он с удовольствием читал «Монастырку» Погорельского. Не обошёл вниманием Николай и труды русского астронома, математика и механика Д. М. Перевощикова. «Я читал решительно всё, даже ту «Астрономию» Перевощикова, которая напечатана в четвёрку и в которой на каждую строку, составленную из слов, приходится чуть не страница интегральных формул»¹². «Не похваюсь, что я прочёл всю эту Астрономию сплошь – слишком уж ясно было мне, что я не понимаю в ней ни слова, и я всё пробовал в разных местах, не наткнусь ли на такие строки, которые бы понял. Но всё-таки я читал её очень много»¹³. В 10–15 лет Чернышевский восторгался «Историей» Роллена, особенно периодом Самнитских войн, которые изобиловали описаниями сражений. «Никакой роман не занимал нас так, как эти страницы, которых не в состоянии прочесть взрослый человек по их невыносимой монотонности»¹⁴.

В том же возрасте в руки Николая попался «скандальнейший роман покойного Степанова, кажется «Тайна», а может быть, «Постоялый двор», в котором, как он утверждал, с пренебрежением перевёртывал некоторые страницы. Также и в романах Поль де Кока забавляли только «уморительные приключения», а интриги оставались «без всякого внимания»¹⁵.

Что касается религиозной литературы, то одной из его настольных книг в детстве была «Четьи-Минеи», которые он читал «очень много», но «совершенно пропускал проповеди и краткие жития, читал исключительно только длинные, состоящие из ряда отдельных сцен, рассказанных вообще с беллетристической обстоятельностью или с анекдотической живостью». Их приобретение связано с интересной историей. Дело в том, что Николай очень любил просматривать каталоги синодальной книжной лавки, которые присылались его отцу для справок при официальном требовании книг для церквей. И вот однажды Гавриил Иванович заполнял свои деловые бумаги, а маленький Николай стоял рядом и пересматривал каталог. Там были «книги на грузинском, на армянском языках, с заглавиями, напечатанными

¹⁰ Духовников Ф. В. Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове. Саратов, 1890 год. С. 546.

¹¹ Демченко А. А. Указ. Соч. С. 36.

¹² Там же.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. I. Москва, 1939. С. 636.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. VII. Москва, 1950 С. 446.

¹⁵ Там же.

грузинским, армянским шрифтом, – я любил неизвестные шрифты и задумался: что если бы иметь такие книги? – попросить папеньку купить?» – вспоминал Николай Гаврилович. Но тогда он не знал этих языков и на минуту задумался: а стоит ли покупать книги, которые и прочесть не сможешь? Но холодный рассудок возобладал, и машинально произнёс: «Папенька, купите «Четьи-Минеи». Гавриил Иванович положил перо и со словами: «Кажется, не по нашим деньгам, миленький сыночек» – взял из рук сына каталог. «Четьи Минеи» стоили более 30 рублей серебром, но неожиданно для Николая он скоро стал получать том за томом...»¹⁶.

Много позже, в зрелом возрасте, Николай Гаврилович утверждал, что на первых порах чтение было «многовато послабее» впечатлений жизни, всё же оно занимало в системе его воспитания заметную роль. Живая действительность по-своему воспитывала не вопреки, а в совокупном влиянии с книгой, которая помогала расширить представление о мире, знакомила с природой, вещами и всем тем, что его окружало. Чтение юного Чернышевского было разнообразным и не ограничивалось религиозными сочинениями, а наличие книг на древних и новых европейских языках побуждало к изучению языков. Как отмечали все мемуаристы, в этих книгах было не только занимательное содержание. Но и много картинок, что повлияло на формирование любви к чтению и развитие детской фантазии.

И по сей день значение детской литературы трудно переоценить, ведь именно в детстве закладывается фундамент для воспитания и достижения успеха человека в будущем.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Указ. Соч. Т. I. С. 636.

**Любовь
ЧИРКОВА**

«Я ВСПОМИНАЮ РОДИНУ СВОЮ...»

1

Геннадий Леонтьевич Ступин – один из лучших поэтов послевоенного поколения, о котором сегодня мало кто помнит, даже на его родине – в Саратовском крае.

Родился будущий поэт 12 октября 1941 года в самом начале Великой Отечественной войны, и мать Серафима Григорьевна переживала весь ужас происходящего. Геннадий Леонтьевич появился на свет в роддоме провинциального городка Аткарска Саратовской области очень болезненным и слабым и только благодаря переливанию крови отца – Леонтия Ивановича – чудом выжил.

Родной Аткарск – это место, далёкое, по его словам, от гор и океанов и, стало быть, от природных катаклизмов, на широкой равнине с лесами и речками, «как у Бога за пазухой», – навсегда осталось в памяти поэта и многократно воспето им в стихах и единственном прозаическом произведении «Горячая земля».

В нём он рассказал о самом счастливом периоде своей жизни – беззаботном детстве и счастливой юности. Это безоблачное время, полное любви, светлых чувств к природе, малой и большой Родине, Ступин сохранил навсегда в своём сердце. Он восхищается не только климатом – за грибами и ягодами – в леса, за рыбками – в речке Медведице, Аткаре, Лаверзе, Кольшлее, – но и своими земляками, лучше которых, по его мнению, тоже на свете никого нет.

Голод и лишения, тяжесть жизни в раннем детстве, по мнению Ступина, делают людей более здоровыми, выносливыми, живучими, как в физическом, так и в психическом плане.

Стихи Геннадий Леонтьевич начал сочинять, по его признанию, с двенадцати лет, правда, серьёзно к этому занятию не относился. Мечтал он о вполне земной профессии, чтобы зарабатывать себе на кусок хлеба; как и все окружающие его люди, в то время не думал, что эта его увлечённость когда-нибудь выльется в серьёзное занятие, без которого он уже не сможет жить.

2

Окончив в 1958 году аткарскую среднюю школу № 3, Геннадий Ступин решил уехать в столицу, уйти в большую жизнь искать своё призвание, оставив отчий дом, где был бесконечно счастлив. Дело в том, что Аткарск – маленький городок, и работать там негде – только на железной дороге или в сельском хозяйстве. Многие земляки Геннадия уезжали на заработки в Саратов, а более амбициозные – в Москву или поближе к столице.

С какой любовью и радостью пишет Ступин о своём городке, с которым не без грусти расстался на железнодорожном вокзале, чтобы покинуть его и устроить свою жизнь в другом месте, перебравшись ближе к столице.

*Сам меня провожал ты с надеждою, болью, тревогой
За наукой, на службу солдатскую, славы искать,
И снабжал меня сам ты котомкою лёгкой, убогой,
И пускал бесконечной прямою железной дорогой,
Научив меня видеть и думать, читать и писать...*

....

*Но в стихах моих красная кровь – не пустая вода.
И в каких бы ни жил я известных больших городах –
Я аткарским останусь, степным, коренным, то есть русским,
И не стану другим никаким ни за что, никогда!*

Прогретая жарким зноем земля, голубые небеса и водоёмы с хрустально-чистой водой, солнцем залитые лесные поляны и целинные луга, чистый и прозрачный воздух берёзовых рощ напитали поэта здоровьем и талантом, которых хватило на годы. И позже в своём творчестве, испытал много трудностей, он с любовью вспоминает свою малую родину. Знаящие его люди рассказывали, что поэт никогда не забывал об Аткарске, так или иначе в мечтах и воспоминаниях возвращался в свой родной город, у которого даже просил прощения:

*Ты прости меня, город степной захолустный,
Что давно я покинул тебя навсегда.
Летом жарко в тебе, слишком пыльно и пусто,
А зимою под ветром поют слишком грустно,
Словно волки, стальные твои провода.*

3

Вначале он поселился в посёлке Сходня Химкинского района Московской области, и там в 1961 году окончил Московский заготовительный техникум Центросоюза по специальности «Охотовед-зверовод», а затем был призван в армию. Отдавал долг Родине с 1961 года по 1964 год на Северном Урале. Вернувшись со службы, работал в Твери, городах и посёлках Подмосковья и в Москве, сначала по специальности, но трудности и неустроенность жизни заставили его много раз менять профессии. Зарабатывая себе на жизнь не стихами, а работой, в том числе тяжёлой и вредной, он трудился кочегаром, хлораторщиком, грузчиком, электриком, слесарем, камнетёсом, охотоведом, и это далеко не весь список профессий, которые освоил поэт, чтобы в перерывах между работой, едой и сном умудряться писать прекрасные, жизнеутверждающие стихи.

Да, жизнь по-разному складывается у разных людей: кому-то Бог даёт сполна и сразу все блага, другому приходится прорываться «через тернии к звёздам». Вот и Ступину судьба досталась нелёгкая. Он сам обо всех своих невзгодах, перенесённых в жизни, коротко и вместе с тем ёмко рассказал в автобиографическом произведении, опубликованном в журнале «Наш современник»: «Живуч, двужилен и цепок наш род. Родился наперекор всем средствам и способам, чуть не умер сразу, спасли врачи отцовской кровью. Всеми болезнями переболел в детстве, не говоря уж о голоде и холоде, потом бегун-прыгун был, волейболист-баскетболист, ходок-ездок на велосипеде, рыбак и бродяга заядлый, неумолимый, закалявшийся круглый год во всяких водоёмах и обливанием на всяком морозе ледяной водой (чем крепче мороз, тем легче обливаться: самая ледяная вода на морозе кажется чуть ли не тёплой), не пивший, не куривший до 19 лет, а с тридцати и чуть ли не до пятидесяти работавший кочегаром, грузчиком в аэропорту Внуково; спивавшийся и чуть было совсем не спившийся, бывавший и в вытрезвителях, и в «суточных» камерах, и в дурдоме, и под поездом, едва ушедший от тюрьмы и белой горячки, от смерти в том или ином виде и – оставшийся-таки живым, на удивление знакомым и родным, знавшим мою «одиссею», бросивший пить и курить, «завязавший» наглухо, ставший сносным мужем и отцом и даже дедушкой, в конце концов, и в работе своей достигший определённых успехов и признания. Чему и кому обязан я этим своим «чудом», почти воскрешением из мёртвых, преодолением гибельной, неотвратимой судьбы, переломом её в обратную сторону, из качения под горку, вниз – на подъём вверх, из пропасти – горе? Богу, конечно...»

4

Геннадий Леонтьевич писал много, упоённо, но все его стихи были наполнены тоской о своём родовом гнезде, о лесах, речках, рощах, которые он когда-то в далёком детстве запустил в свою душу и сохранил в ней навсегда. Эта крепкая любовь к своей «горячей земле» помогла ему выстоять в самых трагических жизненных ситуациях. Возвращаясь после долгих скитаний на чужбине в Аткарск, где черпал вдохновение, разделяя судьбу других русских писателей из народа, поэт пишет много стихотворений о своей малой родине.

Вчитаемся и мы в эти проникновенные строки:

*Бросить всё, уехать в даль степную,
Где ни стен кирпичных, ни углов,
Где играет ветер песнь родную
На просторе – без конца и слов...*

Но узнает ли степная земля в нём родного сына? И кому он нужен на этой отчей земле, где уже нет родителей, а знакомые и бывшие товарищи поразъехались или изменились...

*...Отца и матери там больше нет.
Ни дома, ни любимой, ни друзей...
От них остались ветер лишь и свет,
Да зной и пыль, да чистый белый снег
На незабвенной родине моей...*

*Знакомые? Их встречу, может быть, –
Они уже не те, и я не тот.
И, если не лукавить и не пить,
Нам не о чем друг с другом говорить –
Неразговорчив трезвый наш народ.*

*Они мне не чужие, я – чужой,
Объехавший зачем-то целый свет...
А что поэт я, пусть и небольшой,
И к ним тянусь рассеянной душой –
На родине моей поэтов нет...*

Ступин понимал, что нельзя дважды войти в одну реку. Он не мог вернуться на свою малую родину, любимый Аткарск, потому что города больше нет в том виде, каким он его помнил и любил.

В родной город он ездил до пятидесяти лет. Место осталось то же, и природа родная, а вот люди стали другие, чужие... Он понимал, что в Аткарске он никому не близок, но его тянуло туда.

И если бы дело было только в тоске по родным с детства местам и земле предков, то можно было бы ездить на свою родину – никто не запрещал, да и билеты стоили недорого.

Дело вовсе не в том. Печаль и тоска в стихах Ступина вызвана вовсе другой причиной: они в нём самом, в его генах и, если хотите, в душе. Он таким родился: «рыцарь печального образа». Именно эта печаль провоцировала и стимулировала его к написанию стихов, но тоже, увы, грустных. И причина не в том, что в Аткарске не осталось знакомых лиц. У Ступина было особое чутьё времени: он ежедневно, ежечасно, ежеминутно чувствовал, как оно уходит, словно песок в песочных часах. Не у всех есть такое чутьё, и слава Богу, ибо оно не приносит радости, а, наоборот, несёт лишь разочарование и грусть по безвозвратно ушедшему и неповторимому, и не стирающемуся (к сожалению) из памяти. словно всё было только вчера, всё живо, ярко, всё только что произошло. А нет: это уже кануло в Лету навсегда, навечно. Вот это как раз чувствовал и понимал Ступин.

Вероятно, как и у любого человека, у Геннадия Леонтьевича были и счастливые дни, но они не приносили вдохновения и не оставили памяти в стихах, ибо его музы – Грусть и Печаль, и только они вдохновляли его на творчество. Осознавая, что всё течёт и изменяется, человек с момента рождения идёт к своему неизбежному концу, и нет силы, которая могла бы изменить конец этого пути, Ступин понимал, как бессилён человек, в том числе и он сам.

5

Творчество Ступина легко разделить на три этапа. Первый – это стихи о своей малой родине, наполненные любовью, искренние, берущие за душу. В них есть надежда на то, что всё может измениться к лучшему. В стихах второго этапа чувствуется побеждающая беспросветность, поэт страдает, но ему ничего не остаётся, кроме как констатировать факт: время мчится, уходят и люди, и он когда-нибудь уйдёт...

Казалось бы, полная безысходность, и другой бы человек, наверное, не выжил и сломался, но Ступин выдюжил, и помог ему выдержать все удары судьбы его поэтический дар. О своей поэзии Ступин говорил, что

поэт он небольшой, но поэт Божьей милостью. У него нет лёгкости в стихах. Но не писать он тоже не может. Он такой, какой он есть.

Геннадий Леонтьевич долго не печатался. Первая публикация его стихов состоялась в 1980 году, когда поэту было почти сорок лет. А потом публиковался в альманахах «Истоки», «Поэзия», «День поэзии», сборниках «Молодые поэты Москвы», «На тебя и меня остаётся Россия», в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Наш современник» (стал лауреатом премии в 1991 году), «Молодая гвардия», «Москва», газетах «Литературная газета», «День» (стал лауреатом премии газеты в 1991 году) и других.

Первая книга Геннадия Ступина вышла в 1984 году – «Тени тихие по полю», а в 1987-м – вторая под названием «Ясная моя судьба». В ней поэт осмысливал своё место под солнцем, олицетворяя провинциальную русскую лирику:

*...Я вспоминаю родину свою,
Уже как будто дальнюю звезду
У жизни и у мира на краю,
Куда я, если буду лишь в раю,
Когда-нибудь поеду иль пойду...*

В том же году Геннадий Леонтьевич стал членом Союза писателей СССР.

В 1991–1993 годах он учился на Высших литературных курсах (ВАК) при Литературном институте имени А. М. Горького. Однако после того, как поэт вступил в Союз писателей и окончил Высшие литературные курсы, в его судьбе ничего не изменилось: он продолжал работать машинистом насосной станции.

Третий этап его творчества совпал со временами «новых русских», которые Геннадий Ступин встретил протестом, тяжело переживая закрытие многих промышленных предприятий и непростое положение, в котором оказались в те годы рабочие. А что он, простой рабочий человек, мог сделать? Его оружием были стихи. Он чувствовал, что должен встать на защиту Родины с пером в руках – единственным инструментом, которым он овладел в совершенстве.

6

Стихи Ступина последнего десятилетия глобально жестокого XX и начала XXI века, в которых он отразил разрушение России, полны отчаяния, боли и страдания. Это время – «окаянные дни» разрушения страны, когда народ, для которого смысл жизни – в созидании и духовном единстве, в большинстве своём оказался не у дел. Человек уже давно не «за пазухой у отеческого края», он не защищён на своей родине никакими «правами человека».

*От горя и гнева я вижу в ночи.
Я вижу Россию от края до края.
Я слышу, как горько Россия молчит,
Всех верных своих сыновей вспоминая.
Настали опять её чёрные дни.
Бесчинствуют в доме иуды и воры.
И друг перед другом ярятся они.
И нету дубинки для бешеной своры...
Все тёмные силы сорвались с цепи*

*И рвут на куски тебя, топчут и лают...
 О добрый народ мой, терни не терни –
 Они доброты твоей не понимают.
 Они не отпрянут, пока не убьют.
 Не будет ни хлеба тебе и ни кровли...*

В 1991 году он пришёл в редакцию газеты «День» (позднее она стала называться «Завтра») и предложил свои стихи, наполненные болью и страданиями, главному редактору газеты Александру Проханову. Стихи те сразу же понравились как редакции оппозиционного издания, так и его читателям.

Днями Геннадий Ступин работал, а по ночам писал, став постоянным автором газеты. Поэт сопротивлялся новому режиму, осквернению русского духа, сочиняя стойкие, неподкупные стихи, которые печатал и элитарный «Новый мир», и московские альманахи. Эстеты ценили яркий талант этого вроде бы абсолютно чуждого им по настроениям и по направленности поэта. Его стихи охотно печатал «Наш современник». Многие известные современные российские поэты, а также певцы глубинки признаются, что поэзия Геннадия Ступина повлияла на их творчество.

Вот как пронзительно точно сказал о Ступине русский публицист и литературный критик, журналист, главный редактор газеты «День литературы» Владимир Бондаренко: «Вся его протестность разом выплеснулась в «окаянные дни» перестройки и последующего развала России. Он сразу же, как и Борис Примеров, почувствовал свою необходимость газете «День». Это были наши поэтические символы. Как ненавидел он, русский рабочий, житель окраинного местечка, эту налетевшую на нашу страну «вместо птиц саранчу, ненасытна, бесщётна, чёрна...» Не видел он, будучи реалистом, в своей рабочей среде и реальных сил для отражения.

*Стирает дух кромеишной круговертью.
 В родимом, горько замершем краю
 Опять один, пред жизнью или смертью,
 Сжав кулаки, в кольце врагов стою...*

Честный поэт, в меру добрый и искренний, писал правду без прикрас и ретуши о том, что видел и слышал, о чём болела его душа, о том, с чем он не хотел смиряться. Невольно вспоминается китайское выражение: «Не дай Бог жить в эпоху перемен». Население страны по-разному выживало в это время: одни адаптировались, другие смирились, а кто-то не смог выжить.

Ступин выживал как мог: по-прежнему был простым рабочим, а выражал своё душевное несогласие с этим миром через стихи. Его поэтический талант засверкал новой гранью. Жаль, что тема его произведений была опять-таки безрадостной, хотя и не беспросветной. Он видел Россию униженную, но при этом верил – это всё временно...

*На Россию падает чистый снег,
 А Россия лежит черным-черна...
 ...
 И склонился над ней весь в белом Христос...*

Геннадий Леонтьевич, как видно, откровенно верит и считает, что именно Православие, вера русского народа спасёт Россию, как спасала не раз от разного рода ворогов, пытавшихся овладеть ею. До сей поры оптими-

стически настроенные завоеватели терпели поражение. И в этот раз Россия сумеет подняться с колен и отряхнуть с себя грязь и пыль...

Третья и последняя книга – «Красные цветы» – вышла в чёрное для России время – в 1996 году. Это была итоговая книга, которую готовил автор к своему 55-летию. Она наполовину состояла из неопубликованных по разным причинам стихов. В неё вошли стихи из его обеих предыдущих книг, названия которых стали рубриками, а кроме них, ещё три части: «Степная дорога», «Холм», и «Чёрные годы». В эту книгу поэт включил своё объёмное произведение эпического жанра в виде мемуаров – автобиографическое эссе «Горячая земля», которое было опубликовано в журнале «Наш современник» в 1994 году (№ 3).

Если первые его книги прошли жёсткую цензуру, но вышли, то две последние не вышли по причине развала издательства, осталось очень много ненапечатанных материалов, огромный архив, о чём поэт горько сожалеет. В письме к саратовскому писателю Ивану Владимировичу Пыркову Геннадий Ступин пишет: «...Вот проблема. Перед финишем. Да и написанного у меня раза в три больше, чем опубликовано. А как, где издать? Не имею понятия... Спонсоров искать не умею, не могу, не хочу. А ведь всё пропадёт. Всё пропадёт... Я разобрал стол, привёл всё в полный порядок, килограммов 20 выбросил в мусорку, килограммов 40 осталось. А куда, кому их?..»

Скончался Геннадий Леонтьевич Ступин 10 февраля 2012 года.

У него осталась неизданной новая книга стихов, собранная им самим.

Геннадий Ступин – поэт классического склада, крупнейший мастер двадцатого и начала двадцать первого века, неоценённый в должной мере современниками, даже не изданный полностью, заслуживает высокой оценки. А всё написанное поэтом должно обязательно дойти до читателя.

Геннадий
СТУПИН

СПУТНИЦА МОЯ – ПЕЧАЛЬ...

Заспать бы всю жизнь и внезапно проснуться
От крика скворца и горячего солнца.
И выйти во двор босиком, оплеснуться
Водой ледяной, только что из колодца...

В отцову большую железную кружку
Налить молока из бадейки до края,
И чёрного хлеба отрезать краюшку,
И съесть не спеша, молоком запивая...

Потом на плечо свои удочки вскинуть,
Пойти вниз по Пушкинской, не обернуться
И там, на Медведице солнечной, – сгинуть.
Заспать бы всю жизнь и внезапно проснуться...

Услыхал я кукушку в весеннем лесу –
Тихо ёкнуло сердце в груди:
Прокукуй, хоть и знаю, что смерть на носу,
Сколько лет у меня впереди.

Прокричала тревожно кукушка раз пять,
И – молчание... Так я и знал.
И собрался уже уходить, но опять
Сладкий голос мне закуковал!

И опять замолчал... И опять ворожит
Страстный голос грудной с переливами.
И со счёта я сбился. И вышло, что жить
Очень долго мне. Но – с перерывами.

Видно, это так угодно Богу,
Чтобы я всю жизнь свою забыл
И печально, тихо и убого
Дни свои последние влачил,
Безучастно на бедлам взирая

И не внемля горю, злобе, лжи,
Даже памятного не подбирая
На руинах жизни и души.
Лишь трудился тяжело и прилежно,
Из всего питья лишь воду пил
И, как мальчик, молча, безнадежно
Молодую женщину любил...
И ещё за то, что не приемлю
Времени воров, иуд, горилл
И при этом небо зрю и землю,
Горячо Его благодарил.
Явно это мне Его веленье:
Чтобы я не делал ничего –
Только жил и сохранял терпенье
И рассудка ясность – среди всего,
Что зовётся светопреставленьем –
Перед Страшным пред Судом Его.

Спутница моя – печаль.
Потому что невозможно
Жить как должно – непреложно
До конца. А жизни жаль.

Роковая круговерть
Своенравно мною правит.
Отказаться бы я вправе,
Да принять пришлось бы смерть.

Для чего мне знать дано
То, как в жизни не бывает?
Это знанье убивает.
И убило бы давно,

Если был бы я сильнее
И жесточе, нетерпимей
В жизни неисповедимой,
И расстались бы мы с ней.

Только жизни этой – жаль...
И живу я невозможно,
И со мною непреложно
Спутница моя – печаль.

Ты победила меня, жизнь.
И я сдаюсь и умираю.
Но перед смертью умоляю:
Ты меня в поле положи.

И незаметно усыпи
Морозом. И не похоронам –
Отдай меня волкам, воронам,
Чтоб не нашёл никто в степи.

Чтоб я, как в жизни, был ничей,
А только Божий и природный,
Так и по смерти был свободный
Даже от памяти твоей.

Не осталось ничего святого
За душой и просто ничего.
В мир ушло всё, в музыку и слово.
Пусто, где душа была, черно.

Не осталось ничего и в теле.
В труд ушло, в любовь ушло, в вино.
Доживаю век свой еле-еле,
Сердце рвётся, и в глазах темно.

Ничего мне люди не вернули,
Ничего мне мир не возвратил.
И гуляю голый, гули-гули,
И гугню весёленький мотив.

И смешу мальчишек, и пугаю,
Старая пустая голова.
Эх ты, жизнь-жестянка дорогая..
И глотаю горькие слова.

В белый свет, что неизменно ясен,
Недвижим, вперяюсь день-деньской:
Потому он кажется прекрасен,
Что вполне бессмыслен, и бесстрастен,
И бесчувствен к участи людской.

Допиваю последние капли.
Стало уксусом жизни вино.
Моё время и силы иссякли.
На душе и на свете темно.

Мрачновато, конечно, но честно.
Даже некуда дальше честней.
Но от слов этих вольно – не тесно
В остающейся жизни моей.

Окончательно так и спокойно.
Ибо – истинно. Всё так и есть:
Человек умирает, поскольку
Был да вышел до капельки весь.

Как становится чёрной дырою,
Отгорев и остынув, звезда.
Хотя свет её некой дугою
Сотни лет всё идёт к нам сюда.
Пусть источника нет. Всё другое –
Человеческая ерунда.

ЮБИЛЕЙ МИХАИЛА АЛЕКСЕЕВА НА ЕГО РОДИНЕ

6 мая 2023 года исполнилось 105 лет со дня рождения нашего замечательного земляка – писателя Михаила Николаевича Алексева. Торжества проходили 24 мая в Калининске (старое название – Баланда). Алексев появился на свет недалеко от этого городка – в селе Монастырском.

Земляки писателя ликовали на славу: подготовили торжественное собрание, отличную художественную самодеятельность, провели творческий конкурс его имени и наградили победителей самых разных возрастов. И вот это, пожалуй, самое главное. Среди участников и зрителей этих культурных акций было много детей и молодёжи. Впечатлили и вдохновили!

Надо заметить, что место это просто волшебное: тут жива память о «Вишнёвом омуте», «Ивушке неплакучей», «Журавушке», «Солдатах», «Драчунах» и многих других произведениях писателя. Здесь читают и перечитывают Алексева, исполняют его со сцены и изучают в школе.

Когда погружаешься в поток гостей и хозяев праздника, отчётливо понимаешь: неслучайно именно здесь родился и вырос такой, национального масштаба, писатель. Неслучайно Михаила Николаевича сюда всегда тянуло, и он часто приезжал к своим замечательным землякам – людям душевным, открытым, гостеприимным, талантливым. Именно с них и писал он своих героев. И они с большой любовью и уважением хранят память о своём писателе, прославившем их малую Родину и оставившем яркий, благодарный след в сердцах земляков.

Саратовские писатели традиционно приезжают в Калининск, называя эти поездки «в гости к Алексеву». Это всегда событие. А лауреаты литературной премии его имени носят это звание с пониманием его значимости.

Наталья ЛЕВАНИНА

**Сергей
ФОЛИМОНОВ**

НАСТОЛЬКО РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ, НАСКОЛЬКО ЭТО ВООБЩЕ ВОЗМОЖНО...

Заметки о творчестве Михаила Алексева

Когда размышляешь над историей нашей литературы, всякий раз не устаёшь удивляться, как всё-таки подвержена судьба художника настроениям и веяниям времени и как часто мы проходим мимо подлинно талантливых творений, ослеплённые новомодными тенденциями, оглушённые идеологическими догмами, скованные требованиями политической конъюнктуры.

Особенно печальна участь творцов, признанных официальной властью, на ком не лежит таинственный флёр диссидентства, кто не отметился своей причастностью к оппозиции и, как следствие, оказался в стане «чужих». К таким художникам относится и Михаил Николаевич Алексева, которому 6 мая 2023 года исполнилось бы 105 лет.

В послужном списке Михаила Николаевича две Государственные премии – за романы «Вишнёвый омут» (1966) и «Ивушка неплакучая» (1976), а также целый иконостас орденов и медалей, полученных за ратные подвиги и трудовые свершения. Но настоящий творец определяется не этим. Он определяется мерой простой и суровой: если его произведения спустя годы способны волновать, если авторские чувства и мысли так же близки новым поколениям читателей, значит, есть в них что-то вневременное, неподвластное суетным попыткам подчинить душу свою сиюминутным капризам изменчивого мира.

Непреходящая ценность литературного наследия Михаила Алексева в его русскости. Он настолько русский писатель, насколько это вообще возможно. Александр Проханов однажды очень точно подметил, что эта особенность творческой и человеческой природы явлена в самом языке алексеевской прозы, названном им «сладостным русским языком», через который

-
- Сергей Станиславович Фолимонов – литературовед, критик, поэт-песенник, член Союза писателей России, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Саратовской государственной юридической академии. Родился в г. Уральске (Республика Казахстан). Окончил Уральский педагогический институт им. А. С. Пушкина. Живёт и работает в Саратове. Публиковался в областных газетах, коллективных сборниках и журналах: «Сибирские огни», «Волга–XXI век», «Эдита», «Новая литература». Автор книг и статей о творчестве поэтов и писателей конца XIX–начала XX вв., о современной поэзии и прозе.

«с нами в книге говорит вся Россия». Неслучайно в 1984 году, когда писателя номинировали на Ленинскую премию за роман «Драчуны», вышедший двумя годами ранее, разразился типичный для той эпохи литературный скандал, в пылу которого роман был объявлен антисоветским. Когда перечитываешь сегодня это произведение, отчётливо понимаешь, что послужило главной причиной столь негативной оценки критиков. В «Драчунах», как и до этого в «Карюхе», Алексеев предстаёт, в первую очередь, сыном русской земли, а исповедальность его автобиографизма настолько глубока, что не вписывается ни в один идеологический контекст.

Потребность припоминания, осмысления, выстраивания прожитого и пережитого возникает в зрелом возрасте у каждого человека, но только художнику дано создать образ прошлого, имеющий не только личную или семейную, но и общечеловеческую ценность. Повесть «Карюха» появилась в 1968 году, когда Алексееву исполнилось пятьдесят. И впоследствии эта тема и этот жанр уже не отпускали прозаика. Понимание природы художественности, предсказанное некогда Львом Толстым, заключающееся в постепенном отказе от вымысла в пользу факта, ставшего частью авторской биографии, Алексеев осознанно делает своим главным творческим принципом. И чтобы подчеркнуть значимость этой идеи, использует слова Толстого в качестве эпиграфа к повести «Карюха».

На первый взгляд хронотоп автобиографических текстов прозаика предельно узок, что вполне объяснимо их жанровой спецификой. Однако в этой малости как в капле воды отражается целый мир. Такую головокружительную безграничность обеспечивает обращение к глубинным пластам русской народной культуры. Сами образы Карюхи и Рыжонки, сакрализованные, символизированные в фольклорном сознании, оживляют культурную память народа. А если вспомнить, что именно в 1960-е–1970-е гг. шло массированное наступление города на деревню, становится понятным, почему Карюха оказывается в центре внимания автора.

Исследователи неоднократно отмечали, что Михаил Алексеев мастерски передаёт удивительное единство существования человека и животных. Лошадь Карюха описывается как член большой крестьянской семьи, кормилица, средоточие всех надежд и олицетворение самой сокровенной мечты – об избавлении от тяжкой, беспросветной нужды. Для Алексеева 1960-х–1970-х гг. было важно напомнить читателю: крестьянин – это не пролетарий сельского труда, механически выполняющий некую деревенскую работу. Он живёт в унисон с природой, и его жизнь наполняется духовностью благодаря тому, что он чувствует ритмы природы, ощущает их малейшие колебания, наделяет окружающий мир свойствами ему чертами. Без этого мироощущения душа мертвоет, становится невозможным созидание на земле, требующее постоянного самопреодоления, жертвенности.

В повести «Карюха» отчётливо прозвучала нота роковой предопределённости, судьбы-судьбинушки, горькой долюшки, которой не избежать русскому человеку. Эта предначертанность трагического финала красной нитью проходит через всё повествование. Рождение породистой дочери Карюхи сродни извечной мечте людей о золотом веке, о земле обетованной, где страдалец наконец будет избавлен от социальных противоречий и обретёт долгожданное счастье. Но чем ближе мечта, тем явственнее поступить неумолимой судьбы. И звучанием этой поступи отравлены даже редкие минуты семейного веселья, поскольку за ним всегда скрывается тень беды.

Русский человек не умеет быть беззаботно счастливым, его мироощущение трагично. И в этой трагедии он всегда страдающий герой. Вместе с тем

именно это страдание, приятие своей тяжелой доли даёт ему душевность, способность сопереживать ближнему и находить силы начинать всё сначала. Показательна в этом отношении финальная сцена «Карюхи». Потеряв мечту, которая, казалось бы, должна была вот-вот осуществиться, отец семейства пытается покончить с собой. Но, остановленный сыном, возвращается к жизни, вновь обретает надежду:

«[Отец] встал впереди кобылы, долго глядел в её сумеречные глаза, порывисто обнял шею и, всхлипнув, хрипло вымолвил:

– Ничего, ничего, Карюха, мы ещё того... мы, знаешь...»

Ещё одна идея, завладевшая воображением Михаила Алексева в романе «Драчуны» и ставшая идейным центром произведения, – вражда, рождающаяся порой из нелепой случайности и несущая разобщение русскому миру, ломающая принцип соборности, лежащий в основе наших национальных идеалов. Нарастая как снежный ком, она вовлекает в свою орбиту родных людей, знакомых, незнакомых, захваченных вихрем народных бедствий и теряющих в пароксизме всеобщего озлобления человеческий облик.

Когда перечитываешь автобиографическую прозу Михаила Алексева, не чувствуешь времени её написания. Кажется, что она родилась сейчас, что над автором дамокловым мечом не нависали запреты и цензурные ограничения. Недаром говорится: искреннее и правдивое слово всегда пройдёт себе дорогу. Остаётся только надеяться, что современное молодое поколение прикоснётся к яркой, талантливой прозе Михаила Николаевича Алексева и обретёт в ней неиссякаемый источник духовности и любви, ведь без них немислима русская душа.

Елизавета
МАРТЫНОВА

Формула жизни

Е. А. Яговкина. Радуга чувств. Стихи. — Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2018. — 304 с.

Название книги скорее соответствует названию критической статьи – или названию предисловия. Но весь сборник – действительно «радуга», и не только потому, что, по словам автора «в ней собраны стихи, написанные ещё в совсем юном возрасте, и стихи более зрелые», а потому, что вся многогранность жизни, разное понимание мира в разные времена и эпохи – вошли в эту книгу, стали её радугой, её полотном, с различными красками, перетекающими одна в другую.

Сама Елена Яговкина не боится дать определение поэзии. Для неё поэзия – это душа в её развитии, стихотворение – это душевное движение, вызванное влияниями мира. Думается, определение это близко к истине. По крайней мере, оно соответствует стихам автора этой книги.

Для стихов Елены Александровны Яговкиной самое главное – мысль, чёткая формулировка. Каждое стихотворение – формула яркого душевного переживания. Елена Яговкина ясно и продуманно пишет о самых главных вещах: о жизни и смерти, о любви и дружбе, о ненависти и предательстве.

*Суждено мне, видно, маяться.
То подъём в душе, то спад.
Не душа ль моя качается
На качелях в снегопад?
Снег кружит, кружит мне голову.
Эй, смотри не закружись!
Вверх лечу – как это здорово!
Вниз скольжу – ну чем не жизнь?*

(«Качели»)

Это не те стихи, в которых всё держится на полутонах. В них всё предельно ясно, все акценты расставлены чётко. Явно виден жёсткий и категоричный, но при этом справедливый характер человека, их написавшего.

*Клею разбитую вазу.
Знаю, пустая затея.
Лучше бы вдребезги сразу:
Так полновесней потеря.
Так ощутимее точка,
И не нужны недомолвки.
Ну, потом бы совочком
Молча сгребла бы осколки.*

(Разбитая ваза)

Лирический герой Елены Яговкиной максимально приближен к авторскому «я». Точнее, для такой поэзии понятие «лирический герой» не подходит вовсе, не работает оно в таком живом и стихийном пространстве и времени.

*Сапоги не сняла у порога.
Как попало брошено пальто.
Не суди за это очень строго...
Лучше бы спросил: «Случилось что?»
Ведь пальто повешу я на плечики,
Сапоги на место положу.
Но о том, что было не замечено,
Никогда тебе не расскажу.*

Автор книги не чуждается и пейзажной лирики, и природа в этих стихах тоже очеловечена.

*Всплеск волны как жизни всплеск,
Как весны признание.
Но шумит осенний лес,
Близок час прощанья.*

*Лист висит на волоске.
Ветер его сбросит.
И стучит, стучит в виске:
«Осень, осень, осень...»*

Чаще в современном поэтическом пространстве встречаются стихи – «осмысленные чувства». А вот у Елены Яговкиной – особый склад: она предлагает читателю

прочувствованные, осмысленные эмоции, короткие вспышки, озаряющие её жизнь – и жизнь читателя тоже.

Хотя в предисловии автор книги говорит о том, что «*всегда стремилась писать так, чтобы сотворённое мною нашло отклик в сердцах читателей*», по сути дела, это стихи, написанные для себя, в которых силен импульс выплеснуть эмоции – и предельно осмыслить их. И, как опытный поэт (и литературный педагог), Елена Александровна Яговкина понимает, что эмоция должна быть осмыслена, преображена так, как Вселенная – в капле воды, как отражение мира внутреннего – в этой капле.

Потому и стихи лаконичны: ничего лишнего. Вот, например, короткое стихотворение:

*Я стою у обелиска,
Сердце будто бы в огне...
Все поэты – в группе риска,
Как солдаты на войне.*

И меня не смущает то, что во многих случаях эти стихи находятся на грани «плохописи», на грани просто записанных, зарифмованных мыслей. От плоскостного мышления, простота которого «хуже воровства», отделяет эти стихи узкая, но глубокая грань – та бездна психологической глубины, которая и делает стихи поэзией.

В стихах Елены Яговкиной есть то, чего так не хватает – нет, не только произведениям современных молодых поэтов, а литературе вообще, в которой всегда должна быть ясность, чёткость мысли – осознание того, для чего написано стихотворение, его цель.

Между прочим, это самая важная, самая сложная составляющая из той триады требований к написанному стихотворению, о которой говорил в своём дневнике Александр Блок. И хотя это высказывание общеизвестное, я всё же приведу его: никогда не поздно напоминать о прописных истинах, о которых, как правило, в суете забывают.

«В те дни, когда форма давалась усилиями, вопрос о содержании души художника не был вопросом. В те дни, когда форма стала лёгкой и общедоступной, ничего уже не стоило дать красивую оправу стеклу вместо брильянта, для смеха, забав, кощунства и наживы.

Тогда перед истинными художниками, которым надлежало охранять русскую литературу от вторжения фальсификаторов, вырос второй вопрос: вопрос о содержании, вопрос, «что» имеется за душой у новейших художников, которые подозрительно легко овладели фор-

мами. Благодаря такой постановке вопроса были своевременно уличены и не признаны многие новаторы и фальсификаторы, а с другой стороны, благодаря всеобщей переоценке, за немногими художниками было утверждено их высокое звание и призвание навсегда...

...В такие-то дни возникает третий, самый соблазнительный, самый опасный, но и самый русский вопрос: «зачем?». Вопрос о необходимости и полезности художественных произведений...»

Разумеется, Елена Яговкина пишет стихи не нарочно, а интуитивно, так устроено её поэтическое мышление: прежде всего – осознавать цель написанного. И я не призываю всех писать именно так. Я имею в виду то, что мыслительная составляющая, чёткость, организующая стихотворение, важна при любом поэтическом видении, может быть, и более усложнённом, живописном, музыкальном и т.п. Так же, впрочем, как и авторская откровенность. Читатель сразу попадает в волну такой откровенности, которая сразу, несомненно, начинает вызывать сочувствие. Это абсолютно простая жизнь, запечатлённые мгновения – но одновременно всегда оглядка на сущность, на главное в жизни: откуда это мгновение, это переживание и выросло.

*Как камни, я ошибки
За пазухой ношу.
Укрывшись лишь улыбкой,
Я на ветру дрожу.*

*Какой же сильный ветер,
Почти сбивает с ног.
Чего-то ты на свете
Понять не смог.*

*Я не хочу идти домой.
Как жить мне в доме этом?
А небо в звёздах надо мной,
Как прошлогодним летом.
Да неужели не смогу
Решить судьбы задачи?
Скуля, играют на снегу
Бездомные собачки.
И я люблюсь их игрой,
Скамейке дикой рада.
Я не хочу идти домой,
Чёрт побереи! А надо.*

Мне очень импонирует в стихах Елены Яговкиной любовь к живому. К детям, к животным, деревьям и цветам. По сути

дела – это любовь к воплощающемуся, растущему на глазах будущему, и она красной нитью проходит через все стихи в книге.

*Слышу тихое сердцебиение.
Неуверенно, робко стучится
Сердце нового поколения,
Что готово на свет появиться.*

(«Новое поколение»)

В стихах Елены Яговкиной всегда чувствуется время, в которое эти стихи были написаны. Точнее, стихи эти объединяют три эпохи. Это советское время, девяностые годы, и два десятилетия двадцатого века. И не только по лексике и по выбранным сюжетам мы узнаём, когда написано стихотворение. А по тому настроению, которое оно несёт.

Безмятежные стихи семидесятых годов нарушаются тонким сквознячком тревоги.

*Мы все живём, конечно, не по ГОСТу.
У каждого есть свой душевный пыл.
И удивляюсь, как бывает просто –
Обидел друга, а потом забыл...*

Стихи девяностых (наверное, со временем издадут какую-нибудь антологию стихотворений 90-х годов, которые покажут правду этого времени глазами многих людей) – стихи отчаяния и безвыходности («Ушло бандитское лихое время. / О девяностых тяжело вспоминать...») Но чаще стихи этого времени не глобаль-

ны, не связаны с какими-то политическими моментами. Скорее, это внутреннее состояние, порождённое воздействиями мира: «Опять землетрясение судьбы. / Трясёт. Живу как на вулкане. / И снова в центре я людской молвы, / И снова ни гроша в моём кармане. / И снова мне приходится страдать от равнодушия, недопонимания...»

Стихи нынешнего времени – осмысление, подведение итогов – взгляд в прошлое:

*Век двадцатый единственный мой!
Посмотри на меня с улыбкой.
Со своей нерадивой судьбой
Я наделала столько ошибок.
На земле я живу беспокойно.
Время попусту я не трачу
И не плачу, когда мне больно.
Я от радости только плачу.*

Как читатель я очень рада, что мне в руки попала такая книга: её хочется читать, она не отпускает. Ощущение ясного и человеческого понимания жизни делает эту книгу (даже при некоторых недостатках в стихотворной технике, которые там тоже есть) значимой, притягательной, яркой:

*... Жить по-другому просто не могу.
Жить по-другому просто не умею.
Ну что ж, судьба, спасибо и за то,
Что ты меня спасала от злословья.
А за добро заплачено добром,
И за любовь платила я любовью.*

Саратов наполнен творческими людьми, которые свой талант и неравнодушие к судьбам родного города претворяют в реальные дела. Сегодня мы хотим рассказать о молодом талантливом дизайнере Марии Горшковой, которая разработала бренд Саратова.

Интервью с ней провёл Владимир Маслов, глава местной национально-культурной автономии словенцев г. Саратова. Вот его предыстория, о которой рассказывает Владимир: «Познакомившись с работой Марии Горшковой по прекрасному графическому представлению города Саратова в одной из крупных российских социальных сетей, я и члены нашей автономии не смогли остаться равнодушными. Мы стремимся как можно более широко представить талант молодого дизайнера в публичном пространстве. Надеюсь, что волшебный творческий дар Марии и наши совместные усилия по продвижению бренда Саратова позволят сделать наш город ещё более привлекательным и узнаваемым для туристов, а в сердцах саратовцев вызовут положительные эмоции и пробудят дополнительный интерес к истории и народным преданиям родного города».

«ЧТОБЫ МОЙ РОДНОЙ ГОРОД ПРОЦВЕТАЛ...»

Мария Горшкова, дизайнер

Беседа с художницей Марией Горшковой

В.М. Здравствуйте, Мария. Не могли бы вы для начала рассказать о вашей семье, о родителях?

М.Г. Я родилась в творческой семье. Мой папа, Валентин Станиславович Горшков, был известным в городе музыкантом, яркой, одарённой личностью: играл на бас-гитаре, композитор и аранжировщик. К огромному сожалению, неожиданно для всех он безвременно ушёл в лучший из миров. Для меня он был и всегда останется примером трепетного отношения к творчеству. Мама, Елена Борисовна, педагог-музыкант, воспитавшая не одно поколение детей-дошкольников.

В.М. Как начинался ваш творческий путь?

М.Г. Сегодня мне 28 лет, и, когда я оглядываюсь в прошлое, кажется, что с раннего детства мой творческий путь был предопределён самой судьбой. Мне повезло родиться в семье музыкантов. Едва научившись самостоятельно воспринимать окружающий мир, я впитывала музыку, пение, живопись, актёрское мастерство не только моих родителей, но и творчески одарённых родственников. Всё, что происходило вокруг меня, мотивировало мыслить нестандартно, видеть прекрасное в мире природы, отмечать красивые поступки людей, наслаждаться искусством во всех его проявлениях.

В детском саду я пробовала проявлять себя в разных сферах творчества: была активной участницей всех детских праздников, развлечений, театрализованных действий. Но уже тогда больше всего мне нравилось проявлять себя в рисунке. Эти наклонности заметила преподаватель по изобразительной деятельности Влада Олеговна Козейкина и порекомендовала родителям записать меня в художественную школу «ПРОУН» при Доме архитектора в Саратове.

В.М. У вас ведь есть и музыкальное образование?

М.Г. Да, параллельно с художественной школой я занималась и успешно окончила городскую музыкальную школу по классу фортепьяно. Было сложно, но всегда – интересно. Но студия «ПРОУН» доминировала в моих пристрастиях. Сейчас я могу с уверенностью сказать, что именно эта школа дала мне огромную базу знаний и умений, которая сыграла большую роль в моём становлении как профессионала. В этой школе мы не просто рисовали, а развивали фантазию, творческое воображение. Нам объясняли разные техники рисования на примере великих художников, знакомили с базовыми принципами архитектуры, помогали создавать макеты из разных видов бумаги. В конце обучения мы уже могли отличить ионический и дорический ордер греческой архитектуры, знали, как в правильной пропорции смешивать различные цвета, как следует распределять количество материала для создания макета.

В.М. Когда вы осознали, что Саратов наполнен культурными достопримечательностями?

М.Г. Это произошло во время подготовки выпускной работы. У нас было несколько заданий, которые объединены одним архитектурным стилем.

Выпускная работа Марии Горшковой

Нужно было отрисовать фасад местного исторического здания, рассказать его историю от постройки до наших дней, создать макет костюма из пенокартона с элементами архитектуры выбранного стиля. Этот макет во время защиты был одет на живого человека, поэтому все элементы должны были быть максимально продуманы, чтобы в этом костюме было легко двигаться. За основной архитектурный стиль я взяла готику, поскольку в Саратове

много немецкой архитектуры, которая чаще всего выполнена в этом стиле. Вот что из этого получилось. Работая над заданием, я впервые прониклась ценностью архитектурного наследия Саратова. И мне стало безумно грустно от понимания, что значительная часть наикрасивейших исторических архитектурных строений находится в неудовлетворительном состоянии либо видоизменена до неузнаваемости.

В. М. *Что вас вдохновило в создании выпускной работы?*

М. Г. Для выпускной работы я взяла католический костёл святого Климента 1880 года. Сейчас это здание бывшего кинотеатра «Пионер», расположенного на главной улице города. Тогда мне было 13 лет. Меня, с одной стороны, очаровывало богатство саратовской архитектуры, а с другой – тревожило, что многие ценные архитектурные объекты постепенно пропадают из исторического центра города.

Костёл святого Климента это подтверждает. В 1938–1939 годах здание лишилось двух башен и уникального орнамента на фасаде. В 1960 году дизайн стен фасада сделали в модном тогда минималистичном стиле. Из-за многочисленных реконструкций здание постепенно утратило свою историческую красоту. Но, несмотря на все перестройки, боковые стены здания всё ещё хранят уникальную кладку старого времени, что до сих пор выделяет его на фоне других строений, расположенных на главной пешеходной улице Саратова, которая сейчас называется проспектом Столыпина.

В. М. *Где вы продолжили своё образование?*

М. Г. Я поступила в Саратовское художественное училище имени А. П. Боголюбова на специальность «Дизайн». В стенах старинного учебного заведения я ещё больше углубилась в мировую культуру и нюансы работы великих мастеров. Я благодарна моим преподавателям: Татьяне Юрьевне Соколовской, Ирине Васильевне Голубиновой, Ольге Романовне Денисенковой, Роману Александровичу Беляину. Знания, полученные от них, я до сих

Кинотеатр «Пионер»

Костёл

Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Здесь продолжилось моё творческое и исследовательское погружение в мир искусства и творчества. Я вспомнила выученное ранее и узнала много нового из истории, философии, литературы, археологии и пр. С благодарностью вспоминаю педагогов, которые помогли мне взглянуть на мир искусства под другим углом и вдохновили на дальнейшее изучение нового: Елену Петровну Шевченко, Дениса Александровича Попова, Вачагана Альбертовича Чолахяна, Владимира Ивановича Кашеева, Дениса Михайловича Креленко и директора института Ингу Эрленовну Рахимбаеву.

В. М. Как вы пришли к идее создания бренда Саратова?

М. Г. На одном из мероприятий я представляла свою авторскую работу, посвящённую Саратову. Эта была шрифтовая композиция, где задачей было выразить настроение города через буквы. Там я познакомилась с членом местной национально-культурной автономии словенцев г. Саратова Павлом Галактионовым. Общение с ним вдохновило меня на создание бренда, помогло в его смысловом наполнении, продвижении моей работы.

В. М. А ваши работы, сделанные вне трудовых обязанностей на службе, пользуются коммерческим спросом?

М. Г. Да. Я уже упоминала свою работу по леттерингу. В дальнейшем её у меня выкупила сувенирная лавка «Саратов на Волге», находящаяся на улице Лермонтова, 7.

В. М. Как продвигалась ваша работа по созданию бренда Саратова?

М. Г. С помощью автономии словенцев я стала участником BrandTeam по разработке бренда Саратова при администрации областного центра.

У меня всегда был интерес к участию в подобных мероприятиях, ещё со времён моего обучения в СХУ имени А. П. Боголюбова. После заседания BrandTeam и видеоконференции, посвящённых разработке бренда Саратова, у меня возник свой вариант, который я посчитала удачным, поскольку у меня есть опыт разработки фирменного стиля и глубокие познания культуры родного края.

пор использую в создании своих макетов, в том числе в проекте по созданию бренда Саратова.

В. М. После окончания училища вы отправились «покорять» столицу?

М. Г. После окончания СХУ имени А. П. Боголюбова я пять лет работала в московской полиграфии, где получила большой опыт в создании фирменного стиля «с нуля» и нанесении визуальных материалов на все виды сувенирной продукции. Сотрудничала с такими крупными компаниями, как Роснефть, Росатом, Газпром, РЖД, Ростелеком, Сбербанк и пр.

В. М. Что вернуло вас в родной город?

М. Г. Я вернулась в Саратов после смерти отца. Не смогла оставить маму одну.

В. М. Несмотря на трагические жизненные обстоятельства, вы продолжили развиваться как творческая личность.

М. Г. Я поступила в Институт искусств

Так совпало, что тогда у меня была защита диплома, и я решила, что это отличная возможность показать свои профессиональные качества, тем самым выразив благодарность всем, кто участвовал в моём профессиональном становлении – и городу в том числе. В моей работе я постаралась не только описать процесс создания составляющих фирменного стиля, но и предложила идеи для развития культурно-туристического направления.

Члены государственной аттестационной комиссии высоко оценили мой диплом.

В своём паттерне мне хотелось максимально упростить послыл. Я старалась отразить любовь саратовцев к своему городу, ведь благодаря этой любви они стремятся сделать наш город лучше. Поэтому в паттерн были включены визуальные образы сердца и герба Саратова.

В.М. *После защиты диплома вы продолжили работать над доведением бренда Саратова до совершенства?*

М.Г. Да. В рамках моей работы над брендом Саратова мне предложили создать более детальную версию логотипа ко Дню города. Было решено выполнить данную задачу в виде разворота энциклопедии Саратовского края, на котором представлены самые значимые события и личности в истории города Саратова. Это и легенда о 1500-летнем Саратове как городе древней воинской славы, и Троицкий собор, и визит в город Петра I, и саратовский калач, и саратовская гармошка, и памятник «Журавли» в парке Победы, и Юрий Гагарин, и саратовский мост, и Саратовская консерватория, и Саратовский университет. Каждая саратовская буква стилизована для восприятия нашего города как территории с уникальными природными условиями для туризма и отдыха, известными на весь мир событиями и личностями, великолепными архитектурными сооружениями и объектами городской инфраструктуры.

Идея предлагаемого мною бренда заключается в том, что он представляет собой аллереорию, когда история, интересные события, объекты Саратова и его жители связаны между собой петельками в одно большое полотно. Для достижения этой цели узор в книге выполнен в виде плавных линий в технике паттерна – вязаного узора. Представляет, как будет интересно, когда туристические маршруты будут проложены как в сказке, клубком, и турист, идя за этим клубочком, не сойдётся с пути, связывающего историю и достопримечательности Саратова.

Этот вариант мне кажется очень интересным.

В.М. *Считаете ли вы, что бренд или несколько брендов Саратова – это нечто застывшее или то, что требует постоянного обновления?*

М.Г. В Саратове, по моему мнению, есть незабываемые и очень удачные бренды, которые я объединила в своей работе. Но жизнь не стоит на месте, и сознание нынешних молодых людей наполняют новые события и образы, которые кажутся им важными и привлекательными. А ведь это потенциальные туристы дня сегодняшнего и будущего. Мне очень хочется, чтобы у молодёжи было больше возможностей участвовать в развитии нашего города. Например, можно не заказывать у московских компаний визуальное решение бренда Саратова, а ввести ежегодный конкурс среди студентов и школьников на создание логотипа наиболее значимого городского события и периодически менять эти логотипы, как это, например, делают крупнейшие ай-ти компании и социальные сети. Так мы поддержим молодое поколение в их творческих начинаниях и точно будем выделяться на фоне остальных городов.

Если бы у меня была возможность поучаствовать в визуальном оформлении Саратова в школьном возрасте, я бы не задумываясь согласилась. Поэтому, когда меня позвали в гимназию № 34, чтобы побеседовать с учащимися в преддверии Дня Саратовской губернии, я решила проверить, заинтересуются ли дети возможностью участия в крупных проектах вроде создания бренда Саратова.

После демонстрации проработанной версии логотипа я дала ребятам задание нарисовать своё видение логотипа для нашего города. И я была очень довольна, когда весь класс с интересом отреагировал на данное предложение. В конце урока каждый представил оригинальные варианты визуального оформления для бренда Саратова. Поэтому совместно с руководством гимназии было решено проводить ежегодный конкурс внутри учебного заведения сразу между несколькими классами. А ко Дню города, который в Саратове отмечается в сентябре, представлять победителей и поощрять их призами.

Подобные мероприятия – отличная возможность познакомить молодых с нюансами работы старших поколений. Это раскрывает потенциал детей и положительно влияет на осознанное решение учащихся при выборе профессии.

В.М. *Что бы вы хотели сказать в завершение нашей беседы? Какие у вас пожелания и дальнейшие планы?*

М.Г. В завершение хочется сказать, что бренды, логотипы – это, конечно же, хорошо, но без чистых, ухоженных улиц, красивых зданий, содержащихся в порядке памятников истории, культуры, архитектуры ни один город не будет привлекателен для туристов и дружелюбен к местным жителям.

Было бы прекрасно, если бы местные достопримечательности имели такую же счастливую судьбу, как и недавно отреставрированный усадебный дом С.Н. Скибиневского, расположенный на пересечении улиц Советской и Радищева, ведь такие исторические здания формируют неповторимую атмосферу Саратова, чтобы мой родной город процветал, удивлял и радовал местных жителей и гостей своими красотами.

Беседовал Владимир Маслов

«РУССКАЯ ЛИРИКА» И «ПЕРВЫЯ ВСПЫШКИ»

Поэтический дневник 1900–1910-х годов
саратовского гимназиста и доктора

Москвичка Надежда Ивановна Диас Паскуаль летом 2022 года прислала в Саратов документы, касающиеся её прадеда Иосифа Витальевича Вяземского, известного гипнолога в России начала XX века, с просьбой передать их в краеведческий музей. Об Иосифе Витальевиче рассказано в книге «Битва за трезвость. Саратовский фронт»: по приказу губернатора Петра Аркадьевича Столыпина он в 1904 году организовал лечебницу для алкоголиков и возглавлял её до ноября 1914 года, когда её пришлось закрыть «из-за отсутствия пациентов»: введённый «сухой закон» поспособствовал отрезвлению наших земляков.

Среди бумаг Иосифа Витальевича моё внимание привлекли тетрадки со... стихами. Нет, не доктор на досуге «баловал-

Иосиф Витальевич Вяземский

Офицер Сергей Арсеньевич Тиванов

В. Башкина

Ордаганіе.

Иль лишилъ перилъ ли выбравши прочь.
Стали гореть за нами предвѣсно селѣтъ.
Знае тыль задрѣмало тиной мочь
И слѣи замисель стаици уржатиъ.

Эт ли били селѣтъ у ниль на виду...
Бестыкнѣе сердце в токъи говорить:
"Тыч кадура понадеши, кахотчи, в бѣду,
Спарли гореть кадаромъ мильнѣ!"

Осторожная тыч пролимаст за уржатиъ,
Потр нопали сурядно слѣтъ уржатиъ зветовѣ.
От навраженинѣи платни иль биснесо ивѣтъ...
Не лишати очни фотерей.

Василий Васильевич Башкин
1 страница

Трѣвнѣи мавсой встанѣи парѣтъ нами сѣвѣтъ,
За каменами луткал нѣкѣтъ видѣтъ.
Лѣксис вѣдѣтъ во ильнѣ тыч по прѣислѣвнѣи вѣрѣ.
Эт сѣмѣтъ на каеъ бѣшика.

Бѣлѣи сѣрѣжнѣи мѣсѣтъ на нѣтъ поласѣ...
Тѣмѣрѣдана прѣтъ, то ниль онѣи алуѣ.
Нѣтъ слѣтъ на каеъ тыч, наишѣтъ иль нѣтъ
И вѣрѣрѣнѣи тоиѣиъ спѣнѣиъ сѣуѣ.

Эт ли били селѣтъ у ниль на виду...
От вѣрѣи остраѣи мѣиъ залѣвѣтъ ивѣтъ:
"Кѣтнѣи тыч понадеши, кахотчи, в бѣду...
Тѣорѣи: на каеъи домѣи."

— — —

2-я страница
В. Башкин 1880-1909

Гимназист Сергей Тиванов

ся» рифмами, а его зять, Сергей Арсеньевич Тиванов, впрочем, также саратовский врач, практиковавший в нашем городе.

В другой тетради каллиграфическим почерком записаны стихотворения Константина Бальмонта, Валерия Брюсова, Виктора Гофмана, Сергея Маковского, Макса Волошина, Александра Блока, Андрея Белого, Вячеслава Иванова, В. Башкина, Петра Потёмкина, Н. Минского, Дмитрия Цензора, Александра Рославлева, В. Ленского, Аркадия Бухова, Игоря Северянина, Евгения Тарасова, А. М. Фёдорова, З. Н. Гиппиус, Владимира Маяковского, Владимира Королевича, Василия Каменского. Несомненно, в заветную тетрадку гимназист Сергей Тиванов вписывал понравившиеся ему строки своих кумиров, не оставив ведение поэтической летописи и в 1910-е годы: на его собственных строках лежит печать воздействия символистов и футуристов, и они, его собственные стихотворения, интересны сегодня как пример влияния мэтров на творчество провинциального литератора-любителя.

Сергей Тиванов – наш земляк по рождению, что следует из его аттестата зрелости: «Дан сей сыну чиновника Сергею Арсеньевичу Тиванову, православного вероисповедания, родившемуся в г. Саратове 1893 года, октября 4 дня, в том, что он, вступив в Саратовскую 2-ю Гимназию (ныне в том здании на углу улиц Московской и Пугачёвской – школа № 67 им. Янковского. – В.В.) 16 августа 1903 года, при отличном поведении обучался по 6 июня 1911 года и кончил полный восьмиклассный курс, при чём обнаружил нижеследующие познания...»

Далее – перечень из тринадцати предметов, среди них такие необычные для нашего времени дисциплины, как математическая география (в аттестате у него – четвёрка, так же, как и по географии, а вот по математике – тройка) и философская пропедевтика (её он знал на «отлично»). Пятёрки также по Закону Божьему и по предмету «Русский язык с церковнославянским и словесность». В гимназии изучались кроме родного ещё три языка: латинский, немецкий (по этим предметам у Тиванова тройки) и французский (четвёрка). Хорошие знания показал по физике и по законоведению, по истории же ему поставили тройку.

Аттестат подписали «директор гимназии Вл. Каттерфельд. И. об. инспектора К. Воронцов. Законоучитель протоиерей Николай Русанов. Преподаватели: П. Дмитриев, К. Лебедев, С. Красовский, Ф. Плохов, М. Степанов, Ф. Гизингер, М. Ураевский, А. Кононова, С. Пашкевич. Секретарь Педагогического Совета В. Буш». Как видим, столетие назад воспитывать подрастающее поколение доверяли почти исключительно мужчинам.

А дальше путь его лежал в только что открытый Императорский Саратовский университет. Окончив медицинский факультет (до 1917 года – единственный факультет в составе университета), Сергей Арсеньевич оказался... в окопах Первой мировой, о чём свидетельствуют фотографии: brave офицер в папахе и он же вместе с бойцами на позициях.

«Моя бабушка считалась в 20-е годы самой красивой девушкой в Саратове», – замечает Надежда Ивановна о дочери врача Иосифа Витальевича, и ей можно поверить, глядя на присланную ею фотографию: «Актриса Валентина Вяземская в роли Мирандолины в комедии Гольдони «Трактирщица», – комментирует снимок Диас Паскуаль. – Бабушка гастролировала по центральной части России (Орёл, Курск)».

*Вяземская Валентина Иосифовна
в роли Мирандолины.
18 августа 1917 года*

Сергей Тиванов в окопах Первой мировой

Дружила с художником Сергеем Герасимовым, автором картины «Мать партизана». Герасимов написал портрет Валентины в костюме Пьеро, но картина не сохранилась. В возрасте 17–18 лет бабушка моя вышла замуж за врача Сергея Арсеньевича Тиванова. И они переехали в Москву. Там Сергей работал врачом и продолжал писать стихи. Встречался с известными поэтами 20-х годов. В одной тетради его стихи, посвящённые Нюсику, – так он называл мою бабушку. Стихи Сергея ещё печатались до его отъезда в Москву в саратовских газетах.

Участник Первой мировой, Сергей Арсеньевич Тиванов годы Гражданской войны пережил в Саратове на различных врачебных должностях, их перечень – в «Справке для представления по принадлежности», выданной ему 16 февраля 1924 года Саратовским губернским отделом здравоохранения: «Настоящая справка выдана врачу Тиванову Сергею Арсеньевичу в том, что он состоял на службе в лечебных учреждениях Губздравотдела с 1918 года по 1 февраля 1923 года в следующих должностях:

Врача-терапевта амбулаторий Больничной Кассы (впоследствии отошедших к Губздраву); врача-терапевта и заведующего 7-й Районной Амбулаторией; врача Детских Домов; Главврача Приёмника-распределителя для голодающих; Главврача 6-й Сов. Больницы (до её закрытия); врача 2-й Туберкулёзной здравницы; врача-терапевта 3-й Страховой Амбулатории.

С последней должности уволился 1 февраля 1923 года по своему желанию вследствие отъезда из г. Саратова. Завгубздравотделом Табаков. Секретарь отдела Геллерман».

Однако в Москву Сергей и Валентина перебрались не раньше осени 1924 года, поскольку среди документов, присланных Надеждой Ивановной, есть «Временное удостоверение личности», выданное Сергею Арсеньевичу Тиванову 28 февраля 1924 года. Из него мы узнаём, что жил доктор и поэт Тиванов на квартире у тестя по адресу: улица Введенская, 14/22 (дом сохранился, современный адрес: ул. Григорьева, 22), по крайней мере до осени того же 1924 года – на «Временном удостоверении личности» стоит штампик 3-го отделения Москвы со столичной пропиской с датой «22/XI 1924». Какое-то время Сергей Арсеньевич жил и работал на Кавказе: среди документов – его визитная карточка: «Доктор Сергей Арсеньевич Тиванов. Г. Пятигорск, управление Кавказских Минеральных Вод».

Москвичом довелось побыть недолго. Надежда Ивановна завершает рассказ о первом муже её бабушки словами: «Сергей заразился тифом от больного и умер. Где-то в 1928 году моя бабушка вышла замуж за актёра Николая Семёновича Гриднева, моего дедушку».

О тетрадях Сергея Тиванова замечает: «В тетрадь «Русская лирика» Сергей записывал стихи других поэтов. Возможно, что там есть стихи, о которых ничего не известно литераторам. Хоть я и сама литератор, но я не специализировалась по 20–30-м годам ХХ века. В тетрадь же «Первые вспышки» Сергей приклеивал свои напечатанные произведения (в тетрадь «Первые вспышки» вклеены публикации стихотворений Сергея Тиванова в газетах «Саратовская почта», «Саратовская копеечка». «Саратовский вестник». – В.В.)».

Предлагаем читателям ХХI века перелистать поэтический дневник, составленный нашим земляком столетие назад.

Владимир ВАРДУГИН

**Сергей
ТИВАНОВ**

**Стихотворения из тетради
«Первые вспышки»**

НОЧНОЙ ГОРОД

Весь город потонул в разливе мглы лиловой.
Сквозь тёмную вуаль небесного покрова
Искристый бисер звёзд мерцает с высоты.
Ночная жизнь плывёт в глухом стозвучном гаме...
Гирлянды фонарей жемчужными огнями
Кольшут мутный креп нависшей темноты.
Зубчатою каймой неясных очертаний
Вздымаются ряды холодных, серых зданий.
Струится бледный свет сквозь переплёты рам.
Из окон и дверей крадётся гулкий шорох.
Резной узор теней трепещет на заборах.
Пугливый мрак ползёт по нишам и стенам.

ОСЕННИЙ САД

Потемнели узоры махровых цветов
Под дыханьем осенней прохлады;
От деревьев летят, словно рой мотыльков,
Раззолоченных листьев каскады;
С тихим стоном кружатся над мокрым песком,
Над беседкой, над крышей балкона.
И ложатся шуршащим червонным ковром
На поблекнувший бархат газона.
Грустно смотрит вокруг мой тоскующий взгляд,
Словно с кем-то прощаясь незримым,
И засохшие листья как будто шуршат
О былом, неповторном, любимом;
Воскрешают в душе призрак солнечных дней,
Невозвратно уплывших мгновений,
Чары синих очей, звук забытых речей,
Полных неги и ласки весенней...

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Лишь только лучи золотого заката
Зажгут огненосный пожар в небесах,
И тихо опустится розовый мрак
На город, вечерней дремотой объятый,

С высот колокольных срывается гулкий,
Задумчивый, мерный, медлительный звон;
И звуки льнут к зданьям и стёклам окон,
И в стройных сплетеньях бегут в переулки –

И тают, вливаясь гудящим раскатом
В шум улиц, встревоженных медным набатом
И тонуших в рдяной пыли, –

Как вестники нежной, безбрежной печали,
Как гимны стремлений к неведомой дали
Из душных объятий земли.

Написано 5 июля 1912 г. Напечатано в № 1073 газеты «Саратовская копеечка» 22 сентября 1913 г.

МАРТ

На столе – учебник диагностики.
В стёклах окон зайчики дробятся,
И сосулек золотые хвостики
Жалобно на солнышке слезятся.
Многотонно ропщет грохот уличный,
И смеётся голубое небо;
В фортку льётся из соседней булочной
Аромат поджаренного хлеба.
От деревьев зыбкими узорами
Расползлись причудливые тени.
Лица женщин радостно-весенни
И ласкают солнечными взорами.
Вот одна по дощатому мостику
Осторожно переходит лужу...
Нет. Довольно. К чёрту диагностику! –
Брошу всё и выбегу наружу –
И бесцельно, словно замороженный,
Опьянённый солнечной мечтою,
Побреду по улице, встревоженной
Радостной весенней суетою...
Ах, весна!.. Какое наслаждение
По грязи бродить и бить баклуши
И дурманить ласкою весеннею
Юную восторженную душу...

ТЫ

Кто ты? Где ты? – я не знаю,
Только верю: ты придёшь.
Жду. Ищу. Приди, родная...
Кто ты? Грёза? Сказка? Ложь?

Нет, ты сказочнее сказки...
И в погоне за тобой
Каждый миг меняю маски,
В каждый миг я вновь другой.

Всё изведаю, измерю –
Все уклоны, все пути...
Разве можно, в чудо веря,
Ждать, искать – и не найти?

Знаю, жизнь не раз обманет...
Пусть – тем ярче сон мечты.
Сердце верить не устанет –
В каждой встрече – «Это ты?»

Нет, опять не ты... Другая...
Я живу во сне, в бреду...
Кто ты? Где ты? – я не знаю.
Но люблю тебя и жду.

ЛЮБИМОЙ

Всё в тебе так весенне и нежно.
Гибкий стан. Хрупкость девичьих плеч.
Детский профиль. И взгляд безмятежный.
И улыбка, и звонкая речь.

Лишь в тебе я чудесному верю.
Вся ты – сказка, загадка, намёк.
Ты – звезда вифлеемских мистерий,
Ты проста, словно дикий цветок.

Смех твой так заразительно-звонок,
Грусть твоя так напевно-проста.
Ты ребёнок, беспечный ребёнок,
Ты как вешняя грёза чиста.

Ясный взор никогда не лукавит,
И улыбка не лжёт никогда.
Но кого поцелуй твой отравит,
Тот безвольный твой раб навсегда.

ПИСЬМО

Чёткий бисер строчек. Мелкие узоры
Безотчётно милых, близких сердцу слов.
Тон стыдливой ласки, тихие укоры.
Легковейный, тонкий аромат духов.

В каждой букве брезжит неги трепетанье,
Каждый оттиск чувства негой напоён...
И в душе всплывает рой воспоминаний,
Чистых и невинных, сказочных как сон.

Ты опять со мною. Призраком незримым
Подошла неслышно к сердцу моему.
Здравствуй, светлый призрак, грёза о любимом –
Возврати на миг мне счастье и весну!..

Написано 12 сентября 1912 г. Напечатано в № 27 газеты «Саратовская Почта» 1 сентября 1913 г.

ЖЕЛАНИЕ

Я хотел бы жить беспечно, жить с закрытыми глазами.
Я хотел бы всё минувшее бесследно позабыть.
Я хотел бы, распростившись с сокровенными мечтами,
Всё заветное, любимое навеки разлюбить.

Я хотел бы, не считая уплывающих мгновений,
Жить без нудного раздумья о грядущем и былом;
Сбросить призрачные пути неотвязчивых сомнений –
И замкнуться в настоящем – да в себе, себе самом.

Написано 4 июля 1912 г. Напечатано в № 1070 газеты «Саратовская Копеечка» 19 сентября 1913 г.

УЛЫБКА УТРА

Небо в клочьях лёгких облачных волокон...
Воздух дышит лаской вешнего привета,
И залиты стёкла ослезнённых окон
Блеском лучезарным солнечного света.
Ветерок чуть зыблет веток переплёты,
Веет дуновеньем дали ароматной;
Лужицы искрятся жидкой позолотой
И журчат о чём-то дрожью перекаточной.
По земле игрою солнца прихотливо
Из теней чертятся чёткие узоры.
Воробьи щебечут вздорно и визгливо
И каймят деревья, крыши и заборы.
Город растревожен многотонным шумом.
Гулким громыханьем дребезжат телеги...
И плывут навстречу окрылённым думам
Трепетные чары животворной неги.

Саратов, 22 апреля 1910 г.

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

В кружевных клочках лазури, расцветивших вышину,
В мутных капельках под крышей я почувствовал весну.
Пены зыби снежных лужиц. Сани сочно месят грязь.
Тусклый жемчуг лётся с окон, мелкой россыпью искрясь.
Мокнут голые деревья, свежий ветер нежит грудь;
Облака узрят неба бледно-призрачную муть.
Город снова растревожен, снова ропщет вешний гул,
Снова в душу кто-то светлый с тихой лаской заглянул,
Снова радости и счастья в сердце хлынула волна –
Здравствуй, солнечная радость!.. Здравствуй, счастье и весна!..

Стихотворения разных поэтов из тетради «Русская лирика»

Константин Бальмонт

Я не знаю мудрости, годной для других.
Только мимолётности я влагаю в стих.

В каждой мимолётности вижу я миры,
Полные изменчивой, радужной игры.

Не кляните, мудрые... Что вам до меня? –
Я ведь только облачко, полное огня.

Я ведь только облачко... Видите: плыву
И зову мечтателей... Вас я не зову!..

Александр Блок

«НЕТ»

Вновь оснеженные колонны,
Елагин мост и два огня,
И голос женщины влюблённой,
И хруст песка, и храп коня.
Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но, не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой – с пленной – с ней.
Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдёт, как снег.
О, разве клясться надо
В старинной верности навек?
Нет, я не первую ласкаю

И в строгой чёткости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.
Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безмерность низких островов.
Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту.
И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха.
Ведь со свечой, в тревоге давней
Её не ждёт у двери мать.
Ведь бедный муж за плотной ставней
Её не станет ревновать...
Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовёт –
Всё только – продолженье бала,
Из света в сумрак переход.

Александр Митрофанович Фёдоров

...Оттого тебя люблю я,
Что безумна ты, как я.
Что в тебе слились, тоскуя,
Мрак и солнце бытия,
Вспышки молний, вздохи бури
Беспокойных вешних грёз,
И безоблачность лазури,
И блаженство первых слёз.
Вся ты – сказка, вся ты – тайна,
И царица, и раба.
Всё, как жизнь, в тебе случайно,
Непреложно, как судьба.
Обещая – ты обманешь,
Оттолкнув – сама придёшь,
Против истины восстанешь
И обрушишься на ложь.
Оттого тебя люблю я,
Что сильна ты и горда,
Что, свободу сердцем чуя,
Вдаль ты рвёшься из гнезда;
Любишь землю, любишь море,
В небе – туч зловещий дым;
Свято чтя чужое горе,
Ты глумишься над своим;

Оттого, что я тобою,
Лишь одной тобой живу.
Что во сне ты гредишь
Мною и смеёшься наяву.
Как волна неуловима
И опасна как змея,
Оттого ты мной любима,
Что моя – и не моя!

Стихотворения разных поэтов из тетради
«Русская лирика»

Дмитрий Мережковский

ПЕРЕД ЗАРЁЙ

Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждём, придёт ли наш пророк.

Мы неведомое чуем
И, с надеждою в сердцах
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.

Дерзновенны наши речи,
Но, на смерть осуждены,
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.

Погребенных воскресенье –
И среди глубокой тьмы
Петуха ночное пенье,
Холод утра – это мы.

Наши гимны – наши стоны.
Мы для новой красоты
Нарушаем все законы,
Преступаем все черты.

Мы – соблазн неутолённых,
Мы – посмешище людей,
Искра в пепле оскорблённых
И потухших алтарей.

Мы – над бездною ступени,
Дети мрака – солнца ждём:
Свет увидим – и, как тени,
Мы в лучах его умрём.

Сергей Маковский

СОВРЕМЕННОМУ

Безумцам новизны не верь, поэт. Забудь
О новом. Все творцы идут путём единым.
От сердца глубины к неведомым глубинам,
Во имя вечного и к вечному – тот путь.

Не бойся старых слов. С собой бесстрашно будь.
И старые слова, седым крылам орлиным
Подобные, взнесут тебя к седым вершинам;
Их царственный полёт не может обмануть.

В порыве – творчество. Ни мыслей устарелых,
Ни слов отверженных, ни чувств отживших нет,
Когда вещает их и верит им поэт.

Не чувства отжили, но в душах омертвелых,
В сердцах, исполненных гордыни и тоски,
Иссякли вечных чувств живые родники.

Дмитрий Цензор

ГЛАЗА

О, глаза, сиротливые, вдовьи,
Окружённые синим кольцом,
Вы горели стыдливой любовью,
Вы потухли под скорбным венцом.

Полутёмная матовость крепа
Осняет ваш тихий разрез,
И глядите вы грустно и слепо,
Словно вечер осенних небес.

И когда ваши слёзы-опалы
Упадают на бледность лица –
Это плачет расцвет запоздалый,
Не успевший расцвести до конца.

Тишиной утомлённого взора
Вы скрываете тайну души,
Как забытые солнцем озёра
В одинокой, безлюдной глуши.

Игорь Северянин

ПОЭЗА ВНЕ АБОНЕМЕНТА

Я сам себе боюсь признаться,
Что я живу в такой стране,
Где четверть века центрит Надсон,
А я и Мирра – в стороне;
Где вкус так жалок и измельчен,
Что даже – это ль не пример? –
Не знают, как двусложьем: Мельшин
Скомпрометирован Бодлэр;
Где блеск и звон карьеры – рубль,
А паспорт разума – диплом;
Где декадентом назван Врубель
За то, что гений не в былом.
Я – волк, а Критика – облава!
Но я крылат! И за Атлант –
Настанет день! – польётся лава –
Моя двусмысленная слава
И недвусмысленный талант!

Краткие сведения о поэтах, привлёкших внимание Сергея Тиванова:

Константин Дмитриевич Бальмонт (3[15] июня 1867 г., деревня Гумнищи, Шуйский уезд, Владимирская губерния, Российская империя – 23 декабря 1942, Нуази-ле-Гран, Франция) – русский поэт-символист, переводчик и эссеист, один из виднейших представителей русской поэзии Серебряного века.

Сергей Константинович Маковский (15[27] августа 1877, Санкт-Петербург – 13 мая 1962, Париж) – русский поэт, художественный критик и организатор художественных выставок, издатель (первая волна эмиграции). Член союза «Председателей земного шара».

Александр Александрович Блок (16[28] ноября 1880, Санкт-Петербург, Российская империя – 7 августа 1921, Петроград, РСФСР) – русский поэт Серебряного века, писатель, публицист, драматург, переводчик, литературный критик. Классик русской литературы XX столетия, один из крупнейших представителей русского символизма.

Александр Митрофанович Фёдоров (6[18] июля 1868, Саратов – 22 апреля 1949, София, Болгария) – русский поэт и прозаик, переводчик, драматург. В Советском Союзе переиздавался только роман Фёдорова «Степь сказала» (Уфа, 1981). Его поэтическое творчество остаётся прочно забытым.

Василий Васильевич Каменский (5[17] апреля 1884, на пароходе на реке Каме, между Пермью и Сарапулом – 11 ноября 1961, Москва) – русский поэт-футурист, прозаик, художник, один из первых русских авиаторов. Член союза «Председателей земного шара».

Дмитрий Сергеевич Мережковский (2[14] августа 1865, Санкт-Петербург – 9 декабря 1941, Париж) – русский писатель, поэт, литературный критик, переводчик, историк, религиозный философ, общественный деятель.

Дмитрий Михайлович Цензор (10[22] декабря 1877, Виленская губерния – 26 декабря 1947, Москва) – русский поэт Серебряного века.

Игорь Северянин (большую часть литературной деятельности автор предпочитал написать Игорь-Северянин (дор.ф. Игорь-Северянинъ); настоящее имя – Игорь Васильевич Лотарёв; 4[16] мая 1887, Санкт-Петербург, Российская империя – 20 декабря 1941, Таллин, Эстонская ССР, СССР) – русский поэт Серебряного века, переводчик с эстонского и французского. Один из крупнейших представителей русского футуризма; первым из русских поэтов употребил слово «футурист»; основатель и лидер движения эгофутуристов.

Михаил Николаевич Алексеев

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и массовых коммуникаций Саратовской области,
Саратовское региональное отделение Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».
Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.

Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.

Корректор – Е. Н. Березина.

Подписано в печать 15 августа 2023 года.

Дата выхода в свет 31 августа 2023 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/15083

Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2023.

© «Волга–XXI век», 2023.

